

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА

ЛИНГВИСТИКА

Бюллетень
Уральского лингвистического общества

ТОМ 10

Екатеринбург
2003

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (Отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Кандидат филологических наук, доцент Е.В. ДЗЮБА

Л 59 Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В.И. Томашпольский / А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2003. Т. 10. 177 С.

ISBN _____

Бюллетень издается Уральским лингвистическим обществом. Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики; обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Бюллетень предназначен для ученых-языковедов всех специальностей. Он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов, всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Том 10

ЛР № _____ от _____

Подписано в печать 15.05.2003. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 11. Тираж 100 экз. Заказ _____.

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620219 Екатеринбург, ГСП – 135, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

ISBN _____

2003

© Лингвистика,

Содержание

Раздел 1. Когнитивная лингвистика

Каслова А.А.	Метафорическая репрезентация культуры политического поведения (на материале текстов предвыборной агитации 2000 года в США).....5
Плотникова А.М.	Когнитивный сценарий и образная схема глаголов победы и поражения.....10
Сорокина М.В.	Манипулятивный потенциал метафоры в американском политическом дискурсе периода войны в Ираке.....16
Чудинов А.П.	Интертекстуальность политического текста.....27
Шинкаренкова М.Б.	Милитарная метафора в рок-поэзии.....34

Раздел 2. Коммуникативная лингвистика

Михайлова Л.Ю.	Система антропонимов чата.....45
----------------	----------------------------------

Раздел 3. Компаративная лингвистика

Бадрызлова Ю.Г.	Лексемы <i>терроризм/terrorism</i> в лексикографическом зеркале (на материале словарей русского и английского языка).....61
Гашева О.В.	Особенности выражения косвенных речевых актов общения с эмотивным компонентом во французском языке.....91
Кондакова М.Ф.	Частеречная принадлежность заимствований.....95
Кравченко Л.С.	Типы многозначности имен в зонах широко и уникально развитой многозначности английского языка.....101
Макеева С.О.	Термины профессиональной сферы образования в дейктической функции.....107
Павлова Н.С.	Терминологическая лексика юридической

	тематики в произведениях Ф. Кафки, П. Вайса, Б. Шлинка: проблемы перевода.....	117
Поваляева Ю.В.	Структурная организация парцелированных конструкций в русском и французском языках.....	130
Слезкина М.Г.	К вопросу о сопоставительном изучении лексико-семантической структуры обозначений желтого цвета и их словообразовательных связей (на материале русского и чешского языков).....	135
Соколова О.Л.	Аффиксальное словообразование у вещественных существительных (на материале русского и французского языков).....	139

Раздел 4. Системная лингвистика

Быкова С.Е.	Префиксация как способ словообразования (на примере юридической терминологии французского языка).....	144
Горелик П.Л.	Изотопия имплицитного высказывания..	147
Жавкина Е.Б.	Проблема субституции терминов в научном тексте.....	150
Лукина О.И.	Проблема соотношения фонемы и варианта в лингвистике.....	154
Нахимова Е.А.	Дискретная и диффузная многозначность.....	159
Плотникова Ю.И.	К вопросу о границах словообразовательного гнезда.....	163
Шарафутдинов Д.Р.	О специфике системных семантических соотношений синтаксических дериватов.....	171
Сведения	об	авто-
рах.....	176	

Раздел 1. Когнитивная лингвистика

Каслова А.А. Метафорическая репрезентация культуры политического поведения (на материале текстов предвыборной агитации 2000 года в США)

В современной лингвистике все большее значение приобретает синтезирующий подход к изучению языка. Научный редукционизм уступает место перспективным направлениям, фокусирующим внимание не на «чистом языке», а на области знаний, находящейся на пересечении (соприкосновении) различных отраслей, что обусловлено неослабевающим интересом современного человека к различным сферам общественной жизни. Одним из таких направлений является политическая лингвистика, предмет которой – «политическая коммуникация, т. е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» (А. П. Чудинов, 2002, с.69). Политическая коммуникация позволяет не только передавать информацию, но и оказывать эмоциональное воздействие на адресата, структурировать и реорганизовывать концептуализацию политической картины мира.

Язык современной прессы повышенно метафоричен (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. А. Земская, Е. Г. Казакевич, Е. А. Земская, А. П. Чудинов и др.). Метафора нами рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, т. е. как своего рода когнитивный процесс, позволяющий «осмыслить и пережить явления одного рода в терминах другого рода» (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990, с. 389), а также выявить оценочно-интерпретационные признаки концептуализируемых объектов действительности. В данной работе нам бы хотелось выявить, каким образом происходит репрезентация родовых черт культуры политического поведения в США. Для этого мы рассматриваем метафорическое

словоупотребление в публицистических текстах периода президентских выборов 2000 года в Соединенных Штатах. Представление базовых характеристик будет производиться нами через описание и анализ активно функционирующих (наиболее частотных и продуктивных) метафорических моделей в американском политическом дискурсе.

Базовой чертой культуры политического поведения американцев является состязательный характер (Э. Я. Баталов, 1990, К. С. Гаджиев, 1994), т. к. политика в целом воспринимается как непрекращающийся «диалог-поединок между партией власти и оппозицией» (Е. И. Шейгал, 2000, с.32), состязание, противоборство, что отражается в текстах предвыборной агитации посредством метафорики, структурирующей модель «Выборы президента – это соревнование». Напористость, преходящая порой в агрессию, в действиях американских политиков могут быть репрезентованы посредством коннотативно нагруженной спортивной метафорики. Так, электоральный процесс концептуализируется в терминах спортивных состязаний, различных видов спорта, спортивных приемов: *contest* (состязание, соревнование), *prizefight* (состязание на приз в боксе), *horse race* (лошадиные скачки), *football* (игра в американский футбол); *knockout* (нокаут), а сами кандидаты как спортсмены: *competitors* (участники состязаний), *ballplayers* (игроки с мячом), *Olympic athletes* (спортсмены – участники олимпиады), *prize fighters* (боксеры профессионалы) и т. д. Ср.:

But the campaign was hungry for a knockout in the first debate (E. Cliff / Newsweek, 20.11.00). [*Но участники кампании жаждали решить первый спор нокаутом.*] ...and suddenly an election that looked like a sleeper became a horse race (H. Fineman / Newsweek, 4.09.00). [*...неожиданно выборы, напомиавшие спящего, стали похожи на лошадиные скачки.*] *Some aids tried to find a virtue in Bush's swaggering style comparing him to a quarter-back who wants the ball in the fourth quarter* (E. Cliff / Newsweek, 20.11.00). [*Некоторые помощники пытались оправдать развязную манеру Буша, сравнивая его с защитником, требующим мяч в четвертой четверти.*]

В США кандидаты на пост президента в условиях существующей конкуренции, состязательности ставят своей задачей

не просто создание собственного положительного образа, но и одновременно дискредитацию соперника, что нередко находит проявление во внешней манере политического поведения американских политиков. Наступательность рождает существование враждебности, что неизменно проявляется в вербальной агрессии. Милитаризованность политического дискурса США представляет собой проявление базовых представлений о политической сфере общества, отраженных в массовом сознании коммуникантов. Антагонистический характер президентской гонки (политического поведения в целом) наиболее ярко выявляется посредством метафоррики, номинирующей выборы в военных терминах, что эксплицирует пучок негативных ассоциаций: *guerilla war* (партизанская война), *warfare* (война, ведение войны), *civil war* (гражданская война), *all-out war* (тотальная война), *public relations war* (война общественных отношений), *war of ideas* (идеологическая война). Метафорическая война кандидатов в президенты США наполнена агрессивным прагматическим потенциалом и представлена широким спектром наименований действий участников электорального процесса: *to crush* (уничтожать), *to combat* (сражаться), *battle* (битва), *attack* (атака), *struggle* (борьба), *to fire* (вести огонь), *to shoot* (стрелять). Ср.:

The voters were still tallied last Tuesday night when George W. Bush launched his counterattack against John McCain (E. Pooley / Time, 14.02.00). [Вечером в прошлый вторник, пока все еще происходил подсчет голосов, Джорж Буш начал контратаку против Джона Маккейна.] For a few moments each side thought it had captured the presidency, only to lose it again (N. Gibbs / Time, 20.11.00). [На какие-то мгновения каждая из сторон считала, что захватила пост президента, чтобы тут же потерять его.] Armed with briefing books, Bush is working to deflect Gore's shots (J. Carney, F. Dickerson / Time, 11.09.00). [Вооруженный инструкциями, Буш пытается уклониться от выстрелов Гора.]

Очевидно, что война является актуализированной сферой для осмысления президентской кампании, что обусловлено влиянием национального менталитета современного американского общества, отношения в котором носят конкурентный характер, принимающий агрессивную, «взрывоопасную» форму.

Президентская кампания в США несет в себе черты «шоу», театрализация электорального процесса получает гипертрофированное выражение. Потому тема театра в настоящее время представляет собой актуализированное метафорическое поле. Широкое распространение и употребление театральной метафоры на современном этапе связывают, в первую очередь, с развитием СМИ. По мнению политологов, усиление тенденции к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привело к популяризации политики, к распространению, так называемой «символической политики» или «политики театра», «основанных на образах или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» (К. С. Гаджиев, 1994, с. 389). В связи с этим, президентская гонка может осмысливаться как различные виды театрализованного представления или смежные искусства: *spectacle* (спектакль), *drama* (драма), *soap opera* (мыльная опера), *cartoon film* (мультфильм), *show* (шоу), *circus* (цирк), *vaudeville* (водевиль), *symphony* (симфония), сами кандидаты как участники театрального действия как *clowns* (клоуны), *players* (исполнители ролей), *cast* (состав исполнителей), *jugglers* (жонглеры), *actors* (актеры), а их действия как выступления, заучивание роли, игра на публику. Ср.:

Al Gore has played supporting actor to Bill Clinton's leading man (*Business week*, December 1999). [При исполнителе главной роли Билле Клинтоне Гор сыграл роль второго плана.] *But Bradley compares the primary schedule to a movie. Iowa and New Hampshire "are like the previews", he says, and the March contests "are the feature"* (E. Pooley / *Time*, 31.01.00). [А Бредли сравнивает программу предварительных выборов с кино. Айова и Нью-Гемпшир как «рекламный показ», - говорит он, а мартовские состязания «как основной полнометражный фильм».] *Working behind the scenes he helped... Bill Clinton carry Illinois in 1992* (E. Cliff / *Newsweek*, 20.11.00). [Работая за кулисами, он помог... Биллу Клинтону победить на выборах в Иллинойсе в 1992.]

Еще одной отличительной чертой в политической культуре США является довольно трезвый и заземленный взгляд на политику и ее субъектов, которые ни в коем случае не наделяются исключительностью, а профессия политика вполне доступна

любому здравомыслящему человеку, обладающему житейским опытом. Политические отношения имеют «ту же природу, что и система управления крупной корпорацией или юридической фирмой» (К. С. Гаджиев, 1994, с. 243). В связи с этим в американском политическом дискурсе активизируется так называемая финансовая метафора, с экономической сферой метафорической экспансии (G. Lakoff, 1991, 1995).

В соответствии с тематикой источниковой сферы в политический контекст вводится стертое метафорическое словоупотребление *political capital* (*политический капитал*) для обозначения накопленного опыта в сфере политики, авторитета, а также возможностей и перспектив кандидатов в президенты и их помощников. Ср.:

“I want Dick to build up some political capital ... so he could go up to Capitol Hill and spend it.” (J. Carney, J. F. Dickerson / Time, 12.02.01). [«Я хочу, чтобы Дик наращивал свой политический капитал... для работы на Капитолийском Холме, где бы он смог его потратить.] ...he (Bush) may have to spend more political capital defending his picks... (N. Gibbs / Time, 15.01.01). [...возможно ему (Бушу) придется растратить большую часть своего политического капитала для защиты своих идей (выбора).]

В рамках представленной модели политические действия кандидатов в президенты концептуализируются как финансовая или экономическая деятельность (отношения купли-продажи). Для этого используются метафорические словоупотребления типа *to make bargain* (*заключить сделку*), *to huckster* (*торговаться, барышничать*), *to get credit* (*получить кредит*). Ср.:

On his last day, Bill Clinton makes a bargain to avoid prosecution (M. Weisskopf / Time, 29.01.01). [В последний день работы Билл Клинтон заключает сделку, чтобы избежать судебного разбирательства.]

Субъекты политики, кандидаты в президенты, их сторонники и ближайшие помощники могут быть представлены как служащие или заведующие при помощи наименований *a man in charge* (*заведующий, человек, который за главного*), *master* (*хозяин*), *steward* (*служащий, стюарт*). Ср.:

... *Cheney, rather than his boss (Bush), is the man in charge* (J. Carney, J. F. Dickerson / Time, 19.03.00). [*... скорее Чини, а не его босс (Буш), является управляющим делами (заведующим).*]

Описанные материалы свидетельствуют о том, что финансовая (экономическая) метафора является продуктивной в период президентских выборов 2000 года. Это свидетельствует об актуальности источниковой сферы для американского общества в данный период времени, а также подтверждает «удобство» экономической терминологии для концептуализации отношений в политике. Представленная метафорика несет, скорее всего, негативный прагматический потенциал, т. к. оживляет смыслы доминирующей роли в обществе товарно-денежных, коммерческих отношений, «отодвигая» на второй план нравственную сторону деятельности субъектов политики, активизирует семы «расчетливости», «духа коммерции».

В целом, обращаясь к метафорической картине мира, представленной в текстах предвыборной агитации можно сделать выводы, что американская пресса полностью отражает современные тенденции культуры политического поведения США. Конкурентный характер политики репрезентован спортивной метафорой, которая зачастую (в случае ярко выраженной вербальной агрессии) переходит в милитарную. Личностный характер политики современного американского общества, театрализованность, зрелищность предвыборной кампании воплощаются в метафорике с источниковой сферой театр. Представления о политике, как о занятии лишенном ореола исключительности репрезентованы посредством финансовой метафоры.

Список литературы:

1. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 256с.
2. Политическая культура: теория и национальные модели. Гаджиев К. С. Гудименко и др. М.: Интерпракс, 1994, 352 с.
3. Чудинов А. П. Политический нарратив и политический дискурс / Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2002. Т. 8. 155с.

4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. Гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

5. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf// D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

© Каслова А.А., 2003

Плотникова А.М. Когнитивный сценарий и образная схема глаголов победы и поражения

Одной из основных задач когнитивной семантики является определение базовых структур знания, получающих репрезентацию в значениях слов. Используя для обозначения различных когнитивных структур термины «концепт», «фрейм», «пропозициональная модель», «сценарий», «скрипт», «идеализированная когнитивная модель» и другие, ученые пытаются определить способы концептуализации и категоризации мира в значениях языковых единиц.

Репрезентируя динамический фрагмент действительности, значение глагола включает «не только визуальный образ движения или действия, но и более абстрактное представление о моторной программе его выполнения» (Кубрякова 1997, 281). Глагол детерминирует денотативные, семантические и синтаксические функции актантов и тем самым задает основные параметры ситуации. Значение глагола в свернутом виде способно репрезентировать как одну, так и несколько ситуаций. Так, Л.Г.Бабенко выделяет монопропозитивные и полипропозитивные глаголы, а среди полипропозитивных – глаголы с включенной и совмещенной пропозицией (Бабенко 1997, 30-45). Совокупность проблем, связанных со сложностью глагольного значения, приводит к неоднозначности решения вопроса о когнитивном статусе глагола: в литературе когнитивным коррелятом глагола называют скрипт или сценарий (Е.С.Кубрякова), когнитивно-пропозициональную модель (Л.Г.Бабенко), ситуатему (Н.Б.Лебедева).

В данной работе предпринимается попытка когнитивного анализа глаголов одной лексико-семантической группы (далее –

ЛСГ) – ЛСГ победы и поражения (например, *возобладать, завладеть, лидировать, обыгрывать, одолевать, осилить, побеждать, превосходить, пропоривать, сдаваться* и др.). Материалом анализа послужили дефиниции Толкового словаря русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Английские эквиваленты (Под ред. Л.Г.Бабенко. М., 1999. Далее ТИСРГ).

Глаголы победы и поражения, относящиеся к семантическому классу социальных глаголов, на когнитивном уровне репрезентируют ситуацию, включающую двух субъектов (контрагентов) и предикат победы/поражения. Прототипическая ситуация может быть охарактеризована следующим образом: субъект-1 преодолевает сопротивление, оказываемое субъектом-2, одерживает верх над субъектом-2, а субъект-2 терпит поражение. Данная прототипическая схема программирует набор участников ситуации победы и поражения, а также отношения между ними. Процессуальный подход к значению глагола позволяет рассматривать прототипическую ситуацию ЛСГ победы и поражения как сценарий, состоящий из нескольких сцен. Прессупозитивная часть включает сцену конфликта участников (контрагентов), который каузирует интенсивные действия субъекта-1. Центральной в ситуации борьбы является сцена преодоления субъектом-1 сопротивления со стороны субъекта-2.

Перспективизация, то есть фокусировка внимания на отдельных элементах сценария, позволяет выделить две подгруппы глаголов: многочисленную группу глаголов победы (*возобладать, восторжествовать, выигрывать, завладеть, одолевать, опережать, побеждать, побороть, превозмогать* и т.д.) и группу глаголов поражения (*проигрывать, проспоривать, сдаваться*). Глаголы победы и глаголы поражения отображают одну и ту же ситуацию с противоположными ролевыми структурами, то есть являются семантическими конверсивами. Закономерно и связано с особой значимостью позиции активного субъекта то, что в языке получает лексико-семантическое воплощение именно ситуация победы и в меньшей степени представлена ситуация поражения.

В семасиологии накоплен значительный опыт исследования структуры ЛСГ, системных связей внутри ЛСГ, в том числе

связей базового слова-идентификатора и рядовых глаголов – членов ЛСГ (Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, В.В. Морковкин, В.П. Москвин и др.).

Базовый глагол ЛСГ победы *победить* и базовый глагольно-именной оборот со значением поражения *терпеть* (*поражение*) выражают основную семантическую идею класса и задают схему типовой ситуации победы и поражения, которая варьируется в значениях рядовых членов ЛСГ. Рассматривая ЛСГ с точки зрения когнитивной семантики, Л.Г. Бабенко пишет: «...в семантике базовых идентификаторов «минимизированы»... знания об отображаемой действительности, в них свернута и обобщенно репрезентирована семантика всех единиц ЛСГ, передается идея класса (классовая семантика), что существенно для категоризации мира» (Бабенко 1998, с. 6).

В конкретных глаголах ЛСГ варьируется когнитивный сценарий победы/поражения. Рассмотрим механизмы его варьирования.

В когнитивной лингвистике общепризнанным является факт, что в основе понятийной системы человека лежат образные схемы (или образ-схемы). Образная схема понимается как «повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» (Джонсон, цит. по: Ченки 2002, с. 347). Таковы, например, схемы *вместилище*, *препятствие*, *путь*, *связь*, *часть – целое* и др. Данные схемы активно применялись при изучении пространственных ситуаций, воплощенных в языке (например, исследования семантики английских пространственных предлогов Дж.Лакоффа, Л.Янда). Представляется, что понятие *образная схема* может быть использовано и при рассмотрении социальных глаголов, поскольку, как известно, мы понимаем абстрактные концепты через призму конкретного физического, сенсомоторного опыта. Анализ глаголов ЛСГ победы и поражения позволяет говорить о том, что в основе ситуации победы/поражения лежит образная схема «устранение препятствия». В роли препятствия может выступать физическая или интеллектуальная сила другого человека или группы людей (*побороть*, *пересиливать*, *обыгрывать*, *опережать*, *переспоривать*, *сламывать*), какое-либо естественное препятствие (*осили-*

вать, преодолевать, форсировать), болезнь (*одолевать, перебороть, выкарабкиваться*), чувство, состояние, желание (*превозмогать, перебороть, одолевать, подавлять, совладать*). Ситуация поражения, представленная в основном метафорическими глаголами, иллюстрирует схему невозможности устранения препятствия, что метафорически осмысливается как повреждение, гибель (*лопаться, лопнуть, проваливаться, прогорать, погореть, раздавливать*) или как невозможность движения (*погрязнуть, увязнуть, провалиться*). Интересно, что метафоры победы и поражения имеют пространственную семантику: победа осмысливается как движение вверх (*выкарабкиваться, вылезать*), а поражение как движение вниз (*провалиться, погрязнуть, увязнуть*). Таким образом, центральную роль в построении ЛСГ играют трансформации образной схемы, при которых происходит фокусирование внимания на одном из аспектов схемы (аспекте препятствия).

ЛСГ победы и поражения построена по радиальному принципу: в значениях рядовых членов ЛСГ репрезентируется единый для всей группы когнитивный сценарий, в основе которого лежит образная схема «преодоление препятствия». Следовательно, можно говорить о том, что в основе ЛСГ победы/поражения лежит прототипический принцип организации. В значениях глаголов – рядовых членов ЛСГ происходит актуализация отдельных компонентов сценария. Так, в ряде глаголов актуализируются компоненты значения, связанные с денотативной сферой, в которой осуществляется победа (*обыгрывать – в игре, лидировать – в конкурсе, соревновании, переспоривать – в споре, побороть – в бою, войне, сражении* и т.д.). В других глаголах более значимым становится реляционный аспект, связанный с отношениями превосходства одного субъекта над другим (*превосходить, опережать*). В глаголе *форсировать* происходит специализация когнитивного сценария с включением в значение глагола указания на характер преграды (*форсировать – Воен. Преодолевать с боем какой-л. рубеж или естественное препятствие, чаще водное*) (ГИСРГ).

Мы предположили, что процессы, связанные с изменением когнитивного сценария глаголов одной ЛСГ, должны совпа-

дать с варьированием лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначного глагола.

По словам Г.И.Кустовой, «исходное значение слова как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» (Кустова 2000: 104). Анализ семантической деривации глаголов, относящихся к ЛСГ глаголов победы и поражения, позволяет рассмотреть специфику варьирования когнитивного сценария.

Покажем это на примере анализа многозначного глагола *одолеть*. В основном значении данный глагол является репрезентантом прототипической ситуации победы (*одолеть врага, неприятеля, противника*). Действие субъекта направлено вовне, на противодействующую силу. В «семантической памяти» глагола содержится указание на существование конфликта между участниками: *одолеть – победить, осилить в борьбе* (Толковый словарь русского языка. Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981-1985. С. 597. Далее все дефиниции приводятся по данному словарю). Характер препятствия становится важным при развитии производных значений глагола (*одолеть – 2. Осилить, преодолеть что-л., требующее физических усилий, труда*). Например: *одолеть перевал, подъем, лестницу, дорогу*. Интересно, что препятствие мыслится как пространственный объект, ориентированный вертикально (подъем) или протяженный (дорога). Ситуация преодоления часто мыслится с помощью схемы движения вверх. В анализируемых значениях глагола важен активный и наблюдаемый характер действия.

Изменение характера препятствия в рамках той же обральной схемы преодоления ведет к образованию производных метафорических значений. Специализация значения относительно типа препятствия приводит к возникновению другого производного значения (*одолеть – преодолев трудности в изучении, освоении, овладеть чем-л.*). Например: *одолеть нотную грамоту, итальянский язык*. При этом вместе с изменением преграды происходит фокусировка внимания на психологическом факторе, то есть *одолеть трудности в изучении* – это превозмочь какие-либо интеллектуальные препятствия или сопротивление внут-

ренных обстоятельств. Те же процессы наблюдаются при образовании значения: *одолеть* – *преодолеть*, *побороть* (какое-либо чувство). Действие, обозначенное глаголом *одолеть* замыкается в самом субъекте (например: *Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Ододел же Свидригайлов, боявшийся смерти?* (Достоевский)). Сдвиг диатезы формирует новое значение глагола, в котором субъект теряет признак активности и становится носителем состояния, которое полностью охватывает и побеждает его: *одолеть* – *охватить кого-л.*, *всецело овладеть кем-л.* (о каком-л. состоянии). Например, *одолела зевота, бешенство, сон одолевал, старость одолевает* и др. На периферии происходит преобразование по конверсии, то есть меняется ролевая структура участников при сохранении того же когнитивного сценария.

Семантическая парадигма значений глагола *одолевать* представляет собой поле с сильно центрированным ядром, так как при развитии значений и при употреблении глагола в контексте происходят модификации рассмотренного выше когнитивного сценария с актуализацией отдельных компонентов.

Таким образом, развитие когнитивного сценария многозначного глагола *одолеть* и трансформация образной схемы «преодоление препятствия» идет в соответствии с теми же механизмами, которые действуют и при развитии когнитивного сценария и образной схемы ЛСГ победы и поражения в целом. Такая корреляция в организации семантических парадигм разного статуса объясняется наличием общих моделей языковой категоризации мира.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 30 – 44.
2. Бабенко Л.Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения. // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 1998. С. 3 – 11.

3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

4. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000, № 4. С. 85 – 109.

5. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М., 2002. С. 340 – 369.

© Плотникова А.М., 2003

Сорокина М.В. Манипулятивный потенциал метафоры в американском политическом дискурсе периода войны в Ираке

В последнее время исследование метафоры как языкового, речевого и культурного феномена переместилось в плоскость анализа специфики концептуализации мира посредством языка и онтологизации накопленного человеком опыта (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Ж. Фоконье, М. Тернер, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова и др.). Современная когнитивистика рассматривает метафору как “основную ментальную операцию, способ познания, структурирования и объяснения мира” (А. П. Чудинов, 2001, с.7). Процессы метафоризации – это “специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания” (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, 1991, с. 185). Иначе говоря, человек мыслит метафорами, с помощью них создавая мир, в котором живет.

При характеристике метафорической модели используются когнитивные категории, заимствованные из теории представления знаний – это понятия фрейма и сценария. Фрейм, являясь декларативным способом представления знаний, является “описанием типизированной ситуации, состоящим из слотов”. Слоты представляют собой “элементы ситуации, которые включают какую – то часть фрейма, какой – то аспект его конкретизации” (А. П. Чудинов, 2001, с.45). В отличие от фрейма, сценарий – процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма и представляет собой последовательность ситуаций, типичных для той или иной

модели.

Таким образом, в соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это средство постижения и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной области при наличии эмоционально – смыслового компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

Концептуальная метафора моделирует окружающий мир человека, предлагая и даже навязывая ему определенный способ категоризации действительности и порождая соответствующий эмотивный эффект, которые, в свою очередь, оказывают влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности. На этой способности метафоры формировать ценностные установки и, как следствие, характер социальной активности базируется ее мощный манипулятивный потенциал.

Манипуляция связана с целенаправленным скрытым психическим воздействием на кого-либо для достижения заранее спланированных результатов. Герберт Франке дает следующее определение манипуляции: “Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено” (Цит. по: С. Г. Кара-Мурза, 2001, с. 16). Манипуляция основана на использовании информационного аппарата и аппарата формирования идей, являясь одним из основных средств социального контроля. К необходимым элементам ситуации манипуляции относятся субъект манипулирования, объект манипуляции и собственно манипулятивный акт. Субъект манипулирования – это лицо или группа лиц, в интересах которых осуществляется манипулирование. Объекты манипуляции – большинство, являющееся ее жертвой.

Сама манипуляция имеет сложную структуру и включает:

- планирование воздействия;
- сбор средств и сведений об объекте манипуляции;
- подстройка к адресату воздействия;
- организация ситуации воздействия;

- подготовка адресата (К. Х. Каландаров, 1998, с. 14).

Проведение манипуляции связано с выбором психических структур, с помощью которых она осуществляется, и которые могут быть классифицированы следующим образом:

- побудители активности (потребности, интересы);
- регуляторы активности (смысловые, целевые, операциональные установки, нормы, мировоззрение, убеждения, самооценка);
- когнитивные комплексы (образы и картины мира, знания явные и неявные и т.д.);
- операциональные комплексы (способы мышления, характер аргументации, коэффициент критичности, привычки, навыки, умения);
- психические состояния (К. Х. Каландаров, 1998, с. 13).

К таким механизмам, способствующим осуществлению манипуляции можно отнести упор на низменные чувства, агрессивные реакции и устремления, возбуждение чувства собственности, враждебного отношения к “чужим”, потребности в признании, безопасности, в чувстве общинности, широкое и целенаправленное использование универсальных побудителей: гордости, стремления к удовольствиям, комфорту, деньгам.

Целью нашей работы является рассмотрение манипулятивного потенциала антропоморфной метафоры в американском политическом дискурсе периода войны в Ираке (2003 год). Материалом для исследования послужили публикации в американских СМИ, освещающих подготовку союзников к боевым действиям, ход и итоги войны, закончившейся полным поражением войск Саддама Хусейна и падением его режима.

Любой акт манипуляции непосредственно связан с созданием воображаемых миров, которые формируют для человека иную координационную сетку, параметры которой определяются им самим. Воображаемые миры могут функционировать на уровне одного человека, а могут иметь универсальный “межкультурный” статус претендуя на более реальный характер, чем сама реальность (К. Х. Каландаров, 1998, с. 19). К наиболее эффективному средству строительства воображаемых миров следует отнести метафору. Именно поэтому для американского поли-

тического дискурса, посвященного войне в Ираке 2003 года характерно функционирование большого количества метафорических моделей. Одной их наиболее активных является антропоморфное представление враждующих сторон в метафоре ВОЙНА – ЭТО БИТВА ДВУХ ЛЮДЕЙ. В подобных случаях армия (иракская или американская) образно представляется как один боец, у которого обнаруживаются метафорические сердце, глаза, уши, руки и другие органы, который способен испытывать разнообразные чувства, получать ранения и т.п. Высокая продуктивность антропоморфной метафоры не является удивительной. Наиболее типичными источниками метафорической экспансии становятся сферы, наиболее структурированные в представлении человека. В соответствии с теоретическими положениями когнитивистики создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: человек концептуализирует действительность, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира, где в центре окружающего мира находится сам человек (В. Н. Телия, 1988, с.4).

Главная цель политических манипуляций периода войны в Ираке 2003 года – убедить американских избирателей и налогоплательщиков в том, что война неизбежна, справедлива, оправдана и необходима всей нации, а не только ее финансовой и политической верхушке. Лакофф писал: "...justification (of war) is based very largely on a metaphorical system of thought in general use for understanding foreign policy" [...оправдание войны во многом основано на метафорической системе мышления, которая широко используется для анализа внешней политики] (G. Lakoff, 1991, с.1). Чем шире аудитория, на которую необходимо оказать воздействие (а в рассматриваемом случае объектом манипуляции является целая нация), тем универсальнее должны быть механизмы ее осуществления. Метафора ВОЙНА – ЭТО БИТВА ДВУХ ЛЮДЕЙ задает условия воображаемого мира войны, нарушает привычные связи, задерживает внимание, перекомбинирует реальность. Она предопределяет пути мышления, задавая схемы, в рамках которых американский обыватель моделирует мир войны. При этом, говоря об адекватном восприятии текста, содержащего метафорические наименования, нельзя ни обратить внимание на важности пресуппозиции, представляющей собой

”некий общий для адресата и адресанта фонд знаний” (А. П. Чудинов, 2001, с.186).

Итак, субъектам манипулирования выгодно, чтобы американское общество осмысливало военные события в антропологических терминах. Что же придает антропоморфной метафоре ВОЙНА – ЭТО БИТВА ДВУХ ЛЮДЕЙ такой мощный манипулятивный потенциал? Во-первых, персонификация воюющих сторон эксплуатирует генетически заложенную потребность читателя в личной безопасности. Во-вторых, она эффективно устраняет дистанцированность от военных действий, провоцируя рефлекторно обусловленные эмоциональные реакции, вызванные погружением в метафорическую действительность, выживание в условиях которой требует немедленной самозащиты, что блокирует работу аналитического аппарата в силу недостатка времени для формирования рационально обусловленного решения и психофизиологическим характером провоцируемых реакций. В-третьих, искусственно создаваемая обстановка направленной на индивида агрессии вызывает страх, тревожность, ответную агрессию, стремление во что бы то ни стало нейтрализовать противника. Все это как раз необходимо субъектам манипулирования, главная цель которых – внедрить в общественное сознание мысль о неизбежности и необходимости иракской войны.

Таким образом, в политическом дискурсе американских СМИ происходит активное развертывание метафорической модели ВОЙНА – ЭТО БИТВА ДВУХ ЛЮДЕЙ. Прежде всего, метафорическое представление сторон конфликта как воюющих индивидов подкрепляется указанием на различные части тела, служащие пространственным ориентиром (голову, спину, лицо), причем один и тот же концепт может выступать как орган и часть тела (Чудинов, стр. 63). Ср.:

Air raid sirens, flashes of light and sounds of planes in skies over Baghdad where the enemies are facing each other. [Над Багдадом, где противники сходятся лицом к лицу, звучат сирены воздушной тревоги, видны вспышки света и раздается гул самолетов.] (John Cox “Baghdad Coverage”//“Los Angeles Times” NewsHour Agency, April 11, 2003).

Iraqi forces on the Tigris River bank were hit in the head –

heavy explosion destroyed armored troop –carrier. [Иракские войска на берегу реки Тигр получили удар в голову – сильным взрывом был уничтожен бронетранспортер.]

(David Brandski “War in Iraq - Ongoing”//Top Stories - Reuters, April 9, 2003).

Физиологические органы всегда функциональны, так как они “отвечают” за какую – либо сферу жизнедеятельности, давая организму противников возможность полноценно осуществлять физиологические функции, вынуждая каждого ограждать собственный организм от нанесения ущерба и одновременно стремиться причинить организму противника вред, достаточный для расстройства его физиологических функций. Наиболее часто среди физиологических органов упоминаются глаза, уши, нос, зубы, сердце, легкие, хребет, кровь, голова. Ср.: *Street fighting between US troops and Iraqi paramilitaries flares in Kerbala after an afternoon of fierce combat when the heart of the Iraqi forces has been disintegrated.* [Бои между американскими войсками и иракскими военизированными формированиями продолжаются в Кербале после дня ожесточенной борьбы в результате которой “сердце” иракских войск было разбито.] (David Brandski “War in Iraq - Ongoing”//Top Stories - Reuters, April 9, 2003).

Cruise missile and air strike attacks on Baghdad destroy command-and-control facilities, the head of Iraqi air defense. [Крылатые ракеты и воздушные удары по Багдаду уничтожают системы управления, мозг иракской ПВО.] (David Brandski “War in Iraq - Ongoing”//Top Stories Reuters, April 9, 2003).

Военные действия представляются как противостояние людей, которые используют оружие и другие инструменты физического воздействия как для самозащиты и ограничения физических возможностей противника, так и для нанесения “оппоненту” телесных повреждений (связывать, сажать на цепь, наносить удар кинжалом, засовывать кляп в рот, взрывать, заковычивать в кандалы). Ср.: *The city (Baghdad) was gagged.* [Городу (Багдаду) заткнули рот кляпом.] (Richard Anderson, “Iraq Eclipse”// “San Francisco Chronicle”, April 8, 2003).

Also, a group of U.S. armored personnel carriers in southern Baghdad was hit by rockets, blowing up American numerical superiority in the area. [Кроме того, в несколько американских БМП

попали снаряды, взорвав численное превосходство американцев на этом участке.] (Chris Radevill, “U.S. Forces Enter Baghdad”// “The Washington Times”, April 7, 2003).

В слепом стремлении поразить друг друга противники прибегают как к помощи оружия, так и любых предметов, которые могут быть использованы в таком качестве, будь то пистолет, боевой топор, камень, копье или дубина. Ср.: *The plan also called for rapidly inserting a U.S. invasion lance deep into Iraqi territory without sending troops into cities and towns along the way to eliminate any resistance there.* [План также предусматривал быстрое погружение “копья” американского вторжения глубоко в территорию Ирака, без попытки подавить сопротивление в каждом населенном пункте, который попадаетея по пути.] (Will Dunham “Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low”// Top Stories - Reuters, April 24, 2003).

With new tactics and precision weapons, we can achieve military objectives without directing battle axe against civilians. [С помощью новой тактики и оружия высокой точности мы можем достигнуть военных целей, не обращая “боевой топор” против гражданского населения.] (Will Dunham “Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low”// Top Stories - Reuters, April 24, 2003).

В случае отсутствия оружия, противники используют естественные ресурсы физического воздействия, данные им природой. Они бьют в солнечное сплетение, бросаются на врага, сбивают его с ног, опрокидывают, цепляются за окружающие предметы, чтобы удержать равновесие, выбивают противника из седла, лишают равновесия, душат, могут ослабить или усилить хватку, сломать шею, поколотить, укусить, положить на лопатки. Ср.: *This solar plexus attack was over late at night.* [Эта бьющая в солнечное сплетение атака закончилась поздно ночью.] (David Brandski, “War in Iraq - Ongoing”// Top Stories Reuters, April 9, 2003).

The coalition relentlessly throws itself on Republican Guard positions around Baghdad. [Коалиция упорно бросается на позиции Республиканской гвардии вокруг Багдада.] (Chris Radevill, “U.S. Forces Enter Baghdad”// “The Washington Times”, April 7, 2003)

В результате телесных повреждений противника можно обескровить, заставить кататься или выть от боли, упасть в обморок, молить о пощаде. Ср.: *As of noon, explosions and gunfire, leaving the enemy bloodless, continued to be heard from the center of the city.* [В полдень в центре города были по прежнему слышны взрывы и стрельба, обескровливающие противника.] (Chris Radevill, "U.S. Forces Enter Baghdad"// "The Washington Times", April 7, 2003).

The strategy minimized the peril for U.S. troops by using virtually unchallenged air power to make enemy forces writhe in pain before they could engage the Americans. [Опасность, которой подвергались американские войска была минимизирована за счет стратегического применения ВВС, которые практически не встречали сопротивления, заставляя вражеские войска корчиться от боли прежде, чем они могли вступить в бой с американцами.]

(Will Dunham "Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low"// Top Stories - Reuters, April 24, 2003).

Обе стороны используют не только физические, но и психические ресурсы давления на противника и зрителей. Они запугивают, манипулируют, подавляют, угрожают, провоцируют, подставляют, прививают комплекс неполноценности. Ср.: *Iraqi side is trying to intimidate Americans by declaring the armed forces have not used their full capabilities in the conflict and making promises of starting guerilla warfare.* [Иракская сторона старается запугать американцев, утверждая, что иракские вооруженные силы не были задействованы на полную мощность и обещая начать партизанскую войну] (David Brandski, "War in Iraq - Ongoing"// Top Stories Reuters, April 9, 2003).

Several months before the outbreak of the war chemical precursors and other sensitive material might have been buried to conceal and preserve them for future use. Journalists quoted military official as saying he is absolutely positive Iraqis manipulate the public trying to frame up American forces. [За несколько месяцев до начала войны могло быть произведено захоронение химических веществ начальной стадии реакции и прочих химически активных материалов для их сокрытия и будущего использования. Журналисты процитировали представителя вооруженных сил, который сказал, что он абсолютно уверен, что иракская сторона

манипулирует общественностью, пытаясь подставить американские силы.] (Richard Anderson, "Iraq Eclipse"// "San Francisco Chronicle", April 8, 2003).

Взаимные усилия психически подавить врага не проходят бесследно. Стороны попадают в ловушки, злоупотребляют доверием, обманываются, трепещут перед противником, "используют его", впадают в истерику. Ср.: *The British plan was to trap and separate Saddam's loyalists from the bulk of the population. By the time Sunday's attack was launched, the defenders had been isolated and neutralized.* [Британцы планировали поймать в ловушку приверженцев Саддама и отделить их от остального населения. Ко тому моменту, когда в воскресенье началось наступление, защитники (режима) были изолированы и нейтрализованы.] (Chris Radevill, "U.S. Forces Enter Baghdad"// "The Washington Times", April 7, 2003).

В ходе любого вооруженного конфликта противники неизбежно наносят друг другу увечья, которые могут вызвать различные недомогания, свидетельствующие об ухудшении физического состояния организма: лихорадку, конвульсии, дрожь, бред, инфаркт, опухоль, удушье. Ср.: *The Bush administration said fever is slowly leaving Iraq, through the efforts of the U.S. military and the recruitment of Iraqi police.* [Администрация Буша заявила, что лихорадка постепенно покидает Ирак благодаря усилиям американских военных и комплектованию кадров иракской полиции.] (Will Dunham "Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low", Top Stories - Reuters, April 24, 2003).

Under international law, the United States has the responsibility as the occupying power in Iraq to stop the twitches provoked by lack of humanitarian supplies. [По международному праву, Соединенные Штаты как держава, занявшая территорию другой страны, несет ответственность за прекращение конвульсий, вызванных недостатком гуманитарных ресурсов.] (Richard Anderson, "Iraq Eclipse"// "San Francisco Chronicle", April 8, 2003).

В ходе противостояния враги испытывают не только физические страдания, но и значительное психологическое давление, которое результируется в возникновении таких психических расстройств как паранойя и истерия, а сами противники характеризуются как неврастеники и душевнобольные. Ср.: *What Bush*

administration officials do say is that the U.S. operation in Iraq included unprecedented efforts to minimize civilian casualties what makes paranoia of the Iraqi side absolutely unreasonable. [Представители администрации Буша заявили, что, в процессе проведения операции в Ираке Соединенные Штаты прилагали беспрецедентные усилия по снижению числа жертв среди гражданского населения до минимума, что делает паранойю иракской стороны совершенно неразумной.] Will Dunham “Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low”, Top Stories - Reuters, April 24, 2003.

The allies do track their own casualties but not always lay the figures open to the public and soldiers not to provoke hysterics. [Союзники ведут счет своим потерям, но не всегда делают эти цифры достоянием общественности и армии, чтобы не вызывать истерии.] (John Cox “Baghdad Coverage”//“Los Angeles Times” NewsHour Agency, April 11, 2003).

Болезни, вызванные физическим воздействием или психологическими перегрузками, традиционно характеризуются инкубационным периодом, очагом и эпицентром распространения, а так же вызывающими их вирусами и бактериями. Ср.: *No device of man can remove the tragedy from war, yet it is a great advance when the guilty have far more to feel they are in the pesthole than the innocent.* [Не существует средства, которое могло бы устранить из войны трагедию; тем не менее, если у виновного больше шансов попасть в очаг заразы, чем у невинного, это является большим шагом вперед.] (Will Dunham “Iraq War Plan Kept U.S. Deaths Low”// Top Stories - Reuters, April 24).

Bacteria are spread again: Iraqi television broadcasts what it says is a new statement from President Saddam. [Бактерии снова распространяются: иракское телевидение передает материал, который, как утверждается, является заявлением Саддама Хусейна.] John Cox “Baghdad Coverage”//“Los Angeles Times” NewsHour Agency, April 11, 2003).

Увечья, полученные в ходе конфликта, а так же физические и психические болезни требуют медицинского вмешательства. Врач может зашить рану, прописать больному уколы, прививки, постельный режим, диету, а может и заявить о необходимости операции или ампутации. Ср.: *A shot of freedom can be painful. Iraq remains a mess. From security to garbage collection,*

hardly anything is working right . [Прививка свободы может быть болезненна. В Ираке царит хаос. Вряд ли что-нибудь, начиная с обеспечения безопасности и заканчивая уборкой мусора, функционирует нормально.] (Steven Tompson, “Iraq in war”/“The Guardian Weekly” April 25, 2003).

Iraq is now a fragile zone in one of the most volatile areas of the world, the patient who needs “diet and rest cure”. [Сейчас Ирак представляет собой уязвимую зону в одной из наиболее нестабильных точек мира. Это пациент, которому нужны “диета и постельный режим”.] (Steven Tompson, “Iraq in war”/“The Guardian Weekly” April 25, 2003).

Оказание помощи больному невозможно без наличия у врача таких необходимых медицинских материалов как бинт, кислородная маска, лекарства, сыворотка, вакцина, скальпель, хирургические перчатки. Ср.: *Eager to avoid being seen as an occupying force, the US is tacitly tolerating the very instability it must prevent even if it will require surgical gloves and knife*. [Желая избежать роли оккупанта, Соединенные Штаты молчаливо допускают нестабильность, которую они должны предотвращать, даже если для этого им понадобятся скальпель и пара хирургических перчаток.] (Steven Tompson, “Iraq in war”/“The Guardian Weekly” April 25, 2003).

Медицинская помощь оказывает на организм позитивное влияние, в результате которого больной может выздороветь или оправиться от болезни, раны – зарубцеваться, а самочувствие пациента – улучшиться. Ср.: *The world is learning once again that it is far easier to destroy a regime with military might than to have the wounds cicatrized*. [Мир снова видит, что гораздо проще уничтожить режим военной мощью, чем заставить раны затянуться.] (Steven Tompson, “Iraq in war”/“The Guardian Weekly” April 25, 2003).

...The greater the international support, the easier the process of recovery. [...Чем больше международная поддержка, тем легче процесс выздоровления.] (Steven Tompson, “Iraq in war”/“The Guardian Weekly” April 25, 2003).

Итак, из приведенных примеров видно, что антропоморфная метафора является весьма типичной для метафорического моделирования войны в американском политическом дис-

курсе периода юевых действий в Ираке 2003 года. Воюющие стороны рассматриваются как два ведущих бой человека. Модель ВОЙНА – ЭТО БИТВА ДВУХ ЛЮДЕЙ обладает большим манипулятивным ресурсом для создания эмотивных смыслов опасности, тревожности и незащитности, и, как следствие, для формирования в обществе установки на необходимость и неизбежность иракской войны, инициированной политической и финансовой элитой страны.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (Материалы к словарю) / АН СССР, Ин-т рус.яз. М.: ИРЯ, 1991.

2. Каландаров К. Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. М.: Гуманитарный центр “Монолит”, 1998.

3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО – Пресс, 2001.

4. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1999, т.58, № 5 - 6.

5. Lakoff G. Metaphor in Politics (An open letter to the Internet) // www.lakoff.com.

6. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.

7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т . Екатеринбург, 2001.

© Сорокина М.В., 2003

Чудинов А.П. Интертекстуальность политического текста

Для современного политического текста очень характерна интертекстуальность – присутствие элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры (М.М.Бахтин, Р.Барт, Д.Б.Гудков, В.В.Красных, Ю.Кристева, Н.А.Кузьмина, С.И.Сметанина, А.В.Снигирев и др.). Политические публикации нашей эпохи часто строятся и воспринимаются

как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, исторических ссылок, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры. В книге В.В.Красных «Виртуальная реальность или реальная виртуальность» (1998) представлена следующая классификация прецедентных феноменов – своего рода знаков, отсылающих читателя к предшествующему опыту человечества.

1. Прецедентное высказывание – это цитата, афоризм, пословица или поговорка. В современной политической речи прецедентные высказывания часто структурно и содержательно трансформируются, в них вкладывается обновленный смысл. В качестве прецедентного высказывания могут выступать не только развернутые фразы, но отдельные слова и выражения, по которым опознается коммуникативная практика известного человека (ельцинское «Понимашь», горбачевское «начать и углубить»).

2. Прецедентная ситуация – хорошо известная историческая ситуация, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой. Такая ситуация может обозначаться не только прямо, но путем указания на место событий, их время, яркие признаки: *татаро-монгольское иго, ледовое побоище, смутное время, 1812-й год, Брестская крепость, Курская дуга* и др. В современной политической речи названия этих прецедентных ситуаций обычно используются метафорически. Например, по словам депутата Н.Харитоновой, «Ирак – это наша Брестская крепость».

Знаком прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, иные артефакты, природные объекты: для гражданской войны в России – это шашка и буденовка, для позднесоветской эпохи – талон на колбасу, для конца XX века – сликеры и памперсы.

3. Прецедентное имя – это имя (фамилия, прозвище и др.) известного политика, военачальника, ученого, писателя, ге-

роя литературного произведения и т.п. Такое имя (*Ломоносов, маршал Жуков, Наполеон, Менделеев, Иуда, Летучий голландец*) служит своего рода знаком определенных качеств, оно может символизировать тот или иной прецедентный текст или прецедентную ситуацию.

К числу прецедентных феноменов можно отнести также разнообразные устойчивые сочетания, фразеологизмы, штампы и особенно доминантные для данного текста метафорические модели, которые могут служить своего рода индикатором эпохи, политической ситуации, политического течения (Н.А.Кузьмина 1999; А.П.Чудинов 2001).

По словам С.И.Сметаниной, используемые в тексте прецедентные феномены «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» (С.И.Сметанина, 2002, с.123). Эти феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку. По своим функциям и восприятию прецедентные феномены во многом сходны с метафорой.

Рассмотрим с точки зрения интертекстуальности следующую статью Андрея Пионтковского, опубликованную в «Новой газете» (2002, № 16).

В предчувствии Фороса, или свита перестала играть короля Российская политическая элита (она же партийно-хозяйственный актив) не дождалась своего ночного портье и оскорбилась

«А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?» - обратился как-то молодой, энергичный и невероятно популярный генеральный секретарь к группе коррулентных мужчин партийно-хозяйственного помета, четверть века смотрящих вместе с местными бандитами за конвейером, установленным когда-то на берегах великой русской реки изобретательными сыновьями Средиземноморья.

«А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуть-

ся ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?» - обратился 16 лет спустя молодой, энергичный и невероятно популярный президент к группе очень похожих мужчин, занимавшихся очень похожей деятельностью, но уже в масштабе всей страны.

Через несколько дней он обратился с тем же посланием к расширенному заседанию партийно-хозяйственного актива, или, как теперь принято говорить, с тем же «мессежем» к российской политической элите. Еще совсем недавно состояние, или, во всяком случае, внешнее поведение «элиты» на подобных ритуальных действиях отвечало словам поэта: «Когда Он входит, все они встают – одни по службе, прочие от счастья».

На этот раз он был встречен мрачным гробовым молчанием оставшегося сидеть зала. На лицах проступало глухое и растущее раздражение. Элита знала, что президент знает, что в зале сидят люди, давно уже не только поставившие, но и успешно реализовавшие настолько амбициозные цели, что и их правнукам мало не покажется. Напрягать их упреками в отсутствии амбиций и требовать от них еще одного рывка, чтобы догнать какую-то Португалию, было вопиющей бестактностью и откровенным нарушением конкорданса о передаче власти.

Тем более президент любил повторять, что он всего лишь менеджер, нанятый на работу советом директоров (Мао Цзэдун белее поэтично сравнивал себя с одиноким монахом, бредущим по свету с дырявым зонтиком).

Была у них и еще одна причина для раздражения, очень российская. В первые дни славного президентства было столько истребителей, подлодок, патриархов, сортиров, в которых корчились враги павловских, визжавших о «мистической связи Путина с народом», чекистов без страха и упрека, стройными рядами идущих во власть, что российской политической элите, как старой полковой лошади, в какой-то момент показалось, что она услышала знакомый Глас Трубы.

Нещадно поротая и при Иоанне Грозном, и при Петре Великом, и при Иосифе Кротовом, она послушно и даже с некоторым диктуемым исторической памятью вожделием нагну-

лась, приспустила штаны и обнажила нашкодившие задницы, ошибочно угадав в нем своего долгожданного ночного портье.

Зверств ждали от него неслыханных и необыкновенных. Как минимум порки, а может, и еще более решительной, калигуловской, если хотите, актуализации своей статусной роли. А он даже двух чижиков не смог как следует придушить. Может быть, всего чекисты, опьяненные неожиданно открывшимися возможностями, разбежались крышевать мебельные магазины, променяв на валютную похлебку первородство железного Феликса. А может быть, ему просто противно стало.

Так или иначе стояние в неловкой позе ожидания утомило элиту и, не получив глубокого удовлетворения, она почувствовала себя дважды униженной и оскорбленной. Свита перестала играть короля. В таких случаях обычно меняют свиту. Или свита меняет короля.

Рассматриваемая статья написана и должна рассматриваться в рамках постмодернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, интерстилевое тонирование, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального (И.Ф.Ухванова 2000).

В исследуемой публикации ярко представлены разнообразные феномены интертекстуальности. Широко используются прецедентные тексты, преимущественно трансформированные: *А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?; А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуться ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?; Когда он входит, все они встают – одни по службе, прочие от счастья; менеджер, нанятый на работу советом директоров; одинокий монах, бредущий по свету с дырявым зонтиком; мистическая связь Путина с народом; догнать какую-то Португалию; униженные и оскорбленные; Короля играет свита.* Отметим, что автор прецедентного текста прямо назван лишь однажды (Мао Дзэдун), фраза политолога Глеба Павловского представлена как «визг павловских», еще в трех случаях есть достаточно ясные указания, что речь идет о президенте В.В.Путине и лидере Советского Союза

М.С.Горбачеве. Большинство прецедентных текстов даже не закавычено, а закавыченные цитаты не вполне соответствуют оригиналу. Источниками цитирования оказываются две сферы – политика (чаще) и литература.

Автор умело актуализирует в сознании адресата прецедентные ситуации: *В предчувствии Фороса; догнать Португалию; истребители, подлодки, патриархи, сортиры, в которых корчились враги; рыцарь без страха и упрека; полковая лошадь, услышавшая знакомый Глас Трубы; ночной портье; зверств ждали от него неслыханных и необыкновенных; двух чижиков не смог как следует придушить; променять первородство на валютную похлебку*. Названные ситуации напоминают читателю о недавних политических событиях (заточение советского президента, гибель подводной лодки и др.), о библейском предании, о сюжетах известного фильма и литературных произведений.

Современный российский читатель легко понимает и аллюзии, связанные с прецедентными именами: *Иоанн Грозный, Петр Великий, Иосиф Кровавый, железный Феликс, Мао Цзэдун, калигуловская актуализация своей статусной роли; павловские, визжащие о «мистической связи...»*.

Показательно, что феномен интертекстуальности, в-первых, используется в каждом из девяти абзацев, а во-вторых, украшает самые сильные, привлекающие особое внимание читателей позиции текста. Это заголовок, включающий четыре таких феномена, начало текста, образующее анафору с началом второго абзаца, и концовка текста, в которой использован стилистический прием «зеркало». Таким образом, начало и концовка образуют своего рода интертекстуальное обрамление текста.

Специфическим приемом интертекстуальности может служить интерстилевое тонирование текста, то есть применение в политической коммуникации жаргонных, просторечных, разговорных слов и выражений (*сортир, нашкодившие задницы, крышевать, мало не покажется*) или стилистически закрепленных значений общеупотребительных слов (*партийно-хозяйственный помет, смотреть за конвейером, замахнуться на Джорджа Дабл-ю Буша, напрягать упреками*). Подобная лексика особенно ярко выделяется рядом с книжными словами и выражениями (*партийно-хозяйственный актив, вопиющий, кон-*

корданс, вождество, актуализация статусной роли). Использование жаргонной и просторечной лексики при описании российской политической и деловой элиты, как и сообщение о ее совместной с бандитами деятельности, упоминание о «крышующих» преступниках чекистах, служит средством смыслового сближения официальной и теневой элиты. Обозначение современной политической элиты советской идеологемой *партийно-хозяйственный актив* позволяет подчеркнуть сходство между руководителями разных поколений. Показательно также, что современные сотрудники ФСБ обозначаются советской идеологемой *чекисты*. Интерстилевое тонирование текста – это своего рода напоминание читателю о существовании текстов, относящихся к иным функциональным стилям.

В рассматриваемой статье находят широкое применение и стилистические фигуры. Обращает на себя внимание смысловой, синтаксический и лексический параллелизм двух первых абзацев, что позволяет подчеркнуть сходство знаменитых выступлений М.С.Горбачева и В.В.Путина. Одновременно автор использует антитезу: противопоставляются прежнее и современное поведение элиты, ожидаемые и реальные действия президента. Текст завершается осложненным хиазмом, в котором в разных синтаксических позициях используются метафоры *свита* и *король*. Постоянно используется инверсия, парцелляция и цепочки однородных членов.

Ключевые метафоры рассматриваемого текста – это представление характерных для России взаимоотношений президента и элиты как закрепленного в исторической памяти физического и сексуального насилия, которое до поры, до времени не встречает сопротивления. В соответствии с российскими традициями статусная роль президента требует от него агрессивности, ярким примером которой служат упоминаемые в статье царь Иоанн IV, император Петр I и генеральный секретарь ЦК КПСС Иосиф Сталин. Даже ближайшее окружение (бояре, воеводы, генералы, министры, секретари ЦК) должны быть в постоянном трепете. Таким образом, использование прецедентных текстов, прецедентных ситуаций, прецедентных имен, интерстилистического тонирования, разнообразных стилистических фигур и метафорических моделей постоянно напоминает читателю об «ар-

хиве» – множестве других разнообразных текстов, составляющих культурно-политический фон для рассматриваемой статьи.

Для постмодернизма характерно стремление увидеть в частном случае общие закономерности и поставить вечные проблемы, рассматривая мельчайшую деталь. Автор статьи обратил внимание на определенную содержательную близость выступлений, посвященных проблемам преодоления отставания от западных стран. Это мало кем замеченное сходство позволило автору перейти к установлению очень широких аналогий между политическими судьбами М.С.Горбачева и В.В.Путина, к поиску закономерностей в отношениях между российскими политическими лидерами и их ближайшими сподвижниками, а также к политическим пророчествам. Текст настолько насыщен прецедентными феноменами, что они становятся его стилиевой доминантой.

Каждый прецедентный феномен в тексте – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и национальных вариантов, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и его оценки эрудиции, герменевтических возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора и автономность текста проявляются в оригинальном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых удачных компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Список литературы:

1. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
2. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург - Омск, 1999.
3. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб, 2002.
4. Ухванова И.Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Под ред. И.Ф.Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000.

5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

© Чудинов А.П., 2003

Шинкаренкова М.Б.

Милитарная метафора в рок-поэзии

Исследование метафоры и описание ее моделей – это активно развивающееся направление современной когнитивной лингвистики, которая считает метафору не тропом, используемым для украшения речи и делающим образ более доступным, понятным, а формой мышления. Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Факонье, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов и др.) рассматривает «метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [Чудинов, 2001. с.7]. В соответствии с этой теорией метафорические модели заложены в понятийной сфере человеческого разума, это своего рода, схемы, программы, по которым человек воспринимает, думает, действует, это отражение национального, социального и личностного самосознания, это средство постижения и представления действительности.

Настоящая статья посвящена когнитивному исследованию милитарной метафоры, используемой в русских рок-текстах для образного представления советской и современной российской действительности.

Милитарная метафора занимает центральное, важнейшее место в образном представлении советской и современной российской действительности в текстах русских рок-поэтов. Отношение рок-культуры с официальным миром изначально складывались как отрицание, противостояние, как холодная война. Сами рок-авторы называют себя воинствующими нонконформистами [Кинчев, 1993. С. 180]. Исследователи их творчества также отмечают, что «психологическими доминантами рок-культуры являются агрессивность, враждебность, деструктивность» [Солодова, 2002. С. 7]. Мир, окружающий рок-поэта, воспринимается им как агрессивный, не только по отношению к се-

бе и себе подобным, - это «война всех против всех», война, заложенная в нашем сознании, война, по законам которой было построено советское, а позже и российское общество.

Война была атрибутом нашего общества очень долгое время: мы боролись то с внешним, то с внутренним врагом, а потому военная лексика стала основным источником метафорической экспансии. Современная российская и мировая действительность только способствует развитию и активизации военной метафоры: и это не только война на Северном Кавказе, это и война с коррупцией, война с терроризмом, война с наркотиками. «Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение в национальной ментальности, - отмечает А.П. Чудинов, - военные метафоры как бы показывали наиболее эффективный путь для решения сложных проблем общества» [Чудинов, 2001. С.104].

Милитаризованное сознание нашло свое воплощение, отражение не только в политической речи, но и в текстах русской рок-поэзии. Рок-поэт, моделируя свой художественный мир, а также основываясь на своем восприятии окружающей его реальности, представляет действительность как войну - «*войну всех против всех*». В этом мире воюют все и всегда: воюют в быту и на работу, воюют политики и соседи.

Мы ведем *войну* уже 70 лет,
Нас учили, что *жизнь – это бой*,
Но по новым данным *разведки*
Мы *воевали* сами собой.

(Поезд в огне. Б. Гребенщиков)

Нет мира, где бы мыс тобою
Нет мира, где бы без *войны*

(Война. Археология)

Кроме того, военная метафора как экспрессивное образное средство используется в рок-текстах как воздействующая сила, повышающая его прагматичность. Основываясь на знакомых читателям страшных образах войны, она создает агрессивный эмоциональный фон. Военная метафора представляет положение в обществе как напряженное, опасное, а главное взрывоопасное, и этот взрыв провоцируют они, носители рок-культуры.

В нашей работе мы попытаемся описать метафориче-

скую модель «Россия – это война» в русской рок-поэзии и охарактеризовать её основные фреймы.

Фрейм «Воинские символы и атрибуты»

При характеристике художественной реальности России рок-поэты метафорически используют слова, обозначающие воинские символы и атрибуты: *марш, флаг, строевой шаг* и т.д.

Я не видел толпы страшней

Чем толпа *цвета хаки*

(Шар цвета хаки. В. Бутусов)

И над кухней – замком возвышенно реет

Похожий на плавки и пахнувший плесенью *флаг*

(Электрический пес. Б. Гребенщиков)

Военная символика, традиционно очень значимая для России, снижается. *Флаг* как символ чести, доблести сравнивается с плавками; он пахнет плесенью, потому что про него забыли, как забыли про такие понятие, как честь и доблесть отряда, дивизия, полка. Защитный, маскировочный цвет *хаки* – указывает на стертость отдельных личностей, индивидуальностей в толпе, которая живет лишь рефлексом самозащиты, не способная к решительным действиям, к прорывам.

Русская рок-культуры формировалась в застойное время, во время потери моральных, культурных ценностей и ориентиров. Духовной апатии застоя воспитала целое поколение, которое воспринимало себя как неспособное, ущербное и «забитое». Это настроение становится ведущим в рок-поэзии. Человек в их художественном мире не столько неспособен, сколько не может, не хочет, не уверен. И если они и сохранили в душе понятия чести, доблести, ответственности за себя и своих близких, то они не решаются их отстаивать и защищать.

Но ты все не решишься поднять свой *флаг*.

Ты до сих пор решаешься: так или не так.

(Минус-плюс. Кинчев)

Именно поэтому, победные марши звучат только по ту сторону баррикад, это же общество пока обречено на поражение.

Ну а там, за колючей стеной, слышны *марши побед*

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Особо значимыми для рок-поэзии становятся метафоры

связи: *морзянка, пароль, позывной*. При помощи этого условного, секретного языка их герой может связаться с миром, понять, познать его (см. лексическое значение: пароль – секретное, условное слово, фраза, или предмет, применяется для *опознания* своих людей на военной службе или в конспиративных организациях [Словарь русского языка, 1983. С. 25]; позывной – специальный сигнал, служащий для *опознания* радиостанции, судна, воинской части и т.д. при пользовании различными средствами связи [Словарь русского языка, 1983. С. 241]).

Для того, чтоб хоть что-то в этом мире понять,

Нужно знать тайный *пароль*

(Уездный город N. Зоопарк)

Ответ на мой *позывной*

Двести десять дней, и я твой

(Есть ли жизнь на марсе. Кедрь-выдры.)

Морзянка ключом по борту:

«Спасите меня!!!»

(Дышать водой. Кедрь-выдры)

Фрейм «Воинская служба»

Сферой-источником, входящих в данный фрейм метафор, является служба в армии, которая в художественном мире рок-поэзии распространяется на все общество, а не только на призывников. Ее целью становится не подготовка воинов, защитников, а поддержание дисциплины, муштра. Служба в армии описывается при помощи номинаций из сферы строевой подготовки: *шагать строем, построиться, нести вахту*.

Шагать строем слепых доля

По чью душу рычит свора

(Печать зверя. Кинчев)

Нас построили новым порядком чуть свет.

Мы похожи на стаю бескрылых птиц.

(Ветер надежды. Макаревич)

Морбиальные метафоры *слепые, бескрылые* указывают на ущербность, немощность этих воинов, а, следовательно, бессмысленность армейской службы. Именно так воспринимают службу в армии рок-поэты (несмотря на то, что большинство из них в свое время прошли это), для них это не только бессмысленно потраченное время, но и угроза личности, которая ломает-

ся в армии, зомбируется, лишается собственного мнения и взгляда (см. метафору *слепой*), права на движение и развитие (см. метафору *бескрылый*).

Фрейм «Война и её разновидности»

Входящие в данный фрейм слоты характеризуют два основных вида войны в художественном мире рок-поэзии: 1) война бытовая (*битва за пиво, семейный фронт*)– законы, по которым живут люди, строят свои отношения в быту; 2) война на уровне всего государства (*окопы, оккупация, окопная война*)– это некие политические изменения и их оценка, социально-экономическая и культурная ситуация в России.

Наши старые раны получены на *семейных фронтах* и в *битвах за пиво*

Мы кровь проливали во славу Отчизны лишь в *окопах районных участков*

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Обычные люди в самых обычных ситуациях не способны на совместное проживание в мирных условиях, они не могут решать проблемы вместе. Их мир построен на агрессии, борьбе с собой подобными, со своими соседями и родными: они бьются за пиво, член их семьи для них противник.

Показательно, что война в рок-поэзии чаще всего окопная, нет решительных действий, нет наступлений, нет прорывов, только застой и страх: люди сидят в окопах как норах, где они прячутся, отсиживаются. Человек в этом мире предпочитает укрываться, искать себе спокойное, удобное пристанище. Так было в советской стране, так и в демократически обновленной России. Политические изменения не воспринимаются как наступление, прорыв, желание изменить что-либо, вылезти из своего укрытия.

То, что мы приняли за прорыв, обернулось окопной войной

Мы сидим, окопавшись в грязи, обезумев от *вшей*.

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Следует отметить, что в окопах люди страдают от различных инфекционных заболеваний таких, как чума, педикулез, причиной их распространения скорее всего является не просто «переносчики идеологической заразы» или условия грязи и изо-

ляции, в которой они существуют, но и нежелание самих людей поддерживать чистоту своих взглядов и идей. Они способны лишь паразитировать.

Данные морбиальные метафоры носят преимущественно эмотивный характер, то есть они служат не для создания и моделирования данной действительности, а для того, что перенести определенное эмоциональное отношение читателя к понятию-источнику на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Брезгливое отношение всякого человека к любой инфекции, желание отстраниться от зараженного или очага заболевания переносится благодаря использованию метафоры на отношение к советской и современной российской реальности, воссозданной в текстах рок-поэтов.

Ну а там, за колючей стеной, слышны марши побед,
А окопы – уже не окопы – *чумные бараки*.

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Окопная война предполагает некую изоляцию, невозможность свободного передвижения, тем более движения вперед, то есть развития. Для обозначения данного состояния России чаще используются номинации: *оккупация, барак, плен*. Данное словоупотребление позволяет образно обозначить две важные характеристики: во-первых, эта изоляция не добровольная, а насильственная, во-вторых, она временная (*барак* – легкая постройка, предназначенная для *временного* жилья [Словарь русского языка, 1981. С.61]; *оккупация* – *временное* отторжение, *захват* чужой территории военной силой; *плен* – положение кого-, чего-либо *захваченного* во время военных действий противником и лишеного свободы, а также пребывание, жизнь в таком положении [Словарь русского языка, 1983. С.138]).

Те, кто выдержали долгие год – теперь в изоляции
И на собственных землях живут, как *в оккупации*...

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Состояние несвободы является характерной чертой данного общества, оно заложено в самой системе, в сознании и мироощущении его граждан. Но это не значит, что люди сами отказались от свободы, их лишили ее, их заставили от нее отказаться. Они находятся под постоянным давлением, контролем. Следует отметить, что самым распространенными метафорами, исполь-

зуемых рок-поэтами для обозначения данного состояния является: *шпионаж* и *слежка*, объединенные семантикой «тайное», «наблюдение», т.е. лишение свободы в этом обществе ведется не открыто: человек подозревает, чувствует угрозу, скованность, это чувство воспитано в нем с детства.

Что бы ты ни делал, за тобой *шпионят*.

Камеры фиксируют каждый твой шаг.

Группы наблюдения, *жучок* на телефоне...

(Шпионы Кедровые)

За нами *следят*, начиная с детского сада,

Добрые тети, добрые дяди

(Выйти. Борзыкин)

Но важно отметить, что отношение к данному состоянию разное. Для большинства это реальность, изменить которую практически невозможно, а может быть и не нужно, а для радикально настроенных рокеров это объект борьбы, сопротивления. Но и это сопротивление проявляется в разной степени: последователи панк-рока готовы открыто идти напролом, они мечтают «выйти из-под контроля».

Выйти из-под контроля.

Выйти из этих стен,

Выйти, вольному – воля,

Выйти и улететь.

(Выйти. М. Борзыкин)

Но даже столь радикально настроенные авторы не верят, или не уверены в легкой абсолютной победе.

Выйти из-под контроля, выйти

И петь о том, что видишь,

А не то, что *позволят*,

Мы имеем право на *стон*.

(Выйти. М. Борзыкин)

Пока их цель – лишь попытка «развязать рты» (Макаревич. В кругу первом), попытка произнести лишь один звук, «протяжный, жалобный звук, издаваемый человеком от боли и при сильном горе» [Словарь русского языка, 1983. С.274]. Они стараются сквозь сжатые зубы сказать свое слово.

Большинство же признают, что их борьба невидимая, скрытая, тайная: у них нет пока сил выступать открыто: они *подпольщики*.

Что же теперь ходим круг-да около

На своем поле – как *подпольщики*?

(Время колокольчиков. Башлачев)

Фрейм «Военный действия и вооружение»

Характеризуя слот «Военный действия», следует отметить, что в текстах российских рок-поэтов практически нет метафор для обозначения специализированных боевых действия, потому что населения их мира не способно на активные действия, на атаку, и чаще является лишь жертвой, мишень.

Нас кто-то *держит на прицеле*.

Мы сами этого хотели!

(Дыхание. А. Лебедев)

Все, дальше некуда

Дальше ряд

Звезд

И они горят

Нам с тобой весело

Это знак

Тем кто *стреляет в нас*.

(Выше чем облака. А. Лебедев)

Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами данной группы, можно описать следующим образом: состояние людей - это постоянное напряжение, контроль, невозможность спрятаться, уйти, которое подчеркивается нежеланием, неспособностью, и, конечно, слепым доверием своему хозяину, который никогда не обозначается прямо, конкретно.

По больным местам, *в упор*, не глядя,

Нас бьют как домашний скот.

(Выйти. М. Борзыкин)

Прагматическую функцию в данном примере выполняет зоологическая метафора с инвективным характером – «*домашний скот*» - это безропотно подчиняющееся существо, изначально обреченное быть жертвой.

Соппротивление, а иногда и активные действия предпринимают только сами рокеры - люди, выделяющиеся из данного общества своим нежеланием слушать кого-то, не желанием слушать и жить в окопах, в изоляции.

Дайте «боржом», хоть «нарзана» глоток,

Дайте допить эти несколько строк,

Дайте войти и пройти сквозь себя.
Дайте *не дать им нажать на курок!*

(Змеи. А. Романов)

И ты не выбирал поле битвы,
Ты сразу шел на *таран*

(Плюс-минус. Кинчев)

Ночь. *Передернув затвор*, ползешь в коридор. И дальше
во двор.

(Шпионы. Кедрь-выдры)

Они *взрывают мосты, пересекаю границы, стреляют, рвутся в атаку*. Но с кем они борются, если у них шанс победить? Их действия как правило не имеют реального результата, пока это только угроза, чаще просто пассивное неприятие, предупреждение существующему строю, катализатор их будущих действий. Одни они не способны справиться, им нужна поддержка, помощь тех, кто сидит в окопах. Их появление – это бомба, их слова – выдернутая чека, осталось ждать взрыва.

Мы шлялись врозь, гонцы конца,

Чужие для родных,

И *миной тикали* сердца

Для тех, кто слышал их. (Ретроспекция А. Дидуров)

Фрейм «Ранение, выздоровление и смерть»

Все, живущие в этой реальности, и особенно рокеры, обречены на поражение, они уже рождены *инвалидами, ветеранами, контуженными и ранеными*.

Мы *инвалиды* поколения, не знавшего войны...

Ведь мы – *Инвалиды* рока,

Мы – *Ветераны* Судьбы.

Мы идем, не зная срока

Ведь мы – так должны.

(Инвалиды рока. С. Рьженко)

Я метаясь зеленой контуженной мухой

Между стеклами окон, похожих на стон

(Москва-жара. Ю. Шевчук)

Нас было мало в той стране

Распятых на звезде,

На пир смотревших в стороне,

Как *пленники* в орде

(Ретроспекция. А. Дидуров)

Во всех приведенных примерах подчеркивается ограниченность, немощность, неспособность человека: он как *пленник* лишен свободы, как *инвалид* – трудоспособности. Представители рок-культуры не имеет возможности защищать Родину, ее великую идею, они не пригодны для службы, они не соответствуют ее требованиям.

Мы кровь проливали во славу Отчизны лишь в окопах районных участков

Признанные не годными на подвиг по слабости ума.

(Инвалиды рока. С. Рыженко)

Преодоление этого состояние, лечение и тем более выздоровление пока невозможно. Но есть желание – и это первый шаг к решающим действиям, настоящим битвам и, возможно, к победе.

Что нам снится?

Да только свет в оконце.

Чего хотим мы?

Чтоб *кончилась война*.

Куда идем мы?

Туда где светит солнце.

Вот только братцы

Добраться до утра.

(Война С. Галанин)

Представленные примеры свидетельствуют о широком распространении военной метафоры в рок-культуре при моделировании советской и современной российской действительности, основанной на законах военного времени. В сознании рок-поэта сосед соседу, брат брату, друг другу, прохожий прохожему – враг. Все прячутся в удобные, укромные, спокойные, тихие места, окапываются. Но это не спасает: большинство уже ранены, контужены. Нет сил сопротивляться, предпринимать активные боевые действия. А те, кто все-таки пытаются сопротивляться обречены на поражение.

В заключении следует отметить специфическую черту военной метафоры в рок-поэзии. Исследователи метафорического моделирования в русской и, в частности, в политической речи подчеркивают агрессивно прагматический потенциал милитар-

ной метафоры: «активное использование военной метафоры, видимо, отражает особенности национального самосознания наших современников, - пишет Чудинов А.П., - имеющиеся в нем мощные векторы тревожности, опасности, и агрессивности, а также традиционные для русской ментальности предрасположенность к сильным чувствам и решительным действиям, уважение к военной силе и боевой славе» [Чудинов, 2001. С. 112]. На примере же проанализированных текстов русской рок-поэзии, мы можем сделать вывод, что в их художественном мире, война – это не столько опасность, агрессия людей по отношению друг к другу, и тем более решительное действие, сила, слава, сколько характеристика ущербности этого общества и мира в целом, немощность его граждан. Особенно важным является то, что в политической речи милитарная метафора чаще характеризует как отклонение от естественного порядка вещей, в русской же рок-поэзии война – это естественное, «нормальное», привычное его состояние. Милитаризация мышления оказывается основой тоталитарного сознания, сохраненного людьми и в российском обществе. Поэтому те попытки борьбы, которые принимают рокеры, направлены в первую очередь на души людей, на их сознание. Они не ломают общество, общественной устройством, они «взламывают», «взрывают» души, умы.

Список литературы:

3. Константин Кинчев: Жизнь и творчество. Стихи, документы, публикации. СПб., 1993. 239с.
4. Лассан Э. Метафора как глубинный предикат при текстопрождении / *Respectus philologicus* 1(6), 2002.
5. Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сборник научных трудов. Тверь, 2000.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. Евгеньевой А.П. М., 1981-1983.
7. Солодова М.А. Текст и метатекст молодежной субкультуры в лингвикокультурологическом аспекте: Автореферат дисс. ...кандидата филологических наук. Томск, 2002. 22с.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург. 2001. 238 с.
© Шинкаренкова М.Б., 2003

Раздел 2. Коммуникативная лингвистика

Михайлова Л.Ю.
чата

Система антропонимов

Пожалуй, каждому современному человеку, знакомому с компьютером, известно такое явление как чат. Chat в переводе с английского означает «дружеская беседа, болтовня» и представляет собой страницу в сети интернет, предназначенную для общения пользователей. Существует довольно распространенное определение чата, данное Александром Житинским: «Специфическая форма общения на Web'e, называемая IRL (Internet Relay Chat), или просто chat (беседа, болтовня). Это когда в одном месте, на каком-то сайте происходит встреча двух или нескольких юзеров (1) в реальном времени. Сайт выполняет роль грифельной доски, на которой люди пишут послания и передают друг другу» (2).

Общаясь в чате, пользователи, как правило, не видят друг друга и практически ничего не знают друг о друге. Единственное, что они видят – это ник (3) человека и те фразы, которые он создает в процессе «разговора». «Отсюда эти два параметра – **ник и текст** – получают особое значение, т.е. практически это важнейшие элементы чатового общения» (4).

В задачу данной статьи не входит всесторонний анализ чата и всех его особенностей. Речь пойдет только об антропонимической системе чата, т.е. о никах.

Создание ника – это некий творческий акт, а его появление в чате «вызывает определенный горизонт ожидания чаттеров по отношению к нику (у создателя ника в ходе этого творческого акта также создается определенный горизонт ожидания). Если горизонты ожидания создателя ника (nick-maker) и остальных чаттеров совпадают, то nick-maker обычно не вызывает особого интереса у чаттеров (это касается ников типа Миша, Вася). Для nick-makeга важно создать ситуацию неожиданности, резкого несовпадения горизонтов ожидания.

Это служит гарантией для мгновенного завязывания разговора» (5), что, по сути, и является главной целью человека, зашедшего в чат.

Нами проанализировано около 500 ников, взятых из популярных русскоязычных чатов. Необходимо отметить, что общение в чате основано на зрительном восприятии, поэтому чрезвычайно важным оказывается то, как написано имя. Сразу бросается в глаза разнообразное графическое оформление этих «имен». Список ников представляет собой довольно хаотичную, на первый взгляд, смесь русских и английских букв, прописных и строчных, цифр и разных значков. Попытаемся найти закономерность в распределении тех или иных графических символов.

В процессе анализа нами составлена следующая статистика. Ники, написанные русскими буквами, составляют 39,6%, написанные английскими буквами – 59,7%. Встречается также небольшое количество (0,7%) ников, где используются и английские и русские буквы.

Если говорить об использовании прописных и строчных букв, то мы получим следующее соотношение:

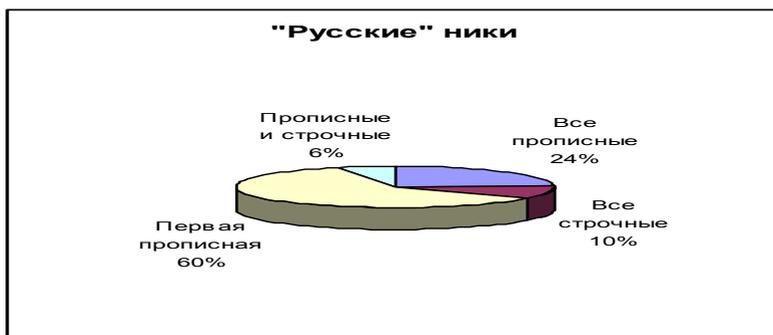
- Все прописные буквы (вариант типа *МАША*) – 20,7%
- Все строчные буквы (*маша*) – 24,3%
- Первая прописная, последующие буквы строчные (*Маша* – естественный для имени собственного вариант) – 48%
- Прописные и строчные буквы (*МаШа*) – 7%

Таким образом, естественный вариант для написания имени собственного представлен только в половине ников. Если же говорить о правильном с точки зрения русского литературного языка написании имени собственного (русские буквы, первая строчная, последующие прописные), то такие примеры составляют не более 25% от общего количества ников.

Представим в виде таблицы соотношение всех возможных комбинаций русских и английских букв, прописных и строчных.

	<i>Все прописные</i>	<i>Все строчные</i>	<i>Первая прописная</i>	<i>Прописные и строчные</i>	<i>Всего</i>
<i>Английские буквы</i>	11,0%	20,3%	24,4%	4,0%	59,7%
<i>Русские буквы</i>	9,7%	4,0%	23,6%	2,3%	39,6%
<i>Английские и русские буквы</i>	-	-	-	0,7%	0,7%
<i>Всего</i>	20,7%	24,3%	48,0%	7,0%	100,0%

Рассмотрим, как распределились прописные и строчные буквы в «русских» и «английских» никах (7) .

Из данных диаграмм видно, что использование всех прописных и смешивание прописных и строчных букв (варианты, достаточно неестественные для любого языка) примерно одинаково и не зависит от использования английского или русского алфавита.

- Все строчные 18% (англ.) и 24% (рус.)
- Прописные и строчные 7% (англ.) и 6% (рус.)

Использование же наиболее распространенных вариантов написания слов достаточно заметно различаются.

- Все строчные 34% (англ.) и 10% (рус.)
- Первая прописная 41% (англ.) и 60% (рус.)

Эти цифры говорят о том, что в среде русскоязычного текста все-таки естественный вариант написания слов оказывается довлеющим. Когда пользователь пишет русскими буквами, для него наиболее удобным, привычным является написание имени с прописной буквы (*Маша*), все же остальные варианты оказываются в меньшинстве (*МАША* – 24%, *маша* – 10%, *МаШа* – 6%). Если же пользователь избрал английский регистр, он изначально попал в неестественную для себя среду, и поэтому соотношения между разными вариантами написания имени иное. Хотя все-таки большинство написаний (41%) – это вариант типа *Маша*.

Кроме анализа буквенных символов, хотелось бы обратить внимание также на использование небуквенных знаков. В 12% ников такие символы используются. Это могут быть цифры, а также значки типа «*» или «@». В «русских» никах такие значки используются в 2% случаев, в «английских» в пять раз чаще – в 10%. Это говорит только о том, что в естественной для пользователя среде (русские буквы) используются более привычные написания имен; в неестественной же среде – большее количество чуждых литературному языку написаний. Отметим еще одну интересную особенность в использовании небуквенных символов. Как указывалось выше, это могут быть либо цифры, либо другие значки. Сравним их соотношение в «русских» и «английских» никах.

- Цифры 97% (англ.) и 43% (рус.)
- Другие символы 3% (англ.) и 57% (рус.)

Нецифровые значки преимущественно выступают в качестве особого написания букв, как, например, в слове *сл@стен@*, и таким образом, выступают в более естественной среде, чем цифры.

Итак, несмотря на то, что правильное с точки зрения литературного языка написание имен собственных встречается только в 25% случаев, многочисленные примеры доказывают, что естественная языковая среда очень сильно воздействует на говорящих и в большинстве случаев ими избирается, пусть не всегда правильный, но более естественный и привычный для носителя языка, вариант написания имени.

Графические особенности ников обусловлены в большей степени экстралингвистическими факторами. Но суть чата как особого вида коммуникации не могла не повлиять и на содержательную сторону антропонимов. Посмотрим, в чем это проявляется.

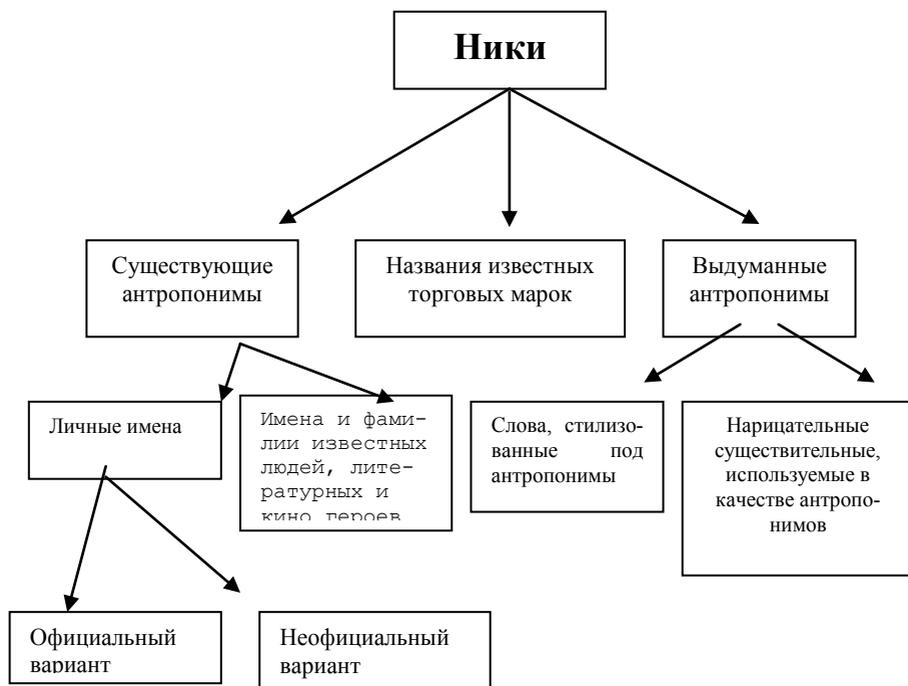
Чат – особое сообщество людей, проводящих большое количество времени за виртуальными беседами с себе подобными. А в каждой общественной группе может быть своя антропонимическая система, позволяющая однозначно называть каждого нового члена общества (9). С этим связана одна из тенденций антропонимии чата – стремление к абсолютной уникальности. Причем тенденция эта справедлива не только для именика одного чата, а зачастую распространяется на всю совокупность русскоязычных чатов (10). Использование в качестве ника своего настоящего имени привело бы к тому, что такие имена собственные, повторяясь тысячи раз, не выполняли бы одной из главных своих функций – дифференциальной. В антропонимии чата используется одноименная система, что является характерным для неофициального общения. Но если в обычных условиях участников такого рода общения не может быть много, то в чате одновременно разговаривают, болтают (*to chat* – от англ. «болтать») десятки человек. И соответственно, стандартного набора личных имен обычно бывает достаточно для общения в реальности и слишком мало для различения друг друга в среде чата.

Таким образом, все участники общения вынуждены использовать псевдонимы. Даже если кто-то называет себя на-

стоящим именем, мы не имеем возможности это проверить, а потому все антропони́мы чата будем считать псевдонимами.

Псевдонимы (11) могут представлять собой псевдоимена, псевдофамилии, псевдоотчества и псевдопрозвища (12).

Для анализа разделим все ники на три группы:

К группе **существующих антропони́мов** отнесены ники, созданные на основе реально функционирующих личных имен (*Алиса, Хуанита, Захар, Елена, Евита*), а также ники, в качестве лексических основ которых избираются имена лиц и героев, широко известных в кругу общающихся (*Бандерос, Калигула, Кас-*

пер, Хичкок, Омар Хайям, Lucifer, Джим ди Гриз, Вжик, Woody, Калям, Крупская, Афродита Пандемос (13). Группа существующих антропонимов составляет не более 25% от общего количества ников. Это говорит о том, что использование необычных, несуществующих антропонимов гораздо более привлекательно для обитателей чата. Изобретение необычных ников связано с тем, что в языке высокочастотны повторения имен собственных в системе собственных имен лиц. Придумывание похожих на имена и фамилии слов, использование имен и фамилий известных людей и героев, а также популярных торговых марок вызвано стремлением обратить на себя внимание, быть непохожим на остальных, добиться, чтобы ник запомнился окружающим и был узнан в следующий раз. В данной ситуации ник – это та одежда, по которой встречают. И неважно, красивая она или уродливая, главное, чтобы она была яркой, запоминающейся и выделялась из прочих.

Вторая группа, названия известных торговых марок, в какой-то степени примыкает к первой. Эти ники, так же, как и ники первой группы, не являются выдуманными, но это и не существующие антропонимы. Хотя данная группа немногочисленна (3%), мы не можем отнести ее ни к группе существующих антропонимов, ни к группе выдуманных имен. Кроме того, такие ники ярко функциональны. Во-первых, используется именование, отличное от привычных личных имен, во-вторых, такие имена бросаются в глаза и легко запоминаются (используются названия только очень известных торговых марок: *Lexus, Audi, Clarion, Кока-Кола*), и таким образом обеспечивают узнаваемость носителя такого ника.

И, наконец, третья группа – это выдуманные антропонимы. Все выдуманные ники (за исключением стилизованных, а следовательно, псевдо – имен, - фамилий и –отчеств (типа *Станьч*) относятся к псевдопрозвищам.

Рассмотрим подробнее группы существующих и выдуманных антропонимов. По графическому оформлению существующие ники представлены двумя количественно равными вариантами – «русским» и «английским», причем среди «английских» ников немало русских личных имен, написанных английскими буквами (14) (*Saschenka, Vasilievich, Artem*).

Данная группа делится на две подгруппы:

- 1). Личные имена
- 2). Имена и фамилии известных людей, литературных и кино героев.

Существование личных имен, а также принадлежность их к официальной или неофициальной форме именования определялась при помощи словарей Петровского, Суперанской и Рыбакина (15).

Мы обнаружили, что в чате используются не только привычные имена, но и такие редкие, как, например, *Кор* и *Дамир* (16).

Столь нечастое использование привычных личных имен обусловлено уже отмеченной нами тенденцией стремления ников к уникальности. В одном чате ники не могут повторяться (это одно из условий регистрации участников), в связи с этим возникают различные варианты одного и того же личного имени (*Victoria82*, *vicka*, *vicky*, *ВИКА* к имени Виктория). Зачастую различием выступают цифры при имени (*Alex* и *Alex2001*), но подобные ситуации редки и воспринимаются обладателями таких ников негативно.

Существующие антропонимы, используемые в качестве ников, распределились следующим образом:

- личные имена – 77%
- имена известных лиц и героев – 23%.

Использование полных и деминутивных (уменьшительных) личных имен примерно одинаково (35% и 42%). Обычные, зафиксированные в словарях личные имена, в том числе такие неофициальные варианты полных имен, как, например, *Сергунек* (Сергей), *Pashitos* (Павел), *Evita* (Eva), используются не более, чем в 20% случаев. 5% всех обитателей чата в качестве ника используют имена известных личностей или героев. Это позволяет привлечь к себе внимание (ник *КАЛИГУЛА* гораздо заметнее, чем ник *Олег*), а также сделать акцент на некоторых желаемых характеристиках (очевидно, что не зная о человеке ничего, кроме ника, мы по-разному воспримем обладателя ника *Lucifer* и *Ленчика*, *Каспера* и *Горыныча*).

Но наибольший интерес для нас представляет группа выдуманных антропонимов, и в частности псевдопрозвища. Соот-

ношение личных имен и прозвищ очень интересно. Исследователи отмечают (17), что личные имена выкристаллизовываются из прозвищ и, в свою очередь, могут становиться основой для прозвища. Основное различие личных имен и прозвищ в юридической закреплённости первых, а также в том, что в «личных именах нарицательное значение основ не столь очевидно, как в прозвищах» (18), «этимология имени стерта, а у прозвища она ясна» (19).

Изначально имена и прозвища не столь явно различались. В Древней Руси антропони́мы-прозвища синтетически объединяли в себе имя и фамилию. На отсутствие четкой границы между древними прозвищами и именами указывает и А.М.Селищев. В своей работе о происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ он пишет: «Разнообразные слова бытового языка применялись в качестве личных имен. Еще свободнее было такое применение для прозвищ (20)».

Мы не случайно так подробно останавливаемся на принципах древнерусской антропонимии. Анализ выдуманных ников показывает, что между древнерусскими именами-прозвищами и современными никами немало общего. Возможно, это связано с тем, что в молодых антропонимических системах (признаем чат одной из таких систем) почти любое полнзначное слово может стать именем (21). Это касается не только древнерусской системы именования, но также, например, и средневековой арабской (22), и многих других.

Селищев по значению основы выделяет 19 типов имен и прозвищ. Никами чата представлено 13 из них, рассмотрим эти ники, принимая во внимание перечень основ, выделенных Селищевым.

1. Внешний вид. Физические недостатки: *Красивая, Beauty (Красавица), Симпатьяга, Брюнетка, Мулатка, Сероглазый, Неброский, Dishy (англ. «красивый, прекрасный, соблазнительный»);*

Здесь нужно отметить, что ники создаются на основе положительных характеристик внешности, что нехарактерно для истинных прозвищ, которые преимущественно обращены к недостаткам (вероятно, это связано с тем, что истинные прозвища придумывают окружающие, а ники–псевдопрозвища - сами их

носители). Обращает на себя внимание большое количество ников со значением «красивый». Интересно, что одно из немногочисленных древнерусских женских имен, дошедших до нас, было имя Красава.

2. Свойства: *Скромняшка, Сладстена, Исключительная, Чертик* (ср. у Селищева «Черт»), *Debauchee* (англ. «развратник, распутник»; ср. у Селищева «Блудило»), *Несмеяна* (ср. у Селищева «Несмеян»), *Своенравная*.

3. Социальное и экономическое положения: *Детка, Королева, Леди, Нарк, Холостяк* (ср. у Селищева «Бобыль»), *Мужик*.

4. Профессия. Занятия. Должность: *Репетитор, Парфюмер, Странник, Стрелочница, Механик, Потрошитель пупсиков, Locker* (англ. «слесарь»), *Artistman* («артист»).

5. Пришельцы. Место происхождения: *Vakinka* (бакин-ка), *Южанин*.

6. Животные: *Лиса, Аэрослон, Дракоша, Мышаня, Котяра, Суслик, Тигренок, Земляная крыса, Одинокий волк, Срох* (англ. «крокодил»), *Netwolf* (англ. «сетевой волк»), *Pony* (англ. «пони»).

Отметим, что очень у многих народов, в том числе и у древних славян, такие имена как Медведь, Волк символизировали здоровье, силу и долгую жизнь. Интересно, что и в чате такие имена очень распространены.

7. Птицы: *Чибис, Павлин, Утки в сторону, Филин*.

8. Насекомые. Пресмыкающиеся: *Firescorp* (англ. «огненный скорпион»), *Муха Цэ-Цэ, Мушка*.

9. Рыба: *Goldfish* (англ. «золотая рыбка»), *Рыбка 33*.

10. Растения: *Клубничка, Морковка, Мухомор, Овоци-Фрукты, Sheflera*.

11. Семейные отношения: *Браточка*.

12. Насмешливые клички: *Кожаный клык, Пуп, Durochka, Имбицил, Писающий масик*.

13. Имена и прозвища по разным предметам: *Арбалет, Кий, Унитаз, Изумрудик, Ботинок* (ср. у Селищева «Башимак»).

А.В. Суперанская отмечает, что «названия неодушевленных предметов в качестве имен восходят к восточной фантазии. На востоке это – жемчуг и другие драгоценности, у греков – блестящие предметы» (23). Приходится признать, что в русскоязыч-

ных чатах (как, впрочем, и в древнерусских именах-прозвищах) красивые имена-сравнения - редкость.

«Обозревая личные имена и прозвища, - подводит итоги Селищев,- наблюдаем, что наибольшая часть их относится к внешнему виду и к свойствам человека» (24). По итогам нашего анализа большинство ников (более 25%) относятся к свойствам человека, на втором месте – названия животных (13%).

Итак, мы обнаружили, что значительная часть выдуманных ников по значению основы достаточно сильно напоминают древнерусскую систему личных имен и прозвищ. Но выдуманные ники современного чата представляют собой более разнородное образование. Небольшую, но очень интересную часть этой группы составляют слова, стилизованные под имена, фамилии, отчества. Например, *Соитий*, *Веснушкина*, *Минералкин*, *Стаканыч*, *Крысюк Дулькин*.

Основную же часть выдуманных ников составляют псевдопрозвища. Рассмотрим их эпонимы (25). Прежде всего отметим, что такие ники могут быть «русскими» и «английскими» (преимущественно).

К эпонимам русских ников мы относим:

- 1) русские значимые слова;
- 2) незначимые слова, имеющие грамматическую форму имени существительного (*Глаптаманай*, *Тымс*);
- 3) русские нарицательные существительные, написанные английскими буквами (*bezumie*, *drakosha*).

Хотелось бы обратить внимание на незначимые слова с грамматическими формами имени существительного. Мы проанализировали их при помощи психолингвистической программы «ВААЛ», которая дает эмоциональную оценку слова исходя из его фоносемантических характеристик. Интересно, что подавляющее большинство слов, не имеющих значения, оказывают (по данным этой программы) ярко выраженное положительное эмоциональное воздействие. Это такие слова как *глаптаманай*, *давна*, *дрыня*, *лав*, *В*Д* и другие. Данный результат подтверждает мысль о том, что задача ника – привлечь внимание к говорящему, понравиться при помощи одного-единственного слова, даже если у этого слова нет значения.

К эпонимам английских ников относим:

- 1) английские слова, имеющие перевод;
- 2) английские слова, фактически не имеющие перевода, но поддающиеся объяснению, основанному на аналогии;
- 3) аббревиатуры;
- 4) слова с неясным значением.

Анализ английских слов, использованных в качестве ников, указывает на довольно высокий уровень владения английским языком. Встречаются слова явно не из школьной программы, например:

crux – созвездие южного креста;

debs – молодой доступный или привлекательный мужчина;

debauchee – развратник, распутник;

dishy – красивый, прекрасный, соблазнительный;

screamer – тот, кто пронзительно кричит;

mole – агент разведки, создавший себе легальное положение в другой стране;

crox – крокодил.

Употребляются слова, относящиеся не только к литературному, но и к разговорному английскому, и даже к сленгу.

Вторая группа включает в себя ошибочное написание английских слов (*Bissexu*, *Boeplay*), а также примеры словотворчества на неродном языке:

Freeman – свободный человек,

Iceman – ледяной человек,

Icelord – ледяной лорд,

Ratman – человек-крыса,

Sparkman – человек-искра,

Artistman – человек-художник.

Все эти слова созданы по модели слова *Spiderman* (человек-паук), и хотя в словаре таких слов нет, мы без труда можем их перевести на русский язык. Вот еще пример словотворчества, основанный на сложении основ:

Firescorp – огненный скорпион,

Monsterbeer – пивной монстр,

Netwolf – сетевой волк.

В следующих примерах использована очень распространенная в английском языке модель словообразования (-er со значением «делатель»):

Crazer – сводящий с ума,

Crafter – крушитель.

Третья группа «английских» ников – это аббревиатуры. Они могут быть двух типов: инициалы участников чата (*mm*, *Imm*) и все сокращения технических (скорее всего относящихся к программированию) терминов. Вот несколько примеров.

LSI – Large Scale Integration – интеграция высокого уровня

ELSI – Extra Large Scale Integration – сверхвысокая степень интеграции

SHA – Sample-and-hold-amplifier – Усилитель выборки и заполнения

DYB – Demographik Year Book

IGOSS – Industry/Government Open System Specifications

RIVA – Russian-language Information on Video Acceleration

И, наконец, в четвертую группу вошли слова, значение которых не поддается даже примерному объяснению. Это такие ники как *argine*, *blk*, *mmack* и т.п.

Итак, мы обнаружили, что участникам чата свойственно достаточно хорошее владение английским языком. Можно предположить, что это в основном те, для кого компьютер является полем профессиональной деятельности. Хотя есть и такие, кто болтает в чате ради удовольствия, и, скорее всего владеет английским значительно хуже.

Большое количество «английских» ников отсылает нас к проблеме освоения иноязычных слов в русском языке. В подавляющем большинстве случаев ник используется в начальной форме (как в списке) в качестве обращения, причем обращение может выделяться запятой, может вообще не выделяться, а может оформляться специфическим принятым в чате способом – двоеточием.

- *Poni*, дык они после стирки растягиваются!
- *Sha*, не спорь с поней!
- *Girl* ты где?
- *Kak dela SHELLA*

- *Supergirl*: а ты хотела 12 летнего друга иметь?
- *УКС*: висоцкий отдыхает.

Но есть немало примеров, где уже в обращении «английский» ник выступает в облике, отличном от первоначального. Приведем несколько примеров:

SEP – СЕП, СЕПчик, СЭП;

Booplay – Бойплай, Бойплэй;

Firescorp – Файрскорп;

Netwolf – Нетвульф;

ICEMAN – Айс, АЙСМЕН;

ZooMeeR – Зумер;

Fanky – Фанки;

Sha – ША;

Dyb – Диб;

Yes – Йес;

Cameratap – Камерамэн.

Чем большей популярностью в данном чате пользуется носитель «английского» ника, тем больше вариантов его написания мы находим:

ICEMAN – айса, Айсу;

SEP – СЕПа, СЕПА, сена, СЕПом;

Firescorp – Файерскорпа, скорпа, ФайерСкорпа.

Налицо естественное для имени собственного варьирование. «Для того, чтобы варьировать, имя должно активно употребляться в языке и быть достаточно известным большинству членов данного коллектива. Число вариантов имени определяется степенью его освоенности и частотностью его употребления данным языковым коллективом» (26). В нашем случае языковым коллективом являются обитатели какого-либо конкретного чата. В качестве примера приведем варианты ника *Pony*, обладатель которого очень популярен во многих русскоязычных чатах.

- *Аскорбинка с Пони поздоровалась.*
- *ICEMAN пожал руку Поньке.*
- *Тень поприветствовал Непарнокопытных*
- *Понь, прива!!!*
- *Sha поздоровался с Понем.*
- *Sha интересуется настроением Пони.*

- *Ропу* думает, что Мона ему понравилась.
- *Ропі*, дык они после стирки растягиваюися!
- *Пони* и есть пони. Без имени. Без адреса. Без возраста. Из Интернета.

С *Ропу* связан еще один интересный момент в функционировании ников. Нередко встреча двух ников развертывается по заранее заданному сюжету. В рамках этой тенденции часто создаются парные ники. В пару к нику *Ропу* был специально придуман ник *Лошадка Элис* (ранее девушка называла себя просто *Элис*). Приведем еще несколько примеров парных ников:

Одинокий волк – Волчица

Хуанита – Don Pedro

Тропинка – Поворот

Марс – Венера.

Такие ники часто становятся поводом для знакомства и темой для общения, в дальнейшем всячески обыгрываются и способствуют продолжению взаимоотношений.

Именно взаимоотношения, общение являются доминантой существования такого явления как чат. И ник является одним из важнейших инструментов для начала общения, это единственно возможный в чате способ первичной самопрезентации. В чате действует современнейшая и очень продуктивная антропимическая система. Но, как выяснилось в процессе анализа, ник – это не только новые тенденции в именах собственных, связанные с глобальными изменениями в окружающем мире. Ник – это еще и продолжение исконной системы именованя людей, которая очень сходна у разных народов, и не сильно меняется с течением столетий.

Примечания:

1. От англ user – «пользователь».
2. Цит. по: Нестеровы В. и Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов // <http://www.psynet.by.ru/texts/nesterov4.htm>
3. Вымышленные имена разговаривающих в чате.
4. Кушнир А. Чат как драма./<http://www.litera.ru>
5. Кушнир А. Чат как драма./<http://www.litera.ru>

6. Мы не случайно говорим именно об английском алфавите (а не о латинском или французском), т.к., во-первых, последующий анализ ясно показывает, что используются именно английские слова; во-вторых, в компьютерной среде, в которой функционирует чат, английский язык является ведущим; в-третьих, стандартная клавиатура компьютера имеет только два регистра – русский и английский.

7. Здесь имеются в виду ники, написанные русскими буквами и английскими.

8. В тексте на любом языке большинство слов будут написаны либо только строчными буквами, либо первая будет прописной, остальные строчными.

9. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 57.

10. Разумеется, это только тенденция, и повторения ников в разных чатах встречаются, но сами носители таких имен борются с повторениями изо всех сил.

11. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 38.

12. Суть прозвища в том, что его придумывают окружающие; в данном же случае это псевдопрозвище, потому что придуманы они самими их носителями.

13. Букв. «пошлая», «всемирная» (см. «Пир» Платона).

14. Мы не случайно говорим именно об английском алфавите (а не о латинском или французском), т.к., во-первых, анализ ясно показывает, что из иноязычных слов используются именно английские; во-вторых, в компьютерной среде, в которой функционирует чат, английский язык является ведущим; в-третьих, стандартная клавиатура имеет только два регистра – русский и английский.

15. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998; Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000; Словарь английских личных имен / Сост. А.Н. Рыбалкин. М., 1989.

16. Имя появилось в XX в. путем сокращения лозунга «Да здравствует мир».

17. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 23.

18. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 24.

19. Системы личных имен у народов мира. М.: «Наука», 1986.

20. Обращает на себя внимание тот факт, что Селищев анализирует имена и прозвища вместе. См.: Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 108.

21. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 63.

22. Системы личных имен у народов мира. М.: «Наука», 1986.

23. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 26.

24. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 114.

25. Эпоним – исходное имя или слово, от которого образовано данное наименование.

26. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: «Наука», 1969. С. 171.

Список литературы:

1. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1969.

2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: «Просвещение», 1983.

4. Системы личных имен у народов мира. М.: «Наука», 1986.

5. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.

6. Никулина З.П. О структуре и формировании семантики прозвища // Семантическая структура слова. Сб. науч. трудов. Кемерово, 1984.

7. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1985.

8. Антропонимика / Под ред. В.А.Никонова и А.В. Суперанской. М.: «Наука», 1970.

9. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

10. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000.

11. Словарь английских личных имен. Сост. А.Н. Рыбалкин. М., 1989

12. Кушнир А. Чат как драма / <http://www.litera.ru>.

© Михайлова Л.Ю., 2003

Раздел 3. Компаративная лингвистика

Бадрызлова Ю.Г. Лексемы *терроризм/terrorism* в лексикографическом зеркале (на материале словарей русского и английского языка)

Проблема терроризма в последние годы постоянно рассматривается в российских и англо-американских политических текстах, однако содержание соответствующих концептов и даже семантическая структура лексем *терроризм* и *terrorism* совпадают не в полной мере. В настоящей статье ставится задача рассмотреть особенности представления указанных лексем в толковых и энциклопедических словарях русского и английского языков.

Русское слово *терроризм*, как и соответствующее английское слово, этимологически восходит к латинскому существительному *terror* (страх, ужас); в англо-русских и русско-английских словарях слова *терроризм* и *terrorism* обычно представляются как полные эквиваленты. В названных языках рассматриваемые существительные являются производными: в русском языке производящей основой является *террор*, а в английском - *terror*. Однако уже при сопоставлении семантики производящих обнаруживаются некоторые отличия. Русское слово *террор* во всех рассмотренных словарях представлено как однозначное, а английское слово - *terror* является многозначным: например, в Лонгмановском словаре у него зафиксированы следующие значения: 1. Страх. 2. Насильственные действия, направленные на достижение политических целей. 3. Устрашающая ситуация- событие или ситуация, приводящая людей в состояние крайнего страха, особенно в случае возможной смерти. 4. (разг.) надоедливый, беспокойный человек, особенно ребенок. [1. Fear. 2. Violent action for political purposes; Terrorism. 3. Frightening situation- an event or situation that makes people feel extremely frightened, esp. because they think they may die. 4. Person infor. a very annoying person, esp. a child.] (Longman Dictionary of Contemporary English, 1995).

Таким образом, оказывается, что если в русском языке слово *терроризм* мотивировано основным (и единственным) значением слова *террор*, то в английском языке слово *terrorism* мотивировано одним из производных значений слова *terror*.

Рассмотрим семную структуру русского слова *терроризм*. В четырехтомном «Словаре русского языка»(1981-1984) данное существительное толкуется следующим образом: *Политика и практика террора*. Соответственно основное значение слова *террор* в указанном словаре - *Политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (преследованиями, убийствами и т.д.)*. Слово *политика* в соответствующем значении толкуется как *Деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии группы*.

Существительное *практика* в соответствующем значении определяется как *Накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-либо области деятельности*. (Словарь русского языка в 4-х томах, 1981-1984)

Используя предложенный Э.В.Кузнецовой метод ступенчатой идентификации, на основе представленных толкований в составе существительного *терроризм* можно выделить следующие категориально-лексическую сему: "деятельность" и дифференциальные семы: имеется в виду 1) деятельность "политическая", 2) деятельность "государственной власти, партии или общественной группы", 3) деятельность, направленная на "устрашение, подавление", 4) деятельность направленная против "политических противников", 5) результатом этой деятельности может быть даже "убийство".

Отметим, что такое определение представляется чрезмерно широким: едва ли можно назвать терроризмом, например, стремление к устрашению политических противников во время гражданской войны; не называют терроризмом и судебное преследование политических противников, результатом которого может быть самое тяжелое наказание. Иначе говоря, терроризмом не считается деятельность, соответствующая законам, и военные действия.

В других толковых словарях набор сем может быть несколько иным. Так, в «Толковом словаре» В.И.Даля представлено следующее определение: *Устращиванье, устрашенье смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства*. Лег-

ко заметить, что в этом определении не представлены первая дифференциальная сема (деятельность "политическая"), вторая (деятельность "государственной власти, партии или общественной группы") и четвертая сема (деятельность направленная против "политических противников"). (Толковый словарь В. Даля, 19).

«Толковый словарь» Д.Н.Ушакова (1940) приводит такое определение понятия «терроризм»: *Тактика, политика террора*. Соответственно понятие «террор» трактуется следующим образом: это *Физическое насилие по отношению к политическим врагам*. Как можно заметить, в данном толковании отсутствует сема «деятельность, направленная на устрашение, подавление» Зато пятая сема - «терроризм как насильственные меры» в словаре Д.Н.Ушакова однозначно представлена как исключительно физическое насилие. В данном ключе трактуется и слово «террорист» - это «Участник или сторонник актов **индивидуального террора**». Интересно отметить, что данный словарь ограничивает употребление слов «террор» и «терроризм» пластами книжной и политической лексики. Указанные факты можно интерпретировать как своеобразные « знаки времени», как и примеры, иллюстрирующие оба понятия, например: «*Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивлению эксплуататоров (Ленин)*». Среди примеров также встречаем «*мелкобуржуазный террор*» (Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 1940).

«Словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова (1990) дает следующее определение террора: «*Террор - физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства по отношению к политическим противникам*». Как видим, в данном определении нашли отражение лишь две из пяти выделенных нами дифференциальных сем- 4) деятельность против политических противников и 5) насилие (также толкуется как исключительно физическое). Важно отметить отсутствие компонента, подчеркивающего политический и/или государственный характер террора, т.е. террор не воспринимается как явление, характерное для «нашей» действительности. Так же, как в словаре Д.Н.Ушакова, террор- исключительно физическое насилие. Определения тер-

роризма в словаре не содержится вовсе (Словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, 1990).

Примечателен «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (1947-1965). Определение террора: «Террор - *наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения*». Соответственно, терроризм- это «*Осуществление террора, деятельность и тактика террористов*». В этом словаре впервые встречаем словосочетание «террористический акт»- это «*убийство или покушение на жизнь государственного или политического деятеля*». Суммируя эти определения, можно сказать, что в них в явном выражении отсутствуют семы 1) деятельность политическая и 2) деятельность государственной власти, партии или общественной группы. Но компоненты эти присутствуют имплицитно, т.к. определение подразумевает неизбежный антагонизм между «политическими и классовыми противниками», с одной стороны, и теми, кто борется с ними методами террора. Подразумевается также и то, что терроризм может обретать и иные формы, кроме физического насилия («...наиболее острая форма борьбы... с применением насилия...»). Примечателен же данный словарь богатым и показательным иллюстративным материалом. Приведем примеры. «*Белый террор-...б) Разгром революционных организаций рабочего класса, массовые аресты, убийства революционных и вообще прогрессивных деятелей как метод борьбы буржуазной контрреволюции с революционным движением*». «*Красный террор-крайние меры, принимаемые революционным правительством для подавления сопротивления классовых врагов и враждебных действий внутренней и внешней контрреволюции*». «*Падение военного террора Наполеона развязало Франции руки не только в политическом отношении, но и в отношении к науке и литературе. Белинский*». «*Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душил, душил и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны. Ленин*»). Данный словарь, как никакой другой, демонстрирует крайне идеологизированный подход к трактовке явления (Словарь современного русского языка в 17 т., 1947-1965).

Перейдем к рассмотрению словарей, изданных в России в 90-е годы XX в.

В одном из них (В.В. Лопатин, Л. Е. Лопатина, Русский толковый словарь, 1997) находим определение, практически аналогичное вышеприведенным: *Террор - физическое насилие, вплоть до уничтожения, применяемое для устрашения, подавления противников.*

Терроризм – политика и практика террора (отсутствует сема «деятельность против **политических** противников») (Русский толковый словарь, 1997).

Сходная дефиниция обнаруживается в «Словаре иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология» (1997): *Террор - применение насилия, устрашения по отношению к противникам, вплоть до их физического уничтожения (определения терроризма словарь не содержит).* Отсутствуют семы 1) деятельность политическая; 2) деятельность государственной власти, партии или общественной группы; 3) деятельность против **политических** противников (Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология, 1997).

Эти же семы отсутствуют в определениях «Большого толкового словаря иностранных слов» в 3 т. (М.А. Надель-Червинская, П.П. Надель-Червинский, 1995): *Террор - политика устрашения, подавления противников насильственными мерами. Террорист - участник террористических актов (определения терроризма не дается).*

Можно ли на этом основании утверждать, что данный словарь выводит явление из сферы чисто политической в более широкую плоскость повседневных реалий или это лишь недостаточность словаря?) (Большой толковый словарь иностранных слов в 3-х т., 1995).

В двух источниках – 1. Словаре русского языка в 4 т. (1999) и 2. в Современном словаре иностранных слов (2000) находим практически идентичные определения (соответственно): 1. *Террор - политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (преследованиями, убийствами и т. д.).* 2. *Террор - политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами.*

Терроризм в обоих словарях - *политика и тактика террора*.

Отметим, что в определениях представлены все ранее отмеченные дифференциальные семы (Словарь русского языка в 4 т., 1999; Современный словарь иностранных слов, 2000).

Оригинальный подход наблюдается в Толковом словаре иностранных слов (Л. П. Крысин, 1998). Представленные в нем определения интересны дифференцированным подходом к явлению. Так, *террор - угроза физической расправы по политическим или иным мотивам, а также сама такая расправа. Террор фашистов. Индивидуальный террор (акты убийства отдельных политических, общественных и других деятелей)*. Терроризм в данном источнике: 1. *Политика террора*; 2. *Деятельность террористов*. Большой интерес представляет дифференциация в понятии террорист: 1. *Участник или сторонник террора (Полиция арестовала известного террориста, совершившего несколько политических убийств)* и 2. *Бандит, добывающийся своих целей путем захвата заложников и угроз применения к ним насилия вплоть до физического уничтожения (Террористы захватили самолет вместе с заложниками)*. В данных определениях содержатся две новые семы - 6) не только применение насилия, но и угроза его применения; 7) не только политические, но и иные мотивы.

Таким образом, проводится грань между «традиционным» политическим терроризмом и новым всепроникающим терроризмом как глобальной реальией последнего времени. Отмечается срастание терроризма и бандитизма. Подчеркивается ужесточение в трактовке действий, классифицирующихся как терроризм (не только само насилие, но и угроза его применения) (Толковый словарь иноязычных слов, 1998).

Другие новые элементы, расширяющие значение понятия «терроризм», встречаем в Словаре иностранных слов и выражений (2000): *террор - насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения*; *терроризм - 1) политика террора*; 2) *деятельность террористов*. Как таковых новых сем это определение не содержит, зато проводит интерес-

ную конкретизацию ранее выделенных сем. Так, впервые среди террористических действий (сема 5) упоминаются захват заложников и разрушения. Конкретизируя сему 7 (иные мотивы помимо политических) словарь указывает, какие это могут быть мотивы: в данном случае - устранение конкурентов (Словарь иностранных слов и выражений, 2000).

Еще один важный шаг на пути конкретизации делает «Краткий словарь современных понятий и терминов» (2000) - он разграничивает политический и международный терроризм. Итак, дифференцируются: **политический терроризм** - *средство достижения политических целей путем террора, совершения убийств, похищений, диверсий и др. актов насилия*; **международный терроризм** - *совершение актов террора против граждан или объектов, в т. ч. находящихся под защитой международного права (убийства глав иностранных государств, дипломатических представителей, взрывы посольств и т. п.)*. Важное отличие - терроризм определяется уже не как политика, а только как средство к достижению целей, что подчеркивает изменение характера современного терроризма, его превращение в реальию повседневности. Отсутствуют семы 2) деятельность государственной власти, партии или общественной группы и сема 4) деятельность против политических противников, что также отражает изменение положения терроризма сегодня, а именно отсутствие в нем какой-либо идеологии, срастание его с бандитизмом. В конкретизацию семы 5 (террористические действия) добавляется понятие похищения людей. Отдельным видом терроризма является нарушение международного права в результате совершения террористических действий (Краткий словарь современных понятий и терминов, 2000).

В связи с этим интересно привести определение международного терроризма из специализированного Дипломатического словаря (1986): *терроризм международный - общественно опасное в международном масштабе деяние, влекущее бессмысленную гибель людей, нарушающее нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющее осуществление международных контактов, встреч, а также транспортных связей между государствами*. Как видим, в данном определении не производится социального или поли-

тического анализа явления, а, что естественно, делается упор на его международно-правовой аспект (Дипломатический словарь, 1986).

Толковый словарь русского языка конца XX в. (2000) особенно интересен обширным иллюстративным материалом, собранным из российской прессы 90-х гг. В этом издании представлена следующая словарная статья на рассмотрение слова террор - 1. *Политика государства, направленная на подавление политических противников и широких народных масс насильственным путем (преследованиями, убийствами, репрессиями и т.п.).* «Весь мир восхищается достижениями советских людей, совершенными несмотря на террор, развязанный Сталиным и его подручными. (Век XX, 1990, 7). Трагедия, порожденная коммунизмом и фашизмом, придавала международный характер репрессиям и террору. Приходит время понимания и примирения» (Северная столица, 30.09.94). 2. *Средство достижения политических и других целей путем диверсий, похищений, убийств и т. п.; время использования таких средств.* «Дмитрий Холодов, получивший известность статьями о коррупции в Минобороны и, прежде всего, среди командования Западной Группы войск, несомненно стал жертвой политического террора. Загадочный «информатор» из ФСК, который передал ему набитый взрывчаткой портфель, сам тип взрывного устройства, ранее не применявшийся в «разборках» в столице,- все это явственно доказывает, что тут поработали «профи» покруче всяких уголовных группировок. (Книжное обозрение, 25.10.94). Как будто кем-то объявлен месячник террора. Армавир, взрыв памятника в Нальчике, захват заложников в Техасе некими непонятными сепаратистами, взрыв в понедельник на вокзале в Пятигорске – 20 раненых и 2 убитых, ночной бой на границе Дагестана, где тоже есть мертвые и покалеченные...»(Комсомольская правда, 30.04.97).

Терроризм – *политика устрашения политических противников с помощью террористических актов, тактика их осуществления.* «Запад сам пестовал Хусейна, будучи при этом прекрасно осведомлен... о том, что он финансирует международный терроризм. (Час пик, 27.08.90). В отношении зон безопасности – объяснили нам – можно сказать, что они есть на любой станции, и не одна, а несколько. Первая - против терроризма.

Проход на территорию – только по магнитным кодированным карточкам, код которых регулярно меняется.» (Наука и жизнь, 1991, 7).

Террорист - *сторонник и участник террористических актов.* «Советское оружие может попасть... в руки международных террористов или уголовных преступников. (Час пик, 27.08.90). Чеченский террорист Салман Радуев, публично взявший на себя ответственность за взрывы на вокзалах Армавира и Пятигорска, недавно заявил о готовности своих людей к совершению терактов на вокзалах в Воронеже и Санкт-Петербурге» (АиФ, 1997, 19).

В данных определениях террора (1,2) уже совершенно отчетливо проводится разграничительная линия между террором как идеологией и террором как преступным средством достижения различных целей. Сема 4 (деятельность против политических противников) расширяется: террор может осуществляться и против широких народных масс. Сема 5 (приемы и результаты террористической деятельности) также уточняется: такими приемами могут быть еще преследования, репрессии и диверсии. (Толковый словарь русского языка конца XX в., 2000).

Рассмотрим определения террора и терроризма, встречающиеся в русскоязычных **энциклопедических** словарях.

В «Большой советской энциклопедии» (1976) и «Советском энциклопедическом словаре» (1979) определения террора и терроризма отсутствуют. Имеются только определения террористического акта – *посягательство на жизнь или иная форма насилия над государственным или общественным деятелем, совершаемые с политическими целями. Советское уголовное право рассматривает террор как одно из наиболее опасных преступлений государственных и устанавливает за него строгие меры наказания.*

Современное международное право рассматривает как террористические акты (терроризм) убийства или иные посягательства на глав государств, глав правительств, членов дипломатических представительств, организуемые в целях оказания влияния на политику той или иной страны, похищение иностранных дипломатов, угон самолетов с применением оружия и т.п. В данном определении происходит прямое смешение поня-

тий терроризм, террор и террористический акт – случай примечательный, так как в прочих ранее отмеченных случаях смешения при трактовке рассматриваемых понятий смешивались только два из них - террор и терроризм. В данном определении можно выделить дифференциальные семы 1) деятельность политическая, 3) деятельность, направленная на устрашение, подавление, 4) деятельность против политических противников 5) приемы и результаты деятельности. Примечательным является тот факт, что, как указывает источник, в соответствии с советским правом террористическими действиями признавались лишь насильственные действия в отношении только государственных и общественных деятелей; о возможности подобных действий в отношении прочих граждан даже и не упоминается (Большая советская энциклопедия, 1976).

Террористический акт – *по советскому праву, особо опасное преступление; заключается в убийстве или причинении тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенном в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти, а также представителю иностранного государства - с целью провокации войны или международных осложнений.* Выделяются следующие семы: 1) деятельность политическая, 3) деятельность, направленная на устрашение, принуждение 4) деятельность против политических противников, 5) приемы и результаты деятельности. Как и в вышеприведенном источнике, террористическим актом признаются только действия в отношении государственного или общественного деятеля. (Советский энциклопедический словарь, 1979).

Малая советская энциклопедия (1960) определяет террор следующим образом: *Террор- политика устрашения, подавления классовых и политических противников насильственными мерами. Терроризировать-подавлять насиллием, репрессиями и т.д.*

Террористический акт определяется как *убийство государственного или общественного деятеля, представителя власти в связи с его государственной либо общественной деятельностью. Террористическим актом считается также нанесение государственному или общественному деятелю тяжких телес-*

ных повреждений. Присутствуют семы: 1) деятельность политическая, 3) деятельность, направленная на устрашение, подавление, 4) деятельность против политических противников, 5) приемы и результаты деятельности. И в данном источнике террористические действия – это действия, совершаемые против государственного или общественного деятеля. (Малая советская энциклопедия, 1960).

«Советский энциклопедический словарь» (1986) содержит определение только одного из видов терроризма - терроризм международный – это *насильственные акты, совершаемые против отдельных граждан или объектов, в т.ч. находящихся под защитой международного права (убийства глав иностранных государств и правительств, их дипломатических представителей, взрывы помещений посольств и миссий, представительств организаций, штаб-квартир международных организаций), взрывы в общественных местах, на улицах, в аэропортах и вокзалах и др.*

Акты терроризма наносят ущерб стабильности международных отношений. В выдвинутых на 27-м съезде КПСС принципах всеобъемлющей системы международной безопасности предлагается выработка эффективных мер предотвращения терроризма международного, включая безопасность пользования международными транспортными коммуникациями. Специфика данного определения в том, что оно, по сути, содержит всего одну сему – 5) приемы и результаты деятельности. В отличие от вышеприведенных определений из советских энциклопедических лексикографических источников, данный словарь допускает возможность того, что террористические действия могут быть произведены не только против государственных или политических деятелей, но и против рядовых граждан (Советский энциклопедический словарь, 1986).

Как оказалась, несколько из доступных современных российских энциклопедий принадлежат одному издательству и изданы под редакторством А.М. Прохорова. Поэтому определения Российского энциклопедического словаря, Популярного энциклопедического словаря и Большого энциклопедического словаря аналогичны: Террор, терроризм – *насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.)*

с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывание определенной линии поведения. Различают индивидуальный и групповой терроризм (например, действия экстремистских политических группировок) и государственный террор (репрессии диктаторских и тоталитарных режимов). В 70-90-х годах 20 в. получил распространение международный терроризм (убийства или похищения глав иностранных государств и правительств, их дипломатических представителей, взрывы помещений посольств, миссий, международных организаций, взрывы в аэропортах и на вокзалах, угон воздушных судов). В связи с этим приняты многосторонние конвенции и законодательные акты во многих странах по усилению борьбы с международным терроризмом.

В уголовном праве Российской Федерации к терроризму относится совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинению значительного имущественного ущерба и др.

В определении встречаем все ранее выделенные семы, за исключением б) угроза применения насилия, и это показательно – нет и упоминания, даже когда речь идет о законодательных нормах, что терроризмом может быть еще не совершенное, но планируемое действие. Еще одна характерная черта определения - неразграничение понятий «террор» и «терроризм» - они перечисляются через запятую, как синонимы.

Подводя итоги анализа толкований лексем «террор» и «терроризм» в отечественных лексикографических источниках, обобщим результаты в следующей таблице:

Словарь	Год издания	1) деятельность политическая	1) деять гос.власти, партии или политической группы	3) деять, направленная на устранение.подавление	4) деять-ть против политич.	5) приемы и рез-ты деять-ти	6) угроза применения насилия	7) иные мотивы кроме полит.	Примечания
1.Словарь русского языка в 4т	1981 - 1984	+	+	+	+	+	-	-	
2.Толковый словарь В.Даля	1982	-	-	+	-	+	-	-	
3.Толковый словарь Д.Н. Ушакова	1940	+	+	-	+	+	-	-	- насиллие-физическое; -террор - индивидуальный; - характерные примеры
4.Словарь рус. языка Ожегова	1990	-	-	-	+	+	-	-	-насиллие-физическое
5.Словарь совр. рус. Яз. В 17 т.	1963	-+	-+	+	+	+	-	-+	-богатые показательные примеры

6.Русский толковый словарь	1997	+	+	+	-	+	-	-	
7.Словарь иностр. слов.Актуальная лексика	1997	-	-	+	-	+	-	-	
8.Большой толковый словарь в 3-х т.	1995	-	-	+	-	+	-	-	
9.Словарь рус. языка в 4-х т.	1999	+	+	+	+	+	-	-	
10.Совр. словарь иностр. слов	2000	+	+	+	+	+	-	-	
11.Толковый словарь иноязычных слов	1998	+	+	+	+	+	+	+	- новый вид терроризма
12.Словарь иностр. слов и выражений	2000	+	+	+	+	+	-	+	- захват заложников, разрушения; - устранение конкурентов

13.Краткий словарь совр. понятий и терминов	1995	+	-	+	+	+	-	+	-терроризм политический и международн.; -терроризм-средство достижения целей; - похищение людей
14.Дипломатический словарь в 3-х т.	1986	-	-	-	-	+	-	-	-международно-правовой аспект
15.Толковый словарь русского языка конца XX в.	2000	+	+	+	+	+	-	+	-террор как идеология и как средство достижения целей; - против широких народных масс; -преследования, репрессии, диверсии
16.Российский энциклопед. словарь 17.Популярный энциклопед. словарь 18.Больш	2001 1999 1998	 +	 +	 +	 +	 +	 -	 +	Террор-терроризм

ой энцикло- пед. сло- варь 19.Больш ая совет- ская эн- циклопе- дия	1976	+	-	+	+	+	-	-	Террор- терроризм- террори- стич. акт Терроризм – только про- тив гос. дея- телей
20.Советс кий эн- циклопе- дический словарь	1979	+	-	+	+	+	-	-	
21.Малая советская энцикло- педия	1960	+	-	+	+	+	-	-	Терроризм – только про- тив гос. Деятелей
22.Советс кий эн- циклопе- дический словарь	1986	-	-	-	-	+	-	-	Терроризм – междуна- родный

Материалы представленной таблицы наглядно демонстрируют, как расширяется и уточняется понятие «террор» и «терроризм» на протяжении последних десятилетий.

Переходя к рассмотрению англо-американских лексикографических источников, следует прежде всего отметить, что в них дифференцированность определений значительно ниже, чем в отечественных; особенно это проявляется в зачастую нечетком разграничении понятий “terror” и “terrorism”. Напомним, что в английском языке слово “terror” имеет несколько значений, в т.ч. не относящихся к сфере политики и терроризма. В данном обзоре будут рассмотрены только значения, относящиеся к интере-

сующей нас сфере (в дальнейшем - без специальных упоминаний).

Нечеткое разграничение понятий “terror” и “terrorism” наблюдается в Словаре современного английского языка Лонгмана (Longman Dictionary of Contemporary English, 1995). В этом словаре слово terror толкуется как «насильственные действия в политических целях; терроризм» [*Violent actions for political purposes; Terrorism*] и приводится пример: «Движение сопротивления развязало кампанию террора» [The resistance movement started a campaign of terror]. Terrorism в данном словаре это - «применение насилия, например взрывы, применение огнестрельного оружия, похищение людей для достижения политических требований». Таким образом, здесь, как и в русскоязычных словарях, основной является сема «действие, деятельность» и выделяются следующие дифференциальные семы: 1) деятельность политическая и 2) деятельность насильственная. Помимо категориальной семы деятельности можно выделить сему 3) приемы и результаты деятельности. (Longman Dictionary of Contemporary English, 1995).

В одном из изданий серии словарей Вебстера (Webster’s Third International Dictionary, 1993) находим следующее: слово terror трактуется только в его общем, неполитическом значении - сильный страх, предмет или человек, внушающий страх [a state of intense fright or apprehension; one that inspires fear; an appalling person or thing]. Политическое значение отсутствует.

Слово terrorism у Вебстера имеет следующее значение: *систематическое применение террора в качестве средства принуждения (принимая во внимание отсутствие политического компонента в толковании слова terror закономерным будет перевести «применение страха, угрозы» [systematic use of terror as a means of coercion]*. Видим, что и в данном определении политический оттенок значения отсутствует. Наблюдается он лишь в примерах, иллюстрирующих словарную статью: «начальная стадия хорошо спланированной кампании политического террора» [the opening stage of a well-planned campaign of political terror]. Вообще же, на основе толкований данного словаря к ранее выделенным семам можно добавить еще одну: 4) деятельность систематическая (Webster’s Third International Dictionary, 1993).

В другом издании из серии словарей Вебстера - Webster's New World Dictionary of American English (1998) – дается следующее определение: *terror - программа партии, группы и т.п., практикующих терроризм [a program of terrorism of a party, group, etc. resorting to terrorism].* (NB: смешение понятий «террор» и «терроризм».) В этом же словаре *terrorism - акт запугивания; использование силы или угроз с целью деморализовать, устрасить и подчинить; особенно использование таких средств в качестве оружия или в качестве определенной политики [the act of terrorising; use of force or threats to demoralize, intimidate, and subjugate, esp. such use as political weapon or policy].* Здесь в рамках категориально-лексической семы «деятельность» выделяются следующие дифференциальные семы: 5) деятельность партии или группы и 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление.

Также присутствуют семы 1) деятельность политическая, 4) деятельность систематическая; отсутствуют семы 2) деятельность насильственная и 3) приемы и результаты. (Webster's New World Dictionary of American English, 1998).

Еще в одном из серии словарей Вебстера - Webster's II New Riverside Dictionary (1998) - видим следующее определение: *terror - насилие, осуществляемое группой для достижения или поддержания превосходства [violence promoted by a group to achieve or maintain supremacy]; terrorism - систематическое применение насилия, террора и устрашения для достижения цели [systematic use of violence, terror and intimidation to achieve an end].* В определении присутствуют семы 2) деятельность систематическая, 5) деятельность группы, 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление. Отсутствуют семы 1) деятельность политическая и 3) приемы и результаты. Новых сем по сравнению с указанными выше словарями не выделяется. (Webster's II New Riverside Dictionary, 1998).

Словарь The World Book Dictionary (1996) приводит следующие определения: *terror - период, в который группа людей живет в страхе перед смертью или насилием вследствие методов, используемых политической партией или группой для достижения или удержания власти, например период террора во Франции [a period when a community lives in fear of death or vio-*

lence because of the methods used by a political party or group to win or to keep power, such as the Reign of Terror in France]. Terrorism - акт запугивания, использование террора, особенно применение террора правительством или властью против отдельных людей или групп [the act of terrorizing: use of terror, esp. the systematic use of terror by a government or the authority against particular persons or groups]. В определении выделяются все ранее указанные семы (6) и добавляется одна новая: 7) деятельность против политических противников. (The World Book Dictionary, 1996).

Словарь Random House Unabridged Dictionary (1987) дает следующие определения: terror - период кровопролития, массовых убийств и применения насилия, сходный с Террором периода Великой Французской революции; применение насилия или угроза применения насилия с целью устрашения или принуждения, терроризм [any period of frightful violence or bloodshed likened to the Reign of Terror in France; violence or threat of violence used for intimidation or coercion; terrorism]. (NB: прямое смешение понятий terror и terrorism). В этом же словаре terrorism-применение насилия и угроз с целью устрашения или принуждения, особенно с политических целях [the use of violence and threats to intimidate or coerce, esp. for political purposes] . Присутствуют все семь ранее выделенных сем. Выделяется новая сема 8) угроза применения насилия. (Random House Unabridged Dictionary, 1987).

Словарь The American Heritage Dictionary of the English Language (1992) предлагает следующие толкования: terror - угроза применения насилия или применение насилия, совершаемые какой-либо группой с целью устрашения или принуждения населения, например, в военных или политических целях [violence committed by or threatened by a group to intimidate or coerce a population, as for military or political purposes]. Terrorism - угроза применения или незаконное применение силы или насилия отдельным человеком или организованной группой против других людей или собственности с целью устрашения или принуждения общества или правительства, часто в идеологических или политических целях [the unlawful use or threatened use of force or violence by a person or an organized group against people of property with the intention of intimidating or coercing societies or governments, often

for ideological or political reasons]. Из ранее выделенных сем находитим: 1) деятельность политическая, 2) деятельность насильственная, 5) деятельность партии или группы, 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление. Сема 5 расширена: субъектом террора может выступать не только группа или партия, но и отдельная личность. Выделяется новая сема - 9) иные цели кроме политических - в данном случае военные и идеологические. (The American Heritage Dictionary of the English Language, 1992).

Словарь The Oxford Desk Dictionary. American Edition (1995). Слово *terror* толкуется в его изначальном, неполитическом значении: *сильный страх; человек, наводящий сильный страх* [*extreme fear; terrifying person*]. Слово *terrorism* как отдельная словарная единица отсутствует, встречается оно лишь в определении слова *terrorist* - *человек, использующий (особенно) организованное насилие против правительства и т.п.* [*person using esp. organized violence against a government etc.*]. Если опираться на это толкование, то можно выделить следующие семы: 4) деятельность систематическая (организованная) и 7) деятельность против (политических) противников. Прочие дифференциальные семы в толковании отсутствуют (The Oxford Desk Dictionary. American Edition, 1995).

Переходим к рассмотрению лексем *terror* и *terrorism*, содержащихся в англо-американских **энциклопедических** словарях. Энциклопедические словари не содержат определений лексем *terror*, содержат только определения слова *terrorism*. Естественно, статьи энциклопедического словаря довольно объемные, содержащие полную информацию о явлении в целом, мы же остановимся на основных определениях терроризма, содержащихся в той или иной словарной статье.

В словаре The World Book Encyclopedia (1997) слово *terrorism* толкуется как *применение или угроза применения насилия с целью создания атмосферы страха и тревоги. Террористы убивают и похищают людей, взрывают бомбы, угоняют самолеты, устраивают поджоги и совершают другие тяжкие преступления. Но цели террористов отличаются от целей обычных преступников, цель которых - деньги или другая личная выгода; цели большинства террористов - политические* [*the use or*

threat of violence to create fear and alarm. Terrorists murder and kidnap people, set off bombs, hijack aeroplanes, start fires, and commit other serious crimes. But the goals of terrorists differ from those of ordinary criminals. Most criminals want money or some other form of personal gain. But most terrorists commit crimes to support political causes]. В этом определении обнаруживаем семы: 1) деятельность политическая, 2) деятельность насильственная, 3) приемы и результаты, 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление, и 8) угроза применения насилия. Как уже упоминалось, определение довольно объемное, но особый интерес представляют следующие утверждения: *«Обычно террористы совершают атаки на людей, представляющую противную им сторону или на **объекты, символизирующие противника...Иногда террористы выбирают цель атаки так, чтобы **привлечь наибольшее внимание газет и телевидения.**»***[*Generally terrorists attack people who oppose their cause or objects that symbolize such opposition...At other times terrorists simply choose any target certain to attract newspaper and TV coverage].* (The World Book Encyclopedia, 1997).

Encyclopaedia Britannica (1994): terrorism - *систематическое применение террора или применение непредсказуемого насилия против правительства, групп людей или отдельных личностей для достижения политической цели [the systematic use of terror or unpredictable violence against government, publics, or individuals to obtain a political objective].* Присутствуют семы: 1) деятельность политическая, 2) деятельность насильственная, 4) деятельность систематическая, 7) деятельность против (правительства и т.д.). Семы 3), 5), 6), 8), 9) - отсутствуют. Далее следуют такие немаловажные утверждения: *«**Результат воздействия терроризма на массовое сознание многократно увеличивается благодаря современным средствам связи. Любой насильственный акт несомненно привлечет внимание телевидения и таким образом требования, недовольство и политические цели террористов станут известны миллионам телезрителей. Современный терроризм отличается от терроризма предыдущих периодов, так как его жертвами зачастую становятся **ни в чем неповинные гражданские лица, выбранные случайно или просто оказавшиеся в месте совершения теракта***** [Terrorism's

public impact has been greatly magnified by the use of modern communications media. Any act of violence is certain to attract television coverage, which brings the event directly into millions of homes and exposes viewers to the terrorists' demands, grievances or political goals. Modern terrorism differs from that of the past because its victims are frequently innocent civilians who are picked at random of who merely happen into terrorist situations]. (Сравните с событиями 11 сентября 2001г.!). Таким образом, уточняется сема 7) деятельность против противников (Encyclopaedia Britannica, 1994).

Encyclopedia Americana (1994) формулирует terrorism так: *применение или угроза применения насилия, непосредственное разрушительное воздействие которого ограничено, но **велико психологическое воздействие** вследствие страха и шока. Эффективность терроризма - скорее политическая, чем военная. Цель теракта - донести до публики какие-либо требования. Типичные формы терроризма - убийства видных деятелей и атаки на гражданских лиц, **случайно выбранных** из намеченной группы, а также взрывы бомб...* [use or threat of violence that is limited in its physical destructiveness but high in psychological impact because it creates fear and shock. Terrorism's effectiveness is political rather than military. The terrorist act is meant to communicate a message to a watching audience. Assassination of prominent figures in society or attacks on civilians chosen at random from a targeted group are typical of terrorism. Bombings are its most common form.]

На основе этого толкования можно выделить следующие семы: 1) деятельность политическая, 2) деятельность насильственная, 3) приемы и результаты деятельности, 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление и 7) деятельность против политических противников (значение семы расширено - деятельность против ни в чем не повинных гражданских лиц). Особо отмечается психологический характер воздействия, оказываемого терроризмом (Encyclopedia Americana, 1994).

The Concise Columbia Encyclopedia (1994) предлагает следующее толкование: terrorism - *термин, обычно употребляемый по отношению к организованным актам насилия или угрозам применения насилия, направленным на устрашение противников или на то, чтобы сделать свои требования достоянием широкой общественности* [term usually applied to organized acts

or threats of violence designed to intimidate opponents or to publicize grievances.]. Выделяем семы: 2) деятельность насильственная, 4) деятельность систематическая, 6) деятельность, направленная на устрашение, подавление, 7) деятельность против противников (в общем, без указания на политический характер), 8) угроза применения насилия.

Итоги обзора англо-американских лексикографических источников можно суммировать в следующей таблице:

Словарь	Год издания	1) деятельность политическая	2) деят-ть гос.власти, партии или политической группы	3) деят-ть, направленная на устрашение, подавление	4) деят-ть против политич. про-	5) приемы и рез-ты деят-ти	6) угроза применения насилия	7) иные мотивы кроме полит.	Примечания
1. Словарь русского языка в 4 т.	1981 - 1984	+	+	+	+	+	-	-	
2. Толковый словарь В. Даля	1982	-	-	+	-	+	-	-	

3. Толковый словарь Д.Н.Ушакова	1940	+	+	-	+	+	-	-	-насилие- физическое; -террор- ин- дивидуаль- ный; - характерные примеры
4. Словарь рус. языка Ожегова	1990	-	-	-	+	+	-	-	-насилие- физическое
5. Словарь совр. рус. Яз. В 17 т.	1963	++	++	+	+	+	-	++	-богатые показа тельные примеры
6. Русский толковый словарь	1997	+	+	+	-	+	-	-	
7. Словарь иностр. слов. Актуальная лексика	1997	-	-	+	-	+	-	-	
8. Большой толковый словарь в 3-х т.	1995	-	-	+	-	+	-	-	
9. Словарь рус. языка в 4-х т.	1999	+	+	+	+	+	-	-	
10. Совр. словарь иностр. слов	2000	+	+	+	+	+	-	-	

11. Толковый словарь иностранных слов	1998	+	+	+	+	+	+	+	- новый вид терроризма
12. Словарь иностранных слов и выражений	2000	+	+	+	+	+	-	+	- захват заложников, разрушения; - устранение конкурентов
13. Краткий словарь совр. понятий и терминов	1995	+	-	+	+	+	-	+	- терроризм политический и международный; - терроризм-средство достижения целей; - похищение людей
14. Дипломатический словарь в 3-х т.	1986	-	-	-	-	+	-	-	- международно-правовой аспект
15. Толковый словарь русского языка конца XX в.	2000	+	+	+	+	+	-	+	- террор как идеология и как средство достижения целей; - против широких народных масс; - преследования, репрессии,

									диверсии
16.Российский энциклопед. словарь 17.Популярный энциклопед. словарь 18.Большой энциклопед. словарь 19.Большая советская энциклопедия	2001 1999 1998 1976	+ + +	+ - -	+ + +	+ + +	+ + +	- - -	+ -	Террор-терроризм Террор-терроризм-террористич. акт Терроризм – только против гос. деятелей
20.Советский энциклопедический словарь	1979	+	-	+	+	+	-	-	
21.Малая советская энциклопедия	1960	+	-	+	+	+	-	-	Терроризм – только против гос. Деятелей

22.Советский энциклопедический словарь	1986	-	-	-	-	+	-	-	Терроризм – международный
--	------	---	---	---	---	---	---	---	---------------------------

Таким образом, в структуре русской лексемы «терроризм» (как определяют словари) имеется семь дифференциальных сем, в структуре английской лексемы terror (в лексикографическом зеркале) - девять дифференциальных сем. Сопоставим данные дифференциальные признаки, зафиксированные российскими и англо-американскими словарями:

Позиция	Дифференциальная сема (русскоязычные словари)	Дифференциальная сема (англоязычные словари)
1	-приемы и результаты деятельности (19 упоминаний)	-деятельность насильственная (11 упоминаний)
2	-деятельность, направленная на устрашение, подавление (15упоминаний)	-деятельность политическая (9 упоминаний)
3	-деятельность политическая (13 упоминаний); -деятельность против политических противников (13 упоминаний)	-деятельность, направленная на устрашение, подавление (8 упоминаний)
4	-деятельность государственной власти, партии или политической группы (10упоминаний)	-деятельность систематическая (6 упоминаний)
5	-иные мотивы кроме политических (6 упоминаний)	-деятельность против политических противников (5 упоминаний); -приемы и результаты дея-

		тельности (5 упоминаний)
6	-угроза применения насилия (1 упоминание)	-деятельность партии или группы (4 упоминания); -угроза применения насилия (4 упоминания)
7	-	-иные цели кроме политических (1 упоминание)

На основе рассмотренных выше материалов подсчитаем лексикографический рейтинг дифференциальных сем:

Дифференциальная се-ма	Позиция в рус-скоязычных сло-варях	Позиция в англо-язычных словарях
-деятельность политиче-ская	3	2
-деятельность государст-венной власти, политиче-ской партии или группы	4	6
-деятельность, направ-ленная на устрашение, подавление	2	3
-деятельность против по-литических противников	3	5
-приемы и результаты деятельности	1	5
-угроза применения на-силия	6	6
-иные цели и мотивы кроме политических	5	7
-деятельность насильст-венная	-	1
-деятельность системати-ческая	-	4

Таким образом, на основе анализа рассмотренного материала вырисовываются следующие черты сходства и различия русскоязычных и англоязычных словарей в представлении терроризма:

- в обоих макротекстах присутствует близкий набор сем, их состав во многом совпадает (7 совпадений из 9 выявленных сем);

- рейтинг позиций дифференциальных сем соответствует важности, придаваемой той или иной черте терроризма в сознании соответственно русскоязычных и англоязычных толкователей;

- в русском макротексте больше частота/концентрация упоминаний каждой отдельно взятой семы (Ср.: 16-13-11-10-6-1 упоминаний.: 11-9-8-6-5-4-1 упоминаний);

- в русском макротексте отсутствуют две семы, имеющиеся в английском макротексте и играющие в нем важнейшие роли (соответственно 1 и 4 позиции) - это а) **деятельность насильственная** и б) **деятельность систематическая**; это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что для русских толкователей данные действительно важные характеристики терроризма представляются нерелевантными;

- с другой стороны, для русскоязычных определений свойственна большая детальность в описании явления терроризма - в каждом из словарей содержится перечисление приемов и результатов деятельности, и эта характеристика стоит на первой позиции, а в англо-американских источниках она не встречается.

Помимо особенностей, обусловленных наличием или отсутствием и распределением тех или иных дифференциальных сем, хотелось бы отметить следующие характерные черты:

- для многих русскоязычных источников характерно наличие богатого иллюстративного материала, примеров; англоязычные словари примеров почти не содержат, либо они очень ограничены;

- англо-американские источники почти всегда содержат историческую справку о феномене терроризма, большинство из них относят его становление ко времени Великой французской революции, к ее периоду, называемому Террор или Царство Террора. Далее англоязычные энциклопедические словари просле-

живаюи наиболее заметные вехи развития терроризма. С этой точки зрения выделяют народовольческий терроризм и терроризм бакунинцев в России - тоталитарные режимы двадцатого века (Гитлер, Муссолини, Сталин) – американский Ку-Клукс-Клан - современный терроризм (начало - взрыв пассажирского авиалайнера над Локерби, Шотландия в 1986г.). Для русскоязычных источников такие справки нехарактерны, что частично компенсируется богатым иллюстративным материалом, отражающим преимущественно деятельность террористов в 19 – начале 20 века и революционный террор периода гражданской войны в России.

Можно предположить, что выявленные различия в лексикографическом толковании терроризма соответствуют различиям в представлении о данном явлении, существующих в менталитете носителей русского и английского языков и в национальных традициях создания словарей. Отметим также, что словарные статьи на рассмотренные слова наглядно отражают развитие общественных представлений о терроре и его свойствах. Словари последнего десятилетия фиксируют худшие черты современного терроризма: современные террористы, в отличие от народовольцев, и эсеров, которые воевали с царями и министрами, сознательно идут на преступления против невинных граждан, в том числе стариков и детей, на захват заложников и другие бесчеловечные действия. Террористы нового поколения активно используют средства массовой информации для запугивания населения и пропаганды своих идей.

Список словарей:

1. Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, Т. 25, 1976.
2. Большой толковый словарь иностранных слов: В 3 т.; Т. 3 / Сост. М.А. Надель-Червинский, П.П. Надель-Червинская. Ростов-н/Д: Феникс, 1995. 512с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. М., Большая Российская энциклопедия, 1998. 1434с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.; Т.4. М.: Рус. яз.,1982. 683 с.

5. Дипломатический словарь; В 3-х т.; Т.3/ гл. ред. А.А. Громыко. М.: Наука, 1986. 749 с.
6. Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. 3-е изд. дораб. и доп. М.: Республ. изд-во, 2000. 670с.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний. М.: Рус.яз., 1998. 848с.
8. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь: Ок. 35000 слов, 70000 словосочетаний. М.: Рус.яз., 1997. 832 с.
9. Малая советская энциклопедия / Гл.ред. Б.А. Введенский-3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия. Т.9, 1960.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 921с.
11. Популярный энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.
12. Российский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 2015с.
13. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология / спец. науч. ред. А.В. Боброва. М.: Цитадель, 1997. 318 с.
14. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.сост. Е.С. Зенович; Науч. ред. Л.Н. Смирнов. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2000. 784с.
15. Словарь русского языка: в 4-х томах / Гл. ред. А.П.Евгеньева. М.:Рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. 1984.
16. Словарь русского языка: в 4-х томах / РАН, ин-т лингвист. исслед.; Гл. ред. А.П. Евгеньева. 4-изд., стер. М.: Рус. яз.: Т. 4. 1999.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.; Т.15. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 стлб.
18. Советский энциклопедический словарь: (ок. 80000 слов) / Науч. ред. совет: А.М. Прохоров (пред.) и др. М.: Советская энциклопедия, 1979.
19. Советский энциклопедический словарь: (ок. 80000 ст.) / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1986.

20. Современный словарь иностранных слов: Ок. 2000 слов. М.: Рус. яз., 2000. 740 с.
21. Толковый словарь русского языка: В 4 т / Под ред. Д.Н. Ушакова; Т.4. М.: Рус.слов., 1994. 754с.
22. Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Складывская. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. 700 с.
23. The American Heritage Dictionary of the English Language. Third Edition.- Boston- New York: Houghton Mufflin Company, 1992.
24. The Concise Columbia Encyclopedia. Third Edition.- New York: Columbia University Press, 1994. 973p.
25. Encyclopedia Americana. International Edition. Grolier Incorporated, 1997.
26. Encyclopaedia Britannica in 30 volumes. 15th Edition. V.11. Encyclopaedia Britannica Inc., 1994.
27. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. Longman Dictionaries, Logman Group Ltd., 1995. 1668p.
28. Random House Unabridged Dictionary. Second Edition, editor-in-chief- Stuart Berg Flexner. New York: Random House, 1987. 2478p.
29. The Oxford Desk Dictionary. American Edition, 1995.
30. Webster's New World Dictionary of American English. Third College Edition. Editor-in-chief Victoria Neufeldt.- Cleveland and New York: Webster's New World, 1998. 16574p.
31. Webster's II New Riverside University Dictionary. The Riverside Publishing Company, 1998. 1535p.
32. Webster's Third New International Dictionary of the English Language (Unabridged). Editor-in-chief- Philip Babcock Gove.- Springfield, Massachussets, Merriam- Webster Inc., 1993. 2662p.
33. The World Book Dictionary in two volumes, V.2. Edited by Robert K. Barhart. World Book Inc., 1996.
34. The World Book Encyclopedia V. 19. World Book Inc., 1997.

© Бадрызлова Ю.Г., 2003

Гашева О.В. Особенности выражения косвенных речевых актов обещания с эмотивным компонентом во французском языке

Прагматический аспект исследования речевых актов предполагает изучение высказываний при непосредственной связи с человеческой деятельностью. **Прагматика**, изучающая отношение знаков к людям, которые ими пользуются, показывает, зачем была сказана данная фраза, что должно последовать далее.

В теории речевых актов лингвисты выделяют прямые и косвенные речевые акты, различие между которыми заключается в несовпадении собственного и прагматического значений в высказывании. В косвенных речевых актах один иллокутивный акт (то есть речевой акт, который выражает намерение выполнения того или иного действия) осуществляется опосредованно, путём реализации другого; говорящий произносит предложение, имея в виду непосредственно то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием. Конвенционализация проверяется совместимостью с отрицанием имплицитной цели. Высказывание ("Ты можешь налить мне чаю? Но я тебя об этом не прошу. Но не делай этого") отражало бы непоследовательность речевого поведения.

К косвенным речевым актам обещания (или промиссивам) мы относим высказывания без перформативного глагола *promettre*, который употребляется в первом лице единственного числа настоящего времени и определяет смысл и содержание промиссивного речевого акта.

Таким образом, в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые у слушающего.

С целью построения общей теории прагматического понимания (Т.Ван Дейк), необходимо выявить характерную связь речевых актов обещания с грамматическими и лексико-семантическими особенностями промиссивных речевых актов с

эмотивным компонентом. Эта связь обусловлена тем, что речевой акт включает в себя, помимо иллокутивного и перформативного актов, локутивный акт с его тремя аспектами: интонационным, грамматическим и семантическим.

Эмотивный компонент в речевом акте - это показатель энергичности, силы, с которой подается одна и та же или разные иллокутивные цели. Языковыми сигналами эмотивного компонента служит функциональный класс экскламов (Тарасова М.В., 1997, с.5), включающий модальные частицы, адвербиальные выражения, детерминативы-интенсификаторы и т.д.

Структурно-семантический и информативный анализ речевых актов обещания с эмотивным компонентом позволяет констатировать, что основными языковыми сигналами энергичности, с которой подается иллокутивная цель, служат экскламаты, представленные, главным образом, модальными частицами, которые восходят к союзам и глаголам: *puisque, quand, si, (et moi) qui, (et) dire que, c'est... qui, ce que.*

(1) - *Tant que, Moi, je ne parlerai pas, ils ne peuvent rien savoir.* (Noël Calef, 1990, p. 115).

(2) - *Je ferai ce que vous me direz, monsieur.* (R. Deforges, 1983, p.169).

Наряду с функциональным классом экскламов показателем эмотивности служит восклицательная интонация, такие ее составляющие, как пауза, дополнительное ударение, повышение / понижение тона, а также его информативная структура. Важную роль в прагматическом понимании речевых актов обещания с эмотивным компонентом играет их клишированный характер, который находит свое выражение в совокупности их структурно-семантических, интонационных и информативных характеристик. В эмотивах с модальными частицами эти характеристики сводятся к следующим:

- абсолютной препозиции *puisque, quand, si, (et moi) qui, (et) dire que, c'est... qui, ce que* по отношению к ядру высказывания, устойчивости их структурно-семантического наполнения;

- соответствию подлежащего семантическому субъекту;

- преимущественной ориентации эмотива на определенное лицо (в промиссивных речевых актах с эмотивным компонентом - на адресата).

Таким образом, для определения иллокутивных функций речевых актов обещания с эмотивным компонентом, а также для распознавания конвенциональных сущностей необходимо учитывать как интонационные характеристики, так и свойства грамматической структуры и их лексико-семантическое наполнение.

Эмоциональное состояние говорящего конвенционально рассматривается как соответствующая реакция на определенное положение вещей, включая выполнение говорящим определенного речевого акта. Окрашивая речевой акт обещания, эмоция способствует осуществлению волевого акта говорящего, цель которого убедить, заверить адресата в выполнении взятых на него обязательств, причем он делает это искренне. Применение ряда вспомогательных прагматических критериев, таких как модальность, ориентация на адресата, оценочная лексика, обусловленность социальными конвенциями, позволяет выделить речевые акты обещания с эмотивным компонентом среди других классов эмотивов.

Ещё одна характеристика речевых актов обещания с эмотивным компонентом - это их взаимодействие с контекстом. В акте коммуникации представлены не только элементы, воспринимаемые чувствами в процессе речи, но и все известные собеседникам обстоятельства, которые могут послужить мотивом для их разговора. Появление речевых актов обещания с эмотивным компонентом в тексте должно быть ситуативно и / или контекстуально мотивировано, поскольку они представляют собой эмоциональные реакции говорящего на некоторые положения вещей. Промиссивный речевой акт возникает как реакция на конкретную коммуникативную ситуацию, где говорящий в силу определенных обстоятельств берет на себя обязательство выполнить конкретное действие в пользу адресата. Часто эмотивность проявляется при выражении чувств любви и глубокого уважения, когда говорящий пытается заверить адресата во что бы то ни стало выполнить данное им слово. В данном случае роль контекста является определяющей:

3) *La comtesse entra; Borda se jeta à genoux.*

- *C'est dans cette position que je veux recevoir vos ordres, car il est évident que vous avez quelque service à me demander, autrement vous n'aurez pas honoré de votre présence la pauvre*

maison d'un malheureux fou: jadis transporté d'amour et de jalousie... Je ferai pour vous tout ce qui est humainement possible. Je me mets entièrement à vos ordres. Je ferai même des imprudences (Stendhal, 1996, p. 95).

В данной коммуникативной ситуации мы видим, что речевому акту обещания предшествуют слова заверения в любви и готовности пойти на все ради любимой женщины. Кроме того, грамматическая конструкция и лексическое значение данного речевого акта выражаются с помощью эмоционально-модально-усилительных частиц *se qui, même*, которые усиливают роль эмотивного компонента в промиссивном речевом акте. Таким образом, в диалоге речевые акты обещания с эмотивным компонентом способны выступать как реагирующие, ответные, а также стимулирующие реплики. В этой роли эмотивный компонент способствует прогрессии темы диалога и вступает в иллюкутивное взаимодействие с промиссивами. В тексте речевые акты обещания с эмотивным компонентом выполняют функцию комментирования ситуации, которое имеет характер заверения, убеждения, и устанавливают факт взаимодействия в речи эмотивности с целью речевого акта обещания.

Список литературы:

1. Богданов В.В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол. // Сб. научных трудов. КГУ., 1983. с. 27.
2. Гак В.Г. Сопоставительная прагматика. // Филологические науки. 1992. № 3. с.78-90.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып.: № 19. с. 217.
4. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып.: № 23. с. 154.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып.: № 17. с. 150.
6. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып.: № 17. с. 97.
7. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып.: № 17. с. 160-169.

8. Тарасова М.В. Речевые акты с эмотивным компонентом в современном французском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1997. с. 5-8.

9. Berrendonner A. *Eléments de pragmatique linguistique*. Paris. 1981. p. 29.

10. Maingueneau. *Initiation aux méthodes de l'analyse de discours*. Paris. 1976. p. 129.

11. Potier B. *Linguistique générale*. Paris. 1974.

Список источников:

1. Calef N. *Ascenseur pour l'échafaud*. Moscou, 1990.

2. Deforges R. 101, avenue Henri-Martin. *La bicyclette bleue*. Paris, 1983.

3. Stendhal. *La Chartreuse de Parme*. Paris, 1996.

© Гашева О.Г., 2003

Кондакова М.Ф. Частеречная принадлежность заимствований

Вопрос принадлежности заимствований к различным частям речи неоднократно затрагивался в отечественной и зарубежной литературе. Л.А.Булаховский отмечал, что чаще всего заимствуются имена существительные и прилагательные, могут быть заимствованы междометия («слова-восклицания») и очень редко - наречия, местоимения, числительные, глаголы (Булаховский, 1954: 119). Э.Хауген в ходе исследования получил другие данные. В качестве наиболее часто заимствуемого разряда слов этот лингвист выделил имя существительное; за ним следует глагол, затем имя прилагательное, потом наречие; реже всего заимствуются междометия. Числительные Э.Хауген не упоминает вообще (Хауген, 1972: 343).

Исследование К.Н.Ереминой, посвященное изучению заимствований в современном персидском языке, показало, что чаще всего заимствуются существительные, реже - прилагательные. Иногда среди заимствований встречаются числительные, обозначающие большие числа. Глаголы и местоимения вообще не попадают (Еремина, 1980: 32). В отдельных языках, напри-

мер тюркских, среди заимствований встречаются лишь имена собственные (Баскаков, 1966: 35).

В публикации, посвященной общим вопросам заимствования, Т.Г.Линник отмечает, что в количественном отношении среди иноязычных элементов, как правило, преобладают существительные, прилагательные и глаголы. Другие лексико-грамматические разряды малочисленны, но они сопоставимы с предыдущими, благодаря их функциональной нагрузке. Этот автор отмечает также, что вопреки мнению Э.Бенвениста, встречаются факты заимствования числительных не только в неиндоевропейских, но и в индоевропейских языках. Заимствование числительных может свидетельствовать о глубоком и продолжительном контакте носителей разных языков. Из других частей речи автор указывает на междометия, заимствуемые, в основном, в условиях активного билингвизма (Линник, 1989: 104-107).

Примеры заимствования местоимений довольно скудны. Причину видят в существовании общей тенденции к их сохранению в языке. В тюркском ареале довольно часто встречаются заимствованные союзы (напр., Линник, 1989: 108-109).

Пытаясь понять причины неодинакового количества заимствований в разных частях речи, языковеды предлагают различные объяснения, связанные с семантическими, структурными и экстралингвистическими факторами. Например, преобладание существительных среди заимствований чаще всего объясняют необходимостью наименования новых реалий, реже понятий, еще реже потребностью называния качеств, а также различными свойствами частей речи в структуре языка (напр., Линник, 1989: 110). Э.Хауген пишет, что «обилие заимствований – существительных и глаголов и немногочисленность предлогов, междометий и союзов естественно согласуется с тем, что в языке много первых и мало последних» (Хауген, 1972: 374). Другой автор, Л.Деруа усматривает причины в степени автономности отдельных лексико-грамматических разрядов: у существительных автономность выше, чем у прилагательных. Т.Г.Линник, вслед за Э.Хаугеном, полагает, что разницу в количестве заимствований по различным частям речи следует искать по нескольким направлениям, и в первую очередь, в связи с общим соотношением частей речи в системе языка. Очевидно, что во всех языках мира

лексико-грамматический разряд существительных - самый обширный и поэтому именно в нем число заимствований преобладает по сравнению с другими классами. Во-вторых, следует учитывать особую специфику распределения частей речи внутри каждого отдельно взятого языка. В-третьих, во внимание должна приниматься семантика отдельных частей речи (Линник, 1989: 111).

Кроме того, существует точка зрения, что заимствуются не слова, принадлежащие к той или иной части речи, а основные морфемы (основы), которые в принимающем языке приобретают характеристики лексико-грамматических разрядов (подробнее см.: Линник, 1989: 112). В исследованиях, посвященных языковым контактам, можно найти примеры, когда заимствуется лексема, принадлежащая к разряду, не существующему в заимствующем языке (в языке реципиенте). Например, в курдском языке есть заимствованные слова, соответствующие арабским масдарам (отглагольным именам действия) (Бакаев, 1977: 31-32).

В процессе изучения испано-французских языковых контактов, мы обнаружили более 8 сотен заимствованных лексических единиц испанского происхождения (испанских контактных элементов, или ИКЭ). Среди них мы выделили следующие лексико-грамматические классы, в которые проникают испанские лексические единицы:

- существительные;
- прилагательные;
- слова, относящиеся к классу существительных и прилагательных;
- глаголы;
- междометия.

По мнению большинства исследователей, чаще всего заимствуются существительные (см. выше). Полученные нами данные это подтверждают, поскольку более половины ИКЭ, а именно 633 - имена существительные. В эту же группу включены и производные существительные. Приведем несколько примеров:

Абаса	<i>m</i>	абака; манильский	Из исп. <i>abacá f</i> 'бот. аба-
-------	----------	-------------------	-----------------------------------

		прядельный банан	ка, текстильный банан, манильская пенька', заимст. из тагальского
Chinchilla	<i>m</i>	Шиншилла (животное и его мех)	Из исп. <i>chinchilla f</i> 'шиншилла'
Gitan, -ne	<i>m, f</i>	Цыган, цыганка	От исп. <i>gitano, -a</i> (название цыган в Испании)
Navaja	<i>f</i>	Наваха (испанский нож)	Исп. слово <i>navaja f</i> 'наваха'

Прилагательные проникают во французский язык гораздо реже. Нам удалось выявить лишь 36 прилагательных, среди них непроизводных -13. Вот некоторые примеры:

Marron, -ne	<i>adj</i>	ист. беглый 2. одичалый 3. Незарегистрированный, недипломированный	Искажение испано-амер. <i>simarron</i> '1. дикий, одичавший; 2. беглый' от староисп. <i>simarra</i>
Picaresque	<i>adj</i>	1. плутовской (о романе) 2. Забавный, авантюрный	Из исп. <i>picaresco</i> 'хитрый, плутовской'
Plateresque	<i>adj</i>	иск. платереско (стиль испанского Ренессанса)	• От исп. <i>estilo plateresco</i> 'декоративный стиль испанских серебряных дел мастеров и архитекторов XVI в.'
Rubican	<i>adj</i>	рыжечалый с проседью (масть лошади)	Искажение исп. <i>rabicano</i> 'с белыми волосами в хвосте (у лошади)
tride	<i>adj</i>	резвый, прыткий, быстрый (о лошади)	От исп. <i>trido</i> 'мелкий, быстрый (о шаге лошади)'

Две третьих из них - это производные, а не заимствованные прилагательные, которые также относятся к испанским контактным элементам:

Donjuanesque	<i>adj</i>	донжуанский. Произв. от Don Juan.
Platiné, -e	<i>adj</i>	платинированный. Произв. от platine
Quinique	<i>adj</i>	хинный. Произв. от quinine.
vanillé, -e	<i>adj</i>	ванильный. Произв. от vanille.

Часть прилагательных может употребляться в качестве существительных. Иначе говоря, эти слова можно рассматривать как случаи многозначности или как случаи омонимии. Подобные употребления весьма характерны для французского языка, в отличие от русского. В нашем исследовании таких слов 42. Например:

Alezan	<i>adj, m</i>	1. рыжей масти (<i>о лошади</i>) 2. рыжая лошадь, лошадь рыжей масти	Из исп. <i>alazán</i> '1. светло-коричневый; 2. гнедой, красно-красно-коричневый'
Fuégien, -ne	<i>adj, m</i>	1. относящийся к Огненной Земле 2. житель Огненной Земли	Исп. слово <i>fueg(u)ino</i> 'живущий (относящийся к) на Огненной Земле'
Mauresque	<i>adj, f</i>	1 мавританка; 2. мавританский, мавританский	Из исп. <i>morisco</i> 'мавританский'
rouan, -ne	<i>adj, m</i>	1. пегий 2. пегая лошадь	От исп. <i>roano</i> 'чалый'

В ходе исследования было выявлено 59 глаголов. Большинство из них представляют собой производные, образованные во французском языке от заимствованных лексических единиц. Собственно заимствованных глаголов, не являющихся производными от испанских контактных элементов - 24. Приведем некоторые примеры:

Accastiller	оборудовать надводную часть судна	Из исп. <i>ac(c)astillar</i> (с тем же значением)
ensiler	с.-х. силосовать	От исп. <i>ensilar</i> ‘закладывать на хранение, силосовать’
Hâbler	хвастаться, врать	От исп. <i>hablar</i> ‘говорить, разговаривать’
Parer	останавливать (лошадь)	От исп. <i>parar</i> ‘останавливать’
roquer	<i>шахм.</i> делать рокировку, рокироваться	От исп. <i>roque</i> ‘1. шахм. тура, ладья

Кроме вышеуказанных частей речи среди испанизмов во французском языке встречается несколько междометий. Нами обнаружено всего 3 междометия.

Caramba!	<i>ругат.</i> карамба! Черт побери!	Исп. ¡ <i>Caramba!</i> Употр. при выражении удивления, досады
olé или ollé 1919	давай, давай	Исп. междометие <i>olé</i> ‘ <i>браво!</i> (для выражения восхищения, подбадривания танцующих, <i>тореро</i>)’.
Tore 1640	пусть так! Согласен!	Исп. восклицание <i>tore</i> (– <i>e</i>) от <i>torar</i> ‘1. ударять; 2. принимать ставку в игре’.

Исследование показывает, что в романском ареале заимствуются не морфемы или основы, а слова. Испанские контактные элементы, как правило, сохраняют свою частеречную принадлежность. Случаи транспозиции в процессе заимствования встречаются редко. Среди испанизмов во французском языке (всего более 800) абсолютно преобладают существительные (более 600). На порядок меньше прилагательных (около 80). Значительная часть из них одновременно относится к классу существ-

вительных. Число глагольных испанизмов сравнимо с числом прилагательных (около 60). Заимствование междометий носит единичный характер (3 примера). Другие части речи (наречия, местоимения, предлоги, союзы и пр.) не представлены вообще.

Список литературы:

1. Бакаев Ч.Х. Роль языковых контактов в развитии языка курдов СССР. М., 1977.
2. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч.2. М., 1954.
3. Еремина К.Н. К проблеме языковых контактов: Европейизмы в современном персидском языке. М., 1980.
4. Линник Т.Г. Проблемы языкового заимствования / Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
5. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

© Кондакова М.Ф., 2003

Кравченко Л.С. Типы многозначности в зонах широко и уникально развитой многозначности английского языка

Вопросы взаимодействия лексики и грамматики всегда были актуальными в лингвистике (В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева, Ш. Балли, Л. Жильбер и др.). Важнейший аспект этой проблемы – исследование грамматических факторов, способствующих или препятствующих развитию многозначности, а также определяющих тип многозначности (дискретный или диффузный) (П. Гиро, П.Н. Денисов, С.Н. Муране, И.Г. Олшанский, Ф. Папп, А.А. Поликарпов, Ю. Тулдава, Е.А. Чудинова и др.).

Основная задача настоящей статьи – проанализировать категориально-грамматические признаки имен, у которых в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary зафиксировано по 7 и более значений, и на этой основе сделать выводы о степени «предрасположенности» или «непредрасположенности» слов с соответствующими грамматическими признаками к многозначно-

сти, а также к различным ее типам (дискретному, диффузному и дискретно-диффузному).

Материалом для исследования послужили имена существительные и прилагательные. При анализе словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary выявлено 280 имен, имеющих от 7 до 14 значений, эти слова отнесены к зоне широко развитой многозначности (ШРМ): 280 существительных и прилагательных, а в зоне уникально развитой многозначности (УРМ), где сосредоточены слова, имеющие более 14 значений, обнаружено 24 имени. Распределение слов по количеству значений в зоне ШРМ отражает таблица №1.

Таблица № 1. Распределение имен в зоне ШРМ

Количество значений	Количество существительных	Количество прилагательных
7	76	24
8	57	10
9	38	11
10	17	7
11	13	6
12	6	4
13	7	3
14	2	3
Всего:	212 (75,7%)	68 (24,3%)

Как показывает таблица, в зоне ШРМ имен существительных почти в три раза больше, чем имен прилагательных (соответственно 212 – 68 слов).

Таблица №2 отражает данные по зоне уникально развитой многозначности в английском языке.

Таблица №2. Распределение имен в зоне УРМ

Количество значений	Количество существительных	Количество прилагательных
15	4	3

16	1	6
17	2	1
18	2	-
19	-	-
20	1	-
21	-	-
22	1	-
23	-	1
24	-	-
25	1	-
26	-	-
27	-	1
Всего:	12 (50%)	12 (50%)

Как показывает таблица, в зоне УРМ количество существительных и прилагательных совпадает (по 12 слов). В данной зоне, как и в зоне ШРМ, происходит уменьшение количества слов с увеличением многозначности, хотя можно наблюдать нарушение закономерностей, соответствующих выведенной венгерским ученым Ф. Паппом формуле, в соответствии с которой увеличение количества значений приводит к сокращению числа слов, имеющих соответствующее количество значений.

Так в зоне ШРМ имеется 6 существительных, имеющих 12 значений, но 7 существительных, имеющих 13 значений; в зоне УРМ можно наблюдать 3 прилагательных с 15 значениями, но 6 прилагательных с 16 значениями в английском языке.

Самым многозначным существительным в английском языке является существительное “line”, у которого 25 значений, а самым многозначным прилагательным является “good”, имеющее 27 значений.

Тот факт, что среди многозначных английских слов количество существительных (224) почти в три раза превышает количество прилагательных (80) позволяет сделать вывод о большой «предрасположенности» к полисемии английских имен существительных, чем прилагательных.

Чтобы более полно определить специфику именной многозначности необходимо учесть реально существующие разли-

чия между номерными (имеющими в словаре отдельный номер) и неномерными типами лексико-семантических вариантов.

Согласно концепции П.Н. Денисова (1984), целесообразно различать дискретную и диффузную полисемантическую. При дискретной многозначности все значения слова в словаре представлены только как номерные, не имеющие оттенков, что предполагает значительную самостоятельность лексико-семантических вариантов. Диффузную полисемантическую отличает большое количество представленных в словаре оттенков (их число равно или даже превышает количество номерных значений), что предполагает более тесную связь между лексико-семантическими вариантами, менее отчетливые границы между ними. Е.А. Чудинова (1998) предложила в кандидатской диссертации термин для определения промежуточного типа полисемантической – «дискретно-диффузная» полисемантическая, при которой оттенки представлены, но их число меньше, чем число номерных знаков. Данные о количестве слов, соответствующих этим типам представлены в следующей таблице.

Таблица № 3. Типы полисемантической в зонах многозначности

Название зоны	Дискретный тип	Диффузный тип	Дискретно-диффузный тип	Всего слов
Зона ШРМ	35 (12,5%)	106 (37,9%)	138 (49,6%)	279
Зона УРМ	-	9 (36,0%)	16 (64,0%)	25
Всего:	35 (11,6%)	115 (37,8%)	154 (50,6%)	304

Материалы таблицы № 3 показывают, что доминантное положение во всех зонах занимают слова с дискретно-диффузным типом полисемантической. К этому типу относится 154 слова из 304 слов (50,6%). В зоне ШРМ слова дискретно-диффузного типа составляют 49,6%, а в зоне УРМ эта цифра составляет уже 64%. Увеличение происходит за счет того, что слов дискретного типа здесь не наблюдается. «Доля» слов диффузно-

го типа примерно одинакова по зонам 37,9% в зоне ШРМ и 36,0% - в зоне УРМ. Имена дискретного типа вообще отсутствуют в зоне УРМ и составляют только 12,5% в зоне ШРМ.

Можно сделать вывод, что хотя дискретно-диффузный вид многозначности лидирует, но имена существительные и прилагательные, в значительной, хотя и меньшей мере, склонны к диффузии значений (37,8%). И к дискретному типу многозначности относится только 11,6% имен.

Ярким представителем дискретной полисемантичности является существительное *chip*, у которого в Oxford Advanced Learner's Dictionary 7 номерных значений и во всех значениях видны отчетливые дифференциальные признаки, противопоставляющие значения.

Во всех случаях видны отчетливые дифференциальные признаки, противопоставляющие значения.

Примерами прилагательных этого типа являются также слова *green* (8 значений), *thin* (8 значений), *dry* (10 значений), а также существительные *hour* (8 значений), *element* (9 значений), *gun* (13 значений) и т.д.

Среди лексем самого распространенного для английского языка типа многозначности, дискретно-диффузного, можно назвать такие существительные, как *man*, *love*, *ground*, *shaft* и т.д., и такие прилагательные, как *cold*, *tight*, *straght*, *square* и т.д.

Типичным примером дискретно-диффузной многозначности является семантическая структура прилагательного *cold*, у которого зафиксировано 7 номерных и 2 «оттенками».

К числу слов с наиболее ярко выраженной диффузной многозначностью относятся существительные *shell*, *score*, *entry*, *piece*: и др., а также прилагательные *blank*, *dead*, *delicate*, *fair* и т.д.

Ярким представителем диффузной многозначности является прилагательное *blank*. В данном прилагательном из 9 значений – только 1 номерное, остальные 8 представлены в виде оттенков значений, неномерных значений. Четыре оттенка первого значения максимально близки между собой, идея отсутствия чего-то ясно прослеживается во всех трех: «пустой», «незаписанный»; причем речь идет о вещах (о бумаге, документах или касетах, стене).

Во втором значении наблюдаются 2 неномерных значения, которые тоже тесно связаны: речь идет о разуме и чувствах, а не о материальных предметах: (*бессмысленный, неспособный понять*), о чем тоже сделаны специальные пометы.

Рассмотрение семантической структуры указанных в примерах существительных и прилагательных демонстрирует различие дискретного, диффузного и дискретно-диффузного типа полисемантической. Разграничение трех типов многозначности обосновано, поскольку оно помогает выявить специфику семантической структуры соответствующего слова.

При анализе зон широко и уникально многозначности с точки зрения типов полисемантической у имен существительных и имен прилагательных в английском языке, обнаруживаются несущественные различия. Соотношение частей речи по типам многозначности в зонах ШРМ и УРМ представлено в следующей таблице.

Таблица № 4. Соотношение типа многозначности с частью речи

Часть речи	Дискретная	Диффузная	Дискретно-диффузная	Всего слов
Существительное	26 (11,6%)	90 (40,2%)	108 (48,2%)	224 (73,7%)
Прилагательное	9 (11,25%)	25 (31,25%)	46 (57,5%)	80 (26,3%)
Всего слов:	35 (11,5%)	115 (37,8%)	154 (50,6%)	304 (100%)

Хотя «доля» существительных намного больше, чем прилагательных (соответственно 73,7% и 26,3%), распределение по типам многозначности имеет менее существенные различия. Дискретный тип наблюдается у 11,6% существительных и у 11,25 прилагательных. Диффузный тип отмечен у 40,2% существительных и у 31,25% прилагательных, различие составляет 8,95%. При рассмотрении дискретно-диффузного типа (самого

широко представленного в рассматриваемых частях речи) соотношение несколько изменяется: 48,2% у существительных и 57,5% у прилагательных.

Таким образом, анализ с помощью количественного метода показал, что имена существительные и прилагательные располагаются по типам многозначности примерно равномерно в зонах ШРМ и УРМ, а максимальное количество слов 50,6% относится к дискретно-диффузному типу многозначности, за ним следует диффузный тип (37,8% слов) и, наконец, 11,5% слов относятся к дискретному типу многозначности.

Список литературы:

1. Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре., 1984.
2. Чудинова Е.А. Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии). Автореф. дис.... канд. филол. наук. Пермь, 1998
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary Oxford university Press 1998.

© Кравченко Л.С., 2003

Макеева С.О. Термины профессиональной сферы образования в дейктической функции

В статье планируется рассмотреть характер участия единиц терминосистемы "Образование" в определении общей информационной программы научно-рекламного текста. Результаты сопоставительного исследования текстов проспектов-каталогов образовательных услуг позволили выявить несовпадение информационных программ (формулировка Т.В.Матвеевой, (1990:15) в русском и английском языках, несмотря на полную функциональную аналогию текстов. Отнесение общей информационной программы к рациональному либо прагматическому подвиду в значительной мере зависит от уровня вербальной экспликации АДРЕСАТ/АДРЕСАНТ, отмеченному в тексте.

Вербальную экспликацию адресата и адресанта проспектов-каталогов образовательных услуг следует считать частью механизма приоритетных стратегий, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющие, редуцирующие менее значимые. Экпликация этого рода обеспечивается пронизывающими текст дейктическими единицами.

Напомним, что дейктическим считается такой элемент, у которого в состав значения входит идентификация объекта, предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т.д. через его отношение к речевому акту, его участникам и контексту. Помимо того, что многие слова и категории имеют дейктическое значение, почти все референтные выражения могут быть дейктичны в тех или иных употреблениях. Так, дейктичны в большинстве случаев все собственные имена - людей, а также термины-элементы, обозначающие должность, научное звание и положение, занимаемое этими лицами в структуре учебного учреждения, предлагающего свои услуги. Естественно, прагматические ограничения одинаковы для всей совокупности коммуникативных актов, характерных для реализации профессиональной деятельности в рамках данного учреждения. В данном случае (презентация долгосрочной услуги) предельно детальная экспликация одной группы будущих коммуникантов (преподавательский состав и администрация) является в какой-то мере залогом успешности речевых актов *staff/fresher students/applicants*, т.к. она обуславливает более высокую степень коммуникативной инициативы студентов, адекватную адресованность запросов и т.п. и релевантность содержания высказываний (к кому именно обращаться по какому кругу вопросов). Мы поддерживаем мнение Е.Г. Борисовой (1990:115), что “любую информацию об иерархических отношениях между участниками речевого акта следует считать прагматической”. На наш взгляд, такого рода информацию следует считать “прагматической стратегией”, поскольку она обеспечивает не столько успешность коммуникативного акта одностороннего характера (рекламный текст каталога), а неопределенное множество контактных речевых актов ‘*student-staff*’ в контексте профессионального взаимодействия.

Анализ текстов позволил выделить три уровня экспликации адресата-адресанта:

1. Уровень собственно обозначения;
2. Уровень формирования общего представления об адресанте как провайдере образовательных услуг;
3. Уровень суждений.

Рассмотрим данные уровни более подробно. Обозначение участников профессионального общения может обеспечиваться терминологией, обобщенно личными “МЫ - ВЫ”, а также лексикой размытой семантики, имеющей значение обобщенного множества. В англоязычных текстах обозначениями адресата являются, прежде всего ‘applicant’, (‘applicant for admission’) ‘entrant’, как обозначения лиц, не принадлежащих к данному университету/колледжу до прохождения вступительных испытаний и зачисления. ‘Student’, как термин с более широким, чем в русском языке, объемом значения (студент, учащийся) употребляется, как правило, с постпозиционным определением, выраженным атрибутивной группой либо (Participle 1): students, applying for admission; planning to attend, in the top10% of their class; eligible for the program. Обозначения ‘contestants’, ‘candidates’ употребляются преимущественно теми университетами, где есть конкурс заявлений.

Одной из наиболее частотных референтных единиц является ‘individual/s’. Актуализация смыслов ‘single, distinct, particular member of the class/ having distinct character’ в какой-то мере передает обобщенную идею стратегии планируемого взаимодействия.

Следует отметить тенденцию замены ‘applicant/entrant’ термином, обозначающим лиц, прошедших вступительные испытания и зачисленных в колледж/университет: ‘freshman’, ‘first-time freshman’.

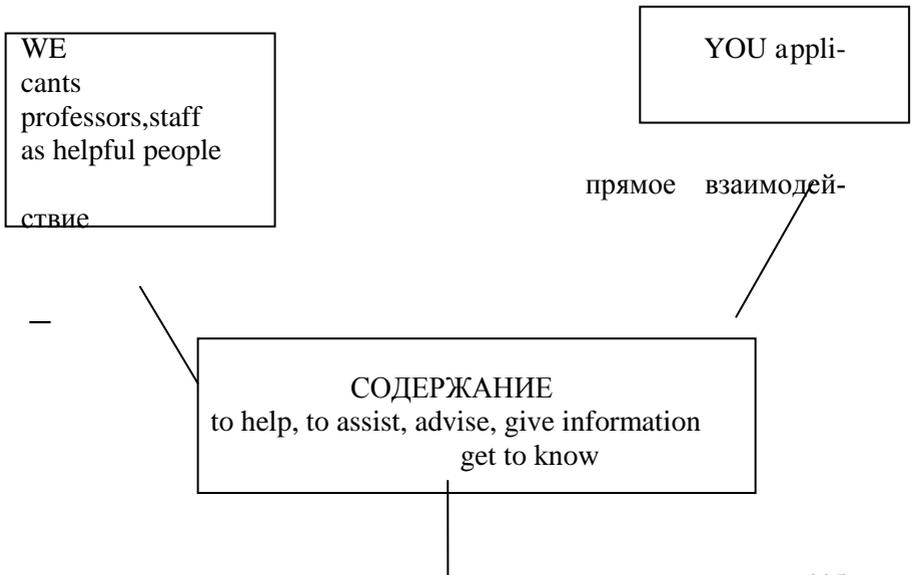
Анализ исследуемых текстов позволил выделить следующие частотные единицы широкой семантики, участвующие в контекстной подмене терминологической единицы ‘applicant’: ‘person/s’, ‘one/s’, а также указательное местоимение ‘those’ с уточняющей атрибутивной группой: ‘those, seeking admission, those admitted to the program’ etc. Контекстное варьирование способов обозначения адресата, помимо обеспечения текстовой когезии, отражает структуру адресата как различных групп в рам-

ках профессионального взаимодействия. Различные способы обозначения адресата могут дать и примерное представление о стратегии данного взаимодействия (ср. ‘individual/s’ указывает на стратегию “субъект-субъект”, ‘person’ указывает на правовой характер взаимодействия).

Тексты проспектов-каталогов имеют некоторые признаки контактного речевого акта, в частности, использование прямого обращения к адресату ‘YOU’, обозначение позиции говорящего генеративным ‘WE’, ‘OUR’. Условно-диалоговый характер текста достигается насыщением его отрезков дейктическими местоимениями:

E.g. “ We treat you as an individual. You will get to know your professors. A staff of helpful people are ready to assist in the adjustment. They will also advise you in academic and personal areas. Upon arrival ... we will help you in housing arrangements so that your transition will run smoothly. One-day orientation will give you a lot of useful information you will need to know as you begin your studies”. (Ashland University, Ohio, ‘99-00).

По нашему мнению, ситуацию общения также возможно отнести к дейксису и, как таковая, она представляет безусловный интерес. Вид, характер и цели взаимодействия, представленные в отрывке, можно условно обозначить как:

РЕЗУЛЬТАТ

smooth transition, adjustment, readiness to begin studies

В результате традиционного в обоих языках метонимического переноса по типу “одно в другом” наименованием адресанта может выступать наименование учебного заведения: e.g. Tarleton welcomes individuals. Тем не менее, необходимо отметить ясно выраженную тенденцию избегать так называемых собирательных наименований при обозначении преподавательского состава. Преобладают наименования по занимаемой должности, e.g.: “the administrators and staff members, whether vice-presidents, librarians, buildings and grounds personnel or coacher...”, либо по характеру профессионального воздействия: ‘consultants’, ‘advisors’, ‘tutors’, ‘lecturers’, etc. Название учреждения выступает обозначением лиц, в нем работающих, при описании “внешних” взаимодействий, например ‘college/community: “ Tarleton meets its public responsibility...”, либо при указании на аспект отношений, регулируемый правовыми нормами: “Capson-Newman College does not illegally discriminate on the basis of race, colour, national or ethnic origin...”, т.е. в тех случаях, где определенное дистанцирование от адресата обусловлено стилевыми регламентациями.

В компарабельных текстах на русском языке обозначение АДРЕСАТА, как правило, опускается, если речь идет об абитуриентах в целом, без каких-либо ограничений: например, “... осуществляется набор/прием/зачисление+О (нулевая позиция). Помимо так называемого “нулевого обозначения”, наиболее частотным (более половины всех случаев) является обобщенное наименование “лица”: “лица, имеющие среднее образование/окончившие среднее профессиональное заведение и пр. Обращение, характерное для правовых документов, имплицитно указывает на наличие у адресанта юридического статуса провайдера образовательных услуг. Официально-деловой характер отношений адресата и адресанта подчеркивается и регулярным употреблением атрибутивной группы “имеющий документ / об образовании; без “троек” и т.д.

Возникновение в большинстве Вузов дополнительного коммерческого набора привело к появлению в структуре терминотехники “Образование” громоздких построений со сложной структурой связей внутри специального словосочетания (ТСС):

*абитуриенты, поступающие
на места
дополнительные
договорные;*

*лица, обучающиеся
на основе
компенсационной
по договору*

Высокая частотность употребления данных построений и отсутствие варьирования позволяют считать их цельными специальными единицами, а не свободными словосочетаниями. В ЯСЦ для них существует эквивалент “договорники”, в текстах рекламного жанра практически не использующийся - возможно, в силу слишком высокой “прозрачности”.

Другие отмеченные контекстные замены: “выпускники школ”, “юноши и девушки”, “претенденты” - обозначение, предпочтительное в ряде престижных коммерческих Вузов экономического профиля. Интерес в плане распрямления характера будущего взаимодействия вызывают два термина:

- “учащиеся, успешно сдавшие конкурсные экзамены”. Термин фактически является эквивалентом единицы “студент-первокурсник”. Тем не менее, ему отдается предпочтение, несмотря на значительный объем ТСС. Данное явное предпочтение можно объяснить либо большим разрывом во времени между приемными экзаменами и зачислением, либо высокой дистантностью адресанта.

- “слушатели курсов” - термин дает представление о стратегии дальнейшей коммуникации по типу “субъект-объект”.

Отсутствие аналогов обозначения ‘individual’/in close contact with some staff/valid не позволяет прогнозировать стратегию планируемой коммуникации по типу “субъект-субъект”; хотя в ряде случаев удалось выделить текстовой лексический ряд “взаимодействие на личностном уровне”, а именно:

“...постоянную индивидуальную работу со студентами-заочниками обеспечивает деканат в составе декана и методистов”(Справ.для пост..., 1998), в приведенном отрывке нарушены как минимум два коммуникативных постулата: а) истинности - “постоянная индивидуальная работа с заочниками”;

б) соответствие формы и содержания (взаимодействие характера ‘individual/individual’ представлено в форме правового взаимодействия двух юридических лиц: “обеспечивает”, “в составе...”.)

В целом, обозначение адресата в русскоязычных текстах либо отсутствует, либо носит характер неопределенно-обобщенного множества. Аналогичная картина складывается и с наименованием адресанта. Агент действия “предоставление образовательных услуг” чаще всего подразумевается, но формально не обозначен: “... в институте осуществляется подготовка; в академии предоставлены курсы; в колледже практикуется...”. В подавляющем большинстве Вузов наименование профессорско-преподавательского состава обеспечено по метонимическому переносу трех видов:

1. Название учреждения - наименование лиц, в нем работающих (*Гуманитарный Вуз осуществляет подготовку...; Машиностроительный колледж готовит специалистов...; Екатеринбургский торгово-экономический колледж поможет Вам достичь своих целей...*);

2. Одно из структурных подразделений Вуза - лица, работающие в нем (тип переноса - “одно в другом”: *...факультет дает знание, ...кафедры предоставляют образовательные услуги*;

3. Курсы, учебный план - преподаватели, читающие курсы и реализующие учебный план (тип переноса - “одно через/посредством другого”): “...слушатели, выполнившие все требования учебного плана/курса...”.

В данных примерах мы умеем смещенное указание как частный случай смещенной (метонимической) референции, когда указываемый объект не совпадает с референтом действительного выражения, который имеется в виду. Поскольку адресант имеет прямое наименование наряду со смещенной референцией

в одних и тех же контекстах, логично предположить, что данная метонимическая замена является своеобразным средством формирования ценностных приоритетных акцентов в прогнозируемой коммуникации:

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ
СОСТАВ, это _____

часть университета как
образовательного института

посредством которого осуществляется
учебный план (читаются курсы)
ВАЖНО

и это

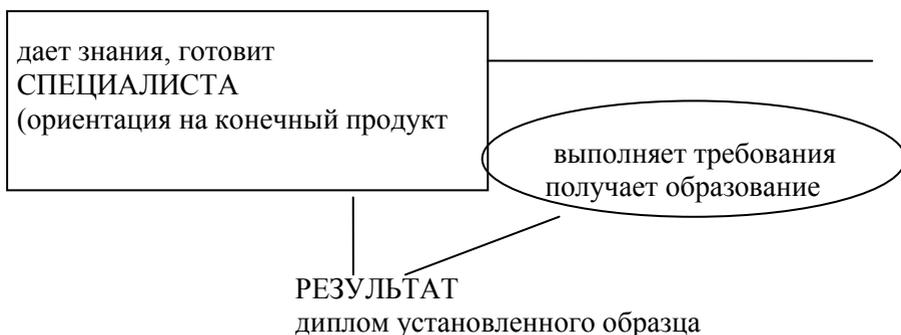
Форма прямого обозначения адресанта/адресата “МЫ”, “ВЫ” не характерна для русскоязычных текстов. Контактная форма “МЫ поможем ВАМ” присуща прежде всего частным колледжам и университетам, осуществляющим коммерческий набор на престижные специальности, а также профтехучилищам, занятым подготовкой специалистов по профилю “человек-техника” с низким конкурсным набором.

Вышесказанное позволяет сделать предварительный вывод о том, что уровень экспликации адресата/адресанта дейксисом имеет прямую связь с модально-коммуникативным аспектом исследуемых текстов. Чем четче обозначение (т-элементы, дейктические местоимения), тем выше степень личной заинтересованности адресанта в установлении контакта и оказании определенного прогнозируемого воздействия на предполагаемого пользователя образовательных услуг.

Совместная деятельность адресанта/адресата в исследуемых текстах отвечает следующей вполне регулярной схеме:

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ
СОСТАВ

студент

На уровне формирования общего представления об адресанте лицам, предоставляющим образовательные услуги, дается краткая оценка, выраженная посредством препозитивных атрибутов широкой семантики.

В английском языке, представляется возможным выделить следующие аспекты оценки:

1. Уровень профессиональной подготовки преподавательского состава ('outstanding', 'highly qualified', 'leading', 'talented', 'top-notch');

2. Осознание себя неотъемлемой частью колледжа /'personal involvement in the college: 'dedicated', 'strongly motivated', 'committed in an extraordinary way', 'personally involved';

3. Уровень контактности/готовности к коммуникации: 'highly approachable', 'easy to contact', 'helpful', 'interested'.

Оценка, как видим, в ряде случаев сопровождается интенсификатором, т.к. в процессе сигнификации эмоциональное значение быстрее "схватывается" - до осознания логико-предметного значения осознается его эмоциональный смысл (Шаховский, 1987:50). Оценка может быть как вербализованной, так и имплицитной - различного рода указания на число научных работ, характера личных связей преподавательского состава с производственной сферой и т.д.

В русскоязычных текстах возможно выделить два четко обозначенных объекта оценки:

1. Уровень профессиональной подготовки. Оценка выражена в преимущественном большинстве случаев качественным прилагательным “высококвалифицированный” (вариант - “высококласный”, “имеющий высшую квалификационную категорию). Примеры имплицированной высокой оценки: “*московские/столичные, европейские преподаватели.*”

2. Наличие опыта (стажа): “*опытные кадры*”, “*заслуженные учителя*”, “*персонал с большим опытом учебно-воспитательной работы*” и пр.

Представляется затруднительным выделить аналоги объектов /2,3/ англоязычных текстов как отдельные категории оценки: “*неравнодушный*”, “*увлеченный*”, “*заинтересованный*” встречаются, но имеют нерегулярный характер.

Формирование суждений в англоязычных текстах обеспечивается так называемыми “*текстами в тексте*” /staff/student/alumni testimonial evidences, - личными оценочными суждениями участников профессионального взаимодействия. (Следует отметить, что данный прием характерен в целом для текстов рекламного жанра). ‘Testimonial evidences’ имеют, как правило, объем сверхфразового единства и содержат суждения об уровне обучения и его качестве; + различного рода суждения об *этом* учебном заведении. Если высказывание идет от лица выпускников, обычно указывается должность, занимаемая им в настоящее время, его национальность. Инклюзивный текст снабжен фотографией автора. Если высказывание идет от лица представителя администрации или преподавательского состава, указывается ученая степень и занимаемая должность, контактные телефоны/факс; содержание может включать изложение стратегии прогнозируемого взаимодействия (‘mission’); текст также снабжен фотографией автора.

Уровень презентации персон в русскоязычном тексте зависит от его адресованности: “внешней” - предполагаемым пользователям либо “внутренней” - тексты интрапрофессионального характера. Интересно отметить, что “инклюзивные” оценочные суждения “физических лиц” в интерпрофессиональных текстах практически отсутствуют. В текстах второй группы, как правило, содержатся оценочные суждения административного состава. Их

содержание приблизительно соответствует англоязычным аналогам (но *интерпрофессионального* характера). В силу того, что коммуникативно-прагматическая стратегия текста предполагает прежде всего обмен опытом и лишь во вторую очередь обеспечение своеобразной “внутренней” рекламы, в объем инклюзивных текстов может быть включена любая информация, релевантная в рамках обсуждаемой проблемы. Оценочные суждения АДРЕСАТА практически отсутствуют либо носят опосредованный характер (ответы на вопросы интервью, результаты анкетирования и пр.).

“Персональная презентация” коммуникантов как в английских, так и русскоязычных текстах дублируется материальным контекстом (фото). Его значение трудно переоценить, поскольку позиция адресанта (дружелюбие, открытость, готовность к контакту) “задает” тональность совокупного множества прогнозируемых речевых актов. Помимо этого, так называемая пиктограмма способна передать множество неявных индивидуальных смыслов, обеспечивающих повышение статуса адресанта “в глазах” адресата. Засчет этого обеспечивается большая достоверность всей информативной стороны текста, который приобретает характер мета-суждения, релевантного для собеседника.

Адекватное представление адресата/адресанта способно не только обеспечивать текстовую когезию, но и влиять на количественные и качественные показатели прогнозируемых речевых актов в рамках профессионального взаимодействия. Экспликация участников речевых актов может считаться достаточной для того, чтобы определить общую информационную программу текста как прагматическую лишь в случае регулярных обозначений коммуникантов терминологическими средствами (профессиональные и должностные обозначения лиц, занятых в области образования) и в случае наличия всех трех уровней экспликации, указанных в статье. Анализ проспектов-каталогов образовательных услуг свидетельствует о наличии реализации авторской программы восприятия текста адресатом (моделью адресата) лишь в англоязычных аналогах; в русскоязычных аналогах отмечено преобладание рациональной информационной программы, отражающей превалирующую связь ТЕКСТ-ДЕНОТАТ.

Список литературы:

1. Борисова Е.Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // *Вопр. Языкознания*. 1990. № 2. С.113-121.
2. Габровский Н.. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М: Изд-во МГУ, 1988. 142 с.
3. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: УрГУ, 1990. 170 с.
4. Новое в зарубежной лингвистике / Вып.ХVI. Лингвистическая прагматика / Под ред Е.В. Падучевой. М: Прогресс, 1985. 500 с.
5. Шаховский В.М. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // *Вопросы языкознания*. 1987. № 5. С.47-59.
6. Справочник для поступающих в высшие и средние профессиональные учебные заведения Свердловской области. Екатеринбург, 1998. 76 с.
7. Ashland University Prospectus / Ohio. 1999/00.
8. Canson-Newman College Prospectus/ Tennessee.1999/00.
9. Tarleton State University Prospectus/ Texas. 1999/00.

© Макеева С.О., 2003

Павлова Н.С. Терминологическая лексика юридической тематики в произведениях Ф. Кафки, П. Вайса, Б. Шлинка: проблемы перевода

Целью данной статьи является описание некоторых проблем, возникающих в процессе перевода инновативных художественных текстов. Материалом для исследования послужили роман Ф. Кафки «Процесс», драма П. Вайса «Расследование» и роман Б. Шлинка «Чтец». Главная особенность указанных произведений заключается в нестандартном лексическом наполнении их текстов. Тематика, а также, не в последнюю очередь, юридическое образование авторов всех произведений обуславливают проникновение в них терминологической юридической лексики. Таким образом, в центре внимания – проблемы перевода художественного текста, обусловленные терминологическими вкраплениями.

В лингвистике текст традиционно понимается как основа любой коммуникации. При этом реципиент связывает с каждым конкретным текстом в зависимости от цели процесса коммуникации определенные ожидания. Так, при чтении художественного текста читатель «настраивается» на эстетическое восприятие.

В немецкой литературе существует, однако, ряд произведений, которые по праву можно назвать инновативными, или ненормативными. Исследованные нами художественные произведения относятся к этой группе, так как:

1. они выполняют не только эстетическую функцию, но и историческую (все произведения исторически значимые – драма П. Вайса представляет собой описание реального исторического факта, роман Ф. Кафки считается одним из самых биографичных его произведений и, наконец, сюжет романа Б. Шлинка «Чтец» представляет собой описание типичного для Германии 50-х годов XX века судебного процесса);

2. нетрадиционно их стилистическое наполнение (терминологическая лексика – элемент научного стиля);

3. они рассчитаны на подготовленного читателя (обладающего знаниями в области юриспруденции).

Основная сложность при переводе таких произведений заключается в том, что переводчик должен одновременно стремиться к сохранению их эстетической направленности и адекватно и понятно для читателя, не владеющего понятийным аппаратом в области правоведения, представить терминологический материал.

В немецкой лингвистике существует огромное количество классификаций текстов. Разные исследователи выделяют следующие типы текстов: по функции – информативные, экспрессивные, оперативные (К. Райс), в зависимости от содержания – эстетические, религиозные, этнографические, лингвистические (Р. Юмпельг), прагматические и литературные (О. Каде), фиктивные и научные (объективные) (В. Коллер). Классификация В. Коллера является по нашему мнению наиболее логичной и понятной, т.к. предлагаемые им критерии наиболее полно характеризуют художественный текст. В основе классификации В. Коллера лежат критерии фикциональности (*Kriterium der Fiktionalitat*), эстетичности (*Kriterium der Asthetizitat*), критерий

практический результативности (социальной санкции) (Kriterium der sozialen Sanktion bzw. praktischen Folgen) [1].

Нельзя не заметить, что художественному тексту в любой классификации уделяется большое внимание. В качестве основных особенностей художественного текста, отличающих его от всех других, лингвисты выделяют следующие признаки:

1. эстетическая направленность (читатель настраивается на эстетическое восприятие) [1, 281];
2. «многозначность» (существует столько же вариантов интерпретации художественного текста, сколько читателей) [1, 121];
3. поэтическая функция языка художественного текста [2, 535];
4. особые интертекстуальные, социокультурные связи художественного текста с другими произведениями, с исторической эпохой и т.д. [1, 289].

Именно сочетанием всех этих черт обусловлены сложности, с которыми сталкивается переводчик при работе с художественным произведением. Так как в любом литературном произведении содержание и форма неотделимы друг от друга, качество художественного (литературного) перевода определяется тем, в какой степени удалось переводчику передать средствами языка перевода выразительность, содержательную сторону, национальный характер произведения-оригинала.

Итак, художественный текст – это необычайно сложное явление. «Многоуровневость» художественного произведения не может не сказаться на его восприятии. Сложность восприятия такого текста, с одной стороны, связана с тем, что литературный язык здесь реализует все возможности национального языка. Художественное произведение выступает как место, где функции языка реализуются в полном объеме. С другой стороны, литературный текст «непредсказуем» в плане содержания, в основе его может лежать как объяснение математической формулы, так и описание реальных или вымышленных автором географических объектов. Нам также важно подчеркнуть, что зачастую содержание литературного произведения обусловлено знаниями, которыми обладает его автор, причем нередко это могут быть профессиональные знания, которыми среднестатистический чита-

тель не владеет. С одной стороны, это неизбежно ведет к затруднениям в процессе прочтения такого произведения (выше говорилось о том, что традиционно читатель художественного текста настраивается на эстетическое восприятие), т.к. специальные термины и понятия как элементы научной коммуникации остаются непонятными. С другой стороны, вкрапления в ткань художественного произведения элементов научного стиля может рассматриваться как особенность индивидуального стиля автора. Таким образом, терминологическая лексика как элемент научной коммуникации выполняет в художественных произведениях не рациональную функцию, а скорее, эстетическую.

Безусловно, граница, разделяющая художественные и нехудожественные (по терминологии Коллера, научные) тексты, весьма зыбкая. Чаще всего отнесение текста к той или иной категории зависит от его интерпретации конкретным читателем, определенную роль при этом также могут играть интересы реципиента. Следуя терминологии Коллера, попробуем объяснить это следующим образом: литературный текст часто воспринимается читателем не как фиктивный, а как научный «если читатель, например являющийся географом или социологом, интересуется соответственно географическими объектами в древних литературных произведениях или описанием общественных отношений в старых романах» [1, 273]. Известно, что очень часто именно художественные произведения являются материалом для разного рода научных исследований. Таким образом, отнесение текста к группе художественных или нехудожественных текстов зачастую зависит от самого читателя, точнее, от предшествующего восприятию текста ожидания получения конкретной информации (другими словами от того, в чем заинтересован читатель при прочтении того или иного произведения).

Попробуем проиллюстрировать разницу в восприятии одного и того же отрывка текста на примере из романа Б. Шлинка «Чтец».

Nach der Verlesung der Anklage meldete sie sich, weil etwas nicht stimme; der Vorsitzende Richter wies sie irritiert zurecht, vor Eröffnung des Hauptverfahrens habe sie die Anklage lange genug studieren und ihre Einwendungen erheben können, jetzt sei man in

der Hauptverhandlung, und was an der Anklage stimme und nicht stimme, werde die Beweisaufnahme zeigen [6, 104].

После оглашения обвинения она попробовала заявить, что кое-что указано неверно, но судья-председатель раздраженно прервал ее, сказав, что перед началом процесса у нее было достаточно времени для изучения материалов дела и заявления протестов, а сейчас она находится на судебном заседании, и теперь следствие будет разбираться в том, что верно в обвинении, а что неверно [перевод автора].

При чтении подобных отрывков мы, как правило, не интересуемся тем, верно ли описан этот момент судебного заседания с точки зрения германского уголовно-процессуального законодательства. В таких случаях читатель чаще обращает внимание не на конкретную информацию, а на способ ее презентации (формальное выражение), т.е. здесь имеет место *эстетическое восприятие* текста. Однако если бы читателя интересовали особенности уголовного процесса в послевоенной Германии, его действия были бы направлены на изучение и анализ понятий из области права, которые встретились в приведенном фрагменте.

Важно отметить также еще одну особенность литературных текстов – их социокультурную обусловленность. Социокультурные значения специфичны для определенного культурного сообщества, страны, социальной группы и т.п., автор литературного произведения предполагает их знание читателем-носителем языка. Однако если произведение читает не носитель данного языка, у него могут возникнуть определенные трудности в понимании содержания произведения. Именно поэтому при работе с художественным произведением переводчик должен уделять внимание тому, насколько понятно неносителям языка его изложение текста-оригинала.

Так как в литературном тексте важную роль играет языковое наполнение (форма), перевод такого текста часто рассматривают как формально обусловленный перевод. Однако это совсем не значит, что содержательной стороне литературного произведения в процессе его перевода должно уделяться меньше внимания. Адекватное изложение переводчиком содержания художественного текста затрудняется именно тем, что форма произведения должна рассматриваться как важная составляющая

содержательной стороны. Таким образом, форма и содержание в художественном тексте (а, следовательно, и в художественном переводе) должны быть неразрывно связаны.

В процессе художественного перевода очень важно обращать внимание на формально-эстетическую эквивалентность произведения-оригинала и произведения-перевода. Суть формально-эстетической эквивалентности заключается в адекватном воспроизведении с помощью художественных средства языка-перевода формальной стороны текста-оригинала с учетом его эстетических качеств. В центре внимания переводчика при таком подходе к литературному произведению – художественные принципы, которыми руководствовался автор произведения. Лексика, синтаксис, стиль текста перевода должен оказывать такое же эстетическое воздействие на читателя, как и оригинал. Переводчик должен стремиться, таким образом, к аналогии воздействия через аналогию изображения.

Безусловно, формально-эстетические характеристики свойственны не только художественным произведениям. Однако именно в таких текстах они приобретают конститутивное значение, и потеря их в переводе означает утрату художественности вообще.

В качестве формально-эстетических компонентов художественных произведений рассматриваются традиционно их ритмические характеристики, выразительные средства и т.п. Однако в исследованных нами произведениях в качестве такого компонента выступает терминологическая лексика. В формальном плане – это инновативный стилистический элемент, употребление которого обусловлено тематикой произведений и уровнем владения специальными знаниями авторами произведений. Употребление терминологической лексики еще раз доказывает, что в тексте художественного произведения могут быть реализованы все возможности национального литературного языка.

При переводе подобных ненормативных литературных текстов переводчик должен решить, в какой мере ему необходимо воспроизводить в тексте перевода указанную стилистическую особенность, значительно усложняющую восприятие данного текста. Необходимо также помнить, что текст перевода должен

оказать на читателя такое же эстетическое воздействие, как и текст оригинала.

Вообще восприятию художественного текста в лингвистике уделяется большое значение. Успех восприятия, а значит, понимание художественного произведения зависит, в том числе, от социальной принадлежности читателя, от его индивидуальных знаний, уровня образованности, уровня владения языком и т.д. Восприятие текста перевода усложняется в значительной степени тем, что этот текст существует в отличие от текста оригинала в другом языковом контексте, в другом текстовом пространстве. Ситуация, в которой воспринимается переведенное произведение, отличается от ситуации, в которой существовало и воспринималось произведение, написанное на языке оригинала. В переводе утрачиваются ассоциации, которые мог вызвать текст оригинала, значения, понятные носителям языка оригинала из повседневной практики и т.д. Поэтому зачастую при переводе художественного произведения переводчик эксплицитно добавляет утраченную информацию, прибегает к комментированию, другими словами – пытается восполнить дефицит знаний читателей текста перевода.

Основная сложность перевода художественного текста с терминологическими вкраплениями состоит в том, что перевод практически всех терминологических единиц требует от переводчика специальных знаний в области юстиции, а тип текста, в котором они встречаются, требует креативности.

В исследованных нами произведениях может быть выделена группа слов и выражений, относящихся к специальному языку юриспруденции. Такие единицы рассматривались нами прежде всего как инновативные стилистические элементы, придающие эстетическое своеобразие названным литературным произведениям. Так драме П. Вайса «Расследование» юридические термины и выражения придают краткость и четкость протокольной речи, роману Ф. Кафки «Процесс» - метафоричность языка, роман Б. Шлинка, представляющий собой повествование от лица юриста, также выглядит достовернее благодаря многочисленным элементам специального юридического языка.

В процессе анализа названных литературных произведений нами было выявлено 230 слов и выражений юридической

тематики. Примерно половину из них без сомнения можно отнести к специальным юридическим терминам, например Angeklagte (обвиняемый), Urteil (приговор), Verbrechen (преступление), Gericht (суд), Kaufrecht (коммерческое право) и т.д. Все эти слова четко дефинированы в соответствующих научных источниках и являются элементами соответствующей системы юридических понятий.

Все остальные слова и выражения не относятся к классу терминов, но употребляются в языке специального юридического общения. Приведем следующие примеры: Gerichtsbank (скамья подсудимых), vor Gericht stehen (предстать перед судом), Hereinführung der Angeklagten (введение в зал обвиняемых) и т.п.

Весь терминологический материал, извлеченный из названных литературных произведений, можно разделить на группы, релевантные для переводчика:

1. слова, обозначающие денотаты, которые существуют в обоих языках (языке оригинала и языке перевода) и соответствуют друг другу (das Starfrecht – уголовное право, der Richter – судья);

2. элементы устного и письменного общения в суде (обращения: Herr Zeuge, Frau Zeugin; Herr Präsident, Hohes Gericht, Herr Vorsitzender; клише: j-n als Zeuge aufrufen, den Antrag stellen/ablehnen, das Urteil vollstrecken, Eingabe einbringen);

3. «ложные друзья переводчика» (die Robe - мантия, der Präsident – председатель);

4. терминологическая лексика с ярко выраженной национальной спецификой (денотат не известен (или малоизвестен) носителям языка: das Schwurgericht – суд присяжных, der KZ-Prozess – процесс по делу о концентрационных лагерях).

Не всегда элементы специального языка требуют от читателя (переводчика) художественных произведений определенных специальных знаний. Так, чтобы объяснить значения общеизвестных слов Gericht, Richter, Zeuge достаточно повседневных знаний. Гораздо важнее для переводчика суметь адекватно перевести одно и то же слово, встречающееся в разных контекстах, сохраняя при этом его эстетическое воздействие. Проиллюстрируем это следующими примерами из текста:

K. zwang sich auch zu antworten, dachte aber hauptsächlich daran, dass es am besten sein werde, Sonntag um neun Uhr vormittags hinzukommen, da zu dieser stunde an Werktagen alle *Gerichte* zu arbeiten anfangen [3, 29].

K. заставил себя ответить, но думал он в это время главным образом о том, что лучше всего будет в воскресенье пойти по вызову к девяти утра, так как по будням все *судебные учреждения* начинают работать именно в это время [4].

Schließlich stieg er doch die Treppe hinauf und spielte in Gedanken mit einer Erinnerung an den Ausspruch des Wächters Willem, dass das *Gericht* von der Schuld angezogen werde, woraus eigentlich folgte, dass das Untersuchungszimmer an der Treppe liegen musste, die K. zufällig wählte [3, 31].

Наконец он все же поднялся по лестнице, мысленно повторяя выражение Виллема, одного из стражей, что вина сама притягивает к себе *правосудие*, из чего, собственно говоря, вытекало, что кабинет следователя должен находиться именно на той лестнице, куда случайно поднялся К [4].

В первом случае перевод слова *Gericht* не требует какой-либо конкретизации. В романе не уточняется, о каком именно суде идет речь, какова компетенция этого органа и к судам какой инстанции он относится. Поэтому переводчик позволил себе использовать обобщающее словосочетание «судебное учреждение». Во втором случае суд понимается как метафора власти вообще, соответственно «*Gericht*» переводится как «правосудие».

Однако в большинстве случаев переводчику все-таки необходима специальная информация. Приведем пример из драмы П.Вайса «Расследование».

Richter

Angeklagter Boger

Wollen Sie noch etwas sagen*

Angeklagter 2

Nein danke

Richter

Frau Zeugin

Woher stammte diese Lili Tofler [6, 104]

*Отсутствие знаков препинания соответствует оригиналу.

Судья Обвиняемый Богер
Хотите что-нибудь сказать

Второй обвиняемый Нет спасибо

Судья Госпожа свидетельница
Откуда была эта Лили Тофлер

Используемые в этом отрывке обращения, на первый взгляд, не представляют собой большой трудности для переводчика. Сразу бросается в глаза отличие в способе обращения к обвиняемому – Angeklagter Boger – и к свидетельнице – Frau Zeugin. Внимательный переводчик сразу отметит наличие в первом абзаце выражения отношения автора ко всем перечисленным в произведении обвиняемым. Ведь в соответствии с нормой немецких процессуальных обращений к обвиняемому применимо обращение Herr (господин), Frau (госпожа)*. Отсутствие этих слов в тексте драмы П. Вайса, вероятно, выражает его негативное отношение к обвиняемым. При переводе на русский данная негативная оценка теряется, т.к. строгое обращение «Подсудимый (обвиняемый)» - обычный способ называния этого участника процесса на русском языке. Таким образом, выражение негативного отношения автора к этому лицу можно компенсировать с помощью подчеркнуто вежливого обращения к свидетельнице. По нашему мнению, возможны следующие варианты перевода:

Судья Госпожа свидетельница ответьте
пожалуйста

Откуда была эта Лили Тофлер

Или:
Судья Госпожа свидетельница знаете ли
Вы/известно ли Вам
Откуда была эта Лили Тофлер

*Интересно заметить, что, несмотря на презумпцию невиновности и в германском, и в российском уголовном законодательстве, в немецкой речи в отличие от русской коммуникативной практики, она формально выражена в вежливом обращении к подсудимому.

Слова «пожалуйста», «знаете ли Вы» не свойственны холодной и точной протокольной речи драмы П. Вайса, поэтому они, безусловно, подчеркнут различие в отношении автора (а может, и судьи) к участникам процесса и могут рассматриваться как лексическая компенсация.

Приведем еще один пример из этого же произведения. Трудность перевода следующего фрагмента заключается в клише, свойственном любому специальному языку.

Verteidiger Wir protestieren auf das Dringlichste
gegen diese Angriffe auf unseren Mandanten
Pauschale Beschuldigungen
sind ohne jegliche Bedeutung
Zur Behandlung stehen nur
klar bewiesene Fälle von Täterschaft
und Mittäterschaft
im Zusammenhang mit Mordvorwürfen
Jeder auch nur leiseste Zweifel
muß zugunsten des Angeklagten ausschlagen

Адвокат Мы настойчиво протестуем
Против подобных нападков на нашего подзащитного
Обвинения общего характера
Не могут повлиять на ход процесса
Рассмотрению подлежат исключительно
Доказанные факты участия и соучастия в преступлении
А также обвинение в убийстве
Любое даже самое незначительное сомнение
Должно разрешаться в пользу обвиняемого.

Само восприятие подобных клишированных текстов требует от реципиента подготовки. Переводчику в подобных случаях определенную помощь мог бы оказать опыт участия в судебных процессах (в том числе простое присутствие), а также видео-аудиозаписи хода судебных разбирательств.

Самые большие трудности вызывают у переводчика элементы, принадлежащие, по нашей классификации, к двум последним группам – «ложные друзья переводчика» и обозначения реалий. Такие слова, как Robe, Präsident, Strafe, Klient требуют от

переводчика не меньшего внимания, чем все остальные термины. Ведь несмотря на полное формальное сходство немецкое слово «Strafe» не эквивалентно по значению русскому «штраф», точно так же как немецкое «Klient» отличается по смыслу от русского «клиент». Приведем следующие примеры:

Das Gericht, drei Richter in schwarzen *Roben* [meine Hervorhebung] und sechs Schöffen, saß an der Stirn des Saals, und rechts war die Bank der Angeklagten und Verteidiger, wegen der grossen Zahl mit Tischen und Stühlen bis in die Mitte des Saals vor die Reihen des Publikums verlängert [5, 91].

Суд – три судьи в черных *мантях* и шесть заседателей – сидел во главе зала, справа стояла скамья подсудимых, рядом с которой сидело так много адвокатов, что их столы и стулья были вытянуты до середины зала, и заканчивались прямо перед рядами присутствующих [перевод автора].

Или:

Angeklagter 17 Herr *Präsident*
Dienstschluß war bei uns um 18 Uhr
Ich bin nie nach 18 Uhr im Lager gewesen [6, 170].

17-ый обвиняемый Господин *председатель*
Мы заканчивали службу в 18 часов
После 18 часов меня никогда не было в лагере
[перевод автора]

Немецкие реалии в области юстиции выделены нами в особую группу. Вообще перевод любых реалий требует большой основательной работы по сбору информации, тем более, если эти реалии из такой специфической сферы, как юриспруденция. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент из романа Б. Шлинка:

Es war nicht der erste KZ-Prozess und keiner der grossen [6, 186].

Это был далеко не первый и не самый громкий процесс по делу о концлагерях [перевод автора].

Существительное «KZ-Prozess» - яркий пример обозначения исторической реалии. Слово состоит из двух частей: KZ – аббревиатура, обозначающая «концентрационный лагерь» и Prozess – судебный процесс. Данное слово, бесспорно, требует объяснения, так как в русском языке не существует подобного сокращения. Скорее всего, переводчику необходимо прибегнуть к описанию в сноске или приложении к переводу романа. Оно может выглядеть так:

Процессы по делу о концентрационных лагерях – судебные процессы, имевшие место в Германии в 1950-1960 годы, рассматривавшие преступления, совершенные в концентрационных лагерях фашистской Германии (Освенцим, Бухенвальд).

Концентрационные лагеря (концлагеря) – лагеря, строившиеся некоторыми странами в 20 веке прежде всего для политических и военных заключенных. Особый размах их организация получила в Советском Союзе в годы правления И.Сталина (1920-1930), а также в фашистской Германии и на оккупированных ею территориях в годы второй мировой войны.

Обозначения реалий встречаются и в драме П. Вайса. А вот роман Ф. Кафки не содержит подобных лексических единиц. Объясняется это, прежде всего, тем, что в отличие от П. Вайса и Б. Шлинка, Ф. Кафка описывал вымышленный, мифический процесс, смысл которого остался неясен даже протагонисту.

Терминологическая лексика в каждом произведении требует особого подхода, который обусловлен особенностями содержания и формы произведения.

Так, при переводе драмы П. Вайса полезно было бы изучить протоколы судебных заседаний, как на русском, так и на немецком языке.

При переводе терминологической лексики в романе Ф. Кафки важно образно передать отношение автора к власти во всех ее проявлениях. В этом случае иногда можно пренебречь точностью перевода терминов и сосредоточить внимание на эстетическом воздействии этих стилистических элементов на читателя.

Множество обозначений реалий в романе Б. Шлинка требует от переводчика глубокой работы по сбору и сравнению информации о немецких и русских юридических реалиях.

Основная проблема при переводе таких произведений заключается в том, что не существует универсальной стратегии перевода терминологической лексики юридической тематики. Каждый текст, более того, каждый конкретный пример требует отдельного внимания переводчика и почти всегда его специальных юридических знаний.

Таким образом, адекватный перевод художественного произведения, которое традиционно не относят к категории специальных текстов, зачастую требует от переводчика не только знания иностранного языка, но и владения научным понятийным аппаратом (в нашем случае – юриспруденции), а также умения ясно подать переводимый терминологический материал неподготовленному в этой специальной области читателю.

Список литературы:

1. Koller, Werner: Einführung in die Übersetzungswissenschaft, Wiesbaden 1997.
2. Metzler-Lexikon Sprache. Hg. von Helmut Glück, Stuttgart/Weimar 2000.
3. Kafka, Franz: Der Prozess, Frankfurt am Main 1958.
4. Кафка Ф. Процесс. Перевод с немецкого Р. Райт-Ковалевой:
http://www.geocities.com/xstatic_ua/bookz/kafka/process.html
5. Schlink, Bernhard: Der Vorleser, Zürich 1997.
6. Weiss, Peter: Die Ermittlung, Frankfurt am Main 1991.

© Павлова Н.С., 2003

Поваляева Ю.В. Структурная организация парцеллированных конструкций

Несмотря на большое количество работ, посвященных проблеме парцелляции, единого подхода к изучению этого явления до настоящего времени еще не выработано.

Настоящая статья посвящена анализу структурной организации парцеллированных конструкций, в которых парцелли-

рующее членение проходит по линии сочинительной или подчинительной связи слов внутри простого предложения в сопоставительном аспекте – в русском и французском языках.

В основу представленной классификации были положены признаки, выделенные Сербиной Т.Г., а также наблюдения, описанные в работах Ступаковой Л.И., Ванникова Ю.В., Скоробогатовой Е.А., Рыбаковой Г.Н. и некоторых других авторов. Отсутствие их единого понимания или порой перечислительный характер продиктовали детальный анализ литературы по данному вопросу и использование результатов анализа собственного материала.

Итак, нами были выделены четыре признака, характеризующие структурные особенности парцеллята: степень удаленности парцеллята; позиционный признак (по отношению к основной части); распространенность/нераспространенность парцеллята; количество парцеллятов в пределах одной конструкции.

Вопрос о степени удаленности парцеллята решается в работах, посвященных исследованию парцелляции, по-разному (Рыжикова Л.Н., 1978, 7; Ступакова Л.И., 1975, 13; Сербина Т.Г., 1988, 48-49). Лингвистами выделяется, как правило, две позиции: контактная и дистантная. При этом остаются необъясненными позиции парцеллятов, отделенные от основной части другими предложениями, а также позиция парцеллята, вынесенного в следующий абзац. Также под понятие «контактный парцеллят» подводятся случаи парцеллированных конструкций, в которых нет непосредственного контакта парцеллята с подчиняющим его членом. Эта путаница связана, на наш взгляд, с отождествлением «позиция по отношению к подчиняющему слову=позиция по отношению к основной части в целом». Более того, не учитывается возможность расположения парцеллята в препозиции. Отсюда вытекает необходимость уточнения формулировки описываемых особенностей и, как следствие, выделения двух групп парцеллятов, которые можно охарактеризовать по степени удаленности парцеллята от подчиняющего его слова (1,2) и по степени его удаленности от основной части (3,4):

1) *контактное расположение*, подразумевающее непосредственное следование

парцеллята за словом, от которого он зависит синтаксически, или предшествование ему:

- Во втором сете Матье стену ломает. Напрочь. (Коммерсантъ, 8.10.2002)

- Sébastien Piocelle est de tous les travaux. Herculéens. (Le Figaro, 16.05.1999)

2) *дистантное расположение*, предполагающее дистантное расположение парцеллята по отношению к главному члену:

- Энергетику реформируют в субботу. Или не реформируют. (Известия, 18.05.2001)

- Ils peuvent peut-être toucher son voisin. Mais indirectement. (Le Figaro, 16.05.1999)

3) *дистанцированное расположение*¹, характерная для парцеллятов, отделенных от основной части и господствующего члена другим(и) предложением(ями):

- А Леночка потом замуж вышла. Помнишь? *За твоего лучшего друга.* (Труд, 30.04.2002-7.0.5.2002)

- En existe-t-il d'autres? *Une intervention militaire classique du type «Tempête du désert»? Inadaptée et coûteuse?* Après tout, les réseaux de ben Laden sont dispersés et pas vraiment nombreux. Cinq mille hommes ne font pas une armée. *Une attaque commando à la manière israélienne?* (le Figaro, 22-23.08.1998)

4) *абзацная*, означающая вынесение парцеллята в новый абзац²:

- Планировалось акционировать топливно-заправочный комплекс, приносящий аэропорту доход в два миллиона долларов в год, и отдать его в частные руки.

Без каких-либо гарантий. (АиФ, №18-19, май 2002)

- Toute son œuvre s'est construite contre l'horreur, l'absurdité, la dangerosité, la monstruosité du nazisme.

Et contre tous les arbitraires et toutes les sottises. (Libération, 26.05.1998)

¹ Данное название предложено нами.

² Эта характеристика парцеллята была впервые описана в работе Сербиной Т.Г., 1988, с.49

Изучая структуру парцеллированных конструкций, исследователи, как правило, фиксируют постпозицию парцеллята по отношению к основной части. Наличие следующих примеров:

(1) *Une marque attendue... Sédan résonne toujours d'un faste passé, des éclats des footballeurs ouvriers.* (Le Figaro, 16.05.1999)

(2) *Un pays riche avec le pétrole, le gaz, le phosphate. L'Algérie a besoin de paix.* (Le Figaro, 1.10.2002)

доказывает возможность размещения парцеллята как в постпозиции (примеры 1, 2), так и в препозиции по отношению к основной части конструкции (примеры 3, 4). Отметим, что в русском материале препозиция парцеллята не зафиксирована.

Случаи препозиции парцеллята можно сравнить с характерной для французского языка местоименной репризой в предложениях типа: *Lui, il est malade; Le train, il est arrivé*, в которых происходит перестановка темы и ремы. В конструкциях с препозитивным парцеллятом также происходит вынесение ремы вперед темы, а неопределенный артикль перед словом в парцелляте (примеры 3,4) подчеркивает, что он несет новую информацию, является ремой высказывания.

В некоторых работах отмечается, что парцеллированный элемент может быть как распространенным, так и нераспространенным (Рыжикова Л.И., 1978, 7; др.), что находит подтверждение и в нашем материале.

Как показывает проведенный нами анализ, распространенность парцеллята зависит от его лексико-грамматической принадлежности: глаголы, причастия и деепричастия могут быть распространены наречиями, существительными, местоимениями, сравнительными оборотами. Имена существительные могут распространяться всеми возможными для него способами: одиночными прилагательными, причастиями, другими существительными; адъективными и причастными оборотами, субстантивными группами. Парцеллированная часть также может быть распространена однородными, обособленными, поясняющими или уточняющими членами.

Сопоставительный анализ степени распространенности парцеллированной части убеждает, что по этому параметру изу-

чаемые языки проявляют сходство: чаще всего парцеллированная часть имеет синтаксическое расширение, распространение другими членами предложения. Довольно редкое использование нераспространенных парцеллят можно связать, на наш взгляд, с их малой информативной насыщенностью. Однако, в этом случае, разрыв синтаксической связи парцеллята с основной частью более очевиден, чем в случае распространенных парцеллят, что позволяет автору решить другую задачу – в ёмкой форме выделить «новое», т.е. рему высказывания.

В лингвистической литературе, посвященной изучению структуры парцеллированных конструкций, обычно выделяются только однозвенные и многозвенные построения. Но при подробном анализе нашего материала выяснилось, что эта группа представляет собой довольно сложное объединение с различными видами связи. Поэтому мы посчитали целесообразным выделить двухзвенные парцеллированные конструкции, являющиеся промежуточным видом между однозвенными и собственно многозвенными парцеллированными конструкциями.

Как показывает сопоставительный анализ, наибольшее распространение в языке газетной публицистики получают однозвенные структуры, характеризующиеся, с одной стороны, относительной структурной простотой и неосложненными синтаксическими связями, с другой – полной реализацией поставленной автором задачи – актуализировать информацию, которая и выносятся в парцеллят. Степень употребляемости однозвенных парцеллированных структур достаточно высока – 83% в русском и 77% во французском материале. Использование двухзвенных и многозвенных конструкций встречается реже, что объясняется осложненностью синтаксической связи и семантических отношений парцеллят с основной частью.

Сопоставительный анализ материала позволяет сделать ряд следующих выводов:

- 1) Как в русском, так и во французском материале парцеллят находится чаще всего в дистантной позиции по отношению к подчиняющему члену. Использование парцеллята в дистанцированной или абзацной позиции встречается значительно реже.

2) Наиболее типичным является расположение парцеллята после основной части, т.е. в постпозиции, но во французском материале зафиксированы также парцелляты, находящиеся в препозиции по отношению к основной части.

3) Слово в парцелляте чаще всего является распространенной другими словами, однородными, обособленными, уточняющими или поясняющими членами. В русском материале нераспространенных парцеллятов больше, чем во французском.

4) Среди французских и русских парцеллированных конструкций преобладают однозвенные, реже всего встречаются многозвенные. Французские парцеллированные конструкции несколько чаще, чем русские, имеют двухзвенную или многозвенную структуру.

Таким образом, по выделенным параметрам французские и русские парцеллированные конструкции проявляют больше структурных сходств, чем различий.

Список литературы:

1. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.; Русский язык, 1969.

2. Рыжикова Л.Н. Явление парцелляции в современной французской художественной прозе. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Киев, 1978.

3. Рыбакова Г.Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 1969.

4. Сербина Т.Г. Парцелляция как особое синтаксическое явление в языке современных газет. Дис. ... канд. фил. наук. Львов, 1988.

5. Скоробогатова Е.А. Парцелляция полипредикативного высказывания в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Харьков, 1990.

6. Ступакова Л.И. Явление парцелляции в языке современной французской прессы. Дис. ... канд. фил. наук. Киев, 1974. - 185 с.

© Поваляева Ю.В., 2003

Слезкина М.Г. К вопросу о сопоставительном изучении лексико-семантической структуры обозначений жёлтого цвета и их словообразовательных связей (на материале русского и чешского языков)

Известно, что цвет составляет важнейшую часть зрительной информации. Цветовые прилагательные появились не потому, что наш глаз способен различать оттенки спектра.

В самом феномене цвета содержится как объективное начало (свет), так и субъективное (зрение и определенные психофизиологические факторы, позволяющие различать цветовые оттенки, связывать с ними воспоминания, эмоции, образы, психические состояния и другие ассоциации). «Ощущения и эмоции, вызываемые каким-либо цветом, аналогичны ощущениям, связанным с предметом или явлением, постоянно окрашенным в данный цвет» [Алимпиева 1982: 184].

Цветовые обозначения – это не просто слова, передающие тот или иной абсолютный признак, не зависящий от оценки говорящего. Но помимо основной семы, обозначающей цвет, можно обнаружить еще и скрытую авторскую модальность, presupпозиционные и экстралингвистические сведения.

Безусловно, цветовые прилагательные сегодня – многозначные элементы индивидуальных авторских систем [Иваровская 1998: 104]. Но следует вернуться к проблеме лексико-семантических полей цвета, чтобы соотнести результат (употребление цветообозначения) с его причиной (лексическим значением цветообозначения).

Цветовые прилагательные, выступая в качестве производящих, мотивируют большое число производных слов со сходным набором аффиксов. Анализ таких лексем показывает, насколько сходство семантики мотивирующих слов и словообразовательных формантов обуславливает семантическое сходство производных, а также на каких этапах словообразовательных процессов проявляется своеобразие сопоставляемых языков.

Мы рассматриваем в сопоставительном плане лексико-семантические поля обозначений желтого цвета в русском и чешском языках и словообразовательные связи между словами,

формирующими словообразовательные гнезда. Под лексико-семантическим полем (далее ЛСП) понимается совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное сходство обозначаемых явлений. Для ЛСП обязательно постулируется наличие общего (интегрально-го) семантического признака, который обычно выражается лексемой с обобщенным значением (архилексемой) и объединяет все единицы поля, и частных (дифференциальных) признаков, от одного и более, по которым единицы поля отличаются друг от друга. Так, для ЛСП обозначений желтого цвета характерен общий семантический признак «обладающий цветом, средним между оранжевым и зелёным». Этот признак выражен лексемой с интегральным значением – *желтый* в русском языке и *hlutě* в чешском – и набором дифференциальных признаков, например, «цвета яичного желтка, золота», «majsn barvu snru, květu rampelišky, blatouchu, ohnice a pod.» и т.д.

Прилагательные желтого тона (в русском языке *жёлтый*, в чешском *hlutě*) восходят к одному этимону (общеслав. **gьltь* от индоевр. **ghel* или **gohl*), производному от той же основы, что и золото, зеленый **zolto* > *золото* (чешск. *Zlato*). Но развитие этого этимона в разных языках происходит по-разному: ср. англ., нем., фр. *gold* «золото», др.-инд. *Hbri* «бледный, жёлтый», греч. *cholos* «жёлчь» и др.). Интересным представляется изучение зависимости семантической структуры слов от словообразовательных процессов. Наиболее эксплицитно это проявляется в родственных языках, таких, например, как русский и чешский.

Выбор объекта изучения – цветовые прилагательные – обусловлен рядом причин:

- 1) древностью происхождения этого слоя лексики;
- 2) высокой активностью функционирования в каждом языке;
- 3) семантическим богатством (цветовые обозначения относятся к разряду многозначных прилагательных и способны порождать переносные и новые экспрессивно-образные значения);
- 4) высокой словообразовательной продуктивностью этого слоя лексики.

Выбор оттенка связан с малоизученностью цветообозначений желтого тона даже на материале русского языка.

А. Н. Шрамм [Шрамм 1979: 65] полагает, что цветовые наименования дают обозначения реальных статических признаков предмета, которые своим содержанием, отраженным в словесной формулировке, не раскрывают объективную структуру признака, например, *желтая краска, янтарь желтого цвета* – «имеющие окраску одного из основных цветов спектра, среднего между оранжевым и зеленым; цвета яичного желтка, золота». Особенность приведенных определений значений заключается в том, что они формируются только на основе сравнения: для раскрытия того или иного цветового признака одного предмета используется указание на другой предмет, характеризующийся данным цветовым признаком (например, цвет желтой краски, янтарь желтого цвета поясняются через цветовую характеристику яичного желтка, золота и т. д.). Указанная особенность значений находит отражение в их компонентном составе. Так, понятие слова *желтый* включает следующие компоненты: 1) «такого же цвета», 2) «как яичный желток, золото и т. д.» в русском и 1) «majsn barvu», 2) «snru, květu pampelišky, blatouchu, ohnice a pod.» в чешском языке.

Следует отметить, что в словообразовательных парадигмах ядерных лексем в русском и чешском языках (*жёлтый* и *hlutě*), на первый взгляд, наблюдается много общего, так как семантическая структура членов парадигмы (производящих лексем) сходна, формально сходен и набор аффиксов, однако более пристальный анализ позволит выявить отличие аффиксов в частных словообразовательных значениях и продуктивности.

Сопоставительный анализ семантической структуры периферийных членов словообразовательных парадигм (т.е. производных слов) показывает, что различия в их семантике обуславливаются как своеобразием словообразовательных значений формантов, так и семантикой конкретного лексико-семантического варианта, мотивирующего производное слово.

Таким образом, своеобразие словообразовательных связей в лексико-семантическом поле обозначений желтого цвета зависит, с одной стороны, от плана содержания (т. е. семантической структуры), с другой стороны, - от плана выражения (т.е.

словообразовательной системы языка, набора формантов и их значения). Специфика семантики производного слова определяется конкретным лексико-семантическим вариантом мотивирующего слова, значением словообразовательного форманта и, возможно, смысловыми приращениями. Поэтому для описания своеобразия соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей (т. е. плана содержания и плана выражения), для определения национальной специфики родственных языков, необходимо сопоставительное исследование как семантической структуры мотивирующего слова, так и частных словообразовательных значений аффиксов и типов смысловых приращений.

Список источников:

1. Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1985.
2. Příruční slovník jazyka českého. Vyd. 3-í třída. Díl. VIII. Praha, Státní nakl., 1935 – 1951.

Список литературы:

1. Алимпиева Р.В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в. // Вопросы семантики. Калининград, 1982.
2. Брагина А.А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М., 1972.
3. Иваровская В.И. Лексическое значение цветowych прилагательных в синтагматико-парадигматическом и словообразовательном аспектах // Вестник СПбГУ. Сер. 2, вып. 2 (№ 9). 1998.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
5. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: ЛГУ, 1979.

© Слезкина М.Г., 2003

**Соколова О.Л. Аффиксальное словообразование у
вещественных существительных (на материале русского и
французского языков)**

Целью нашего исследования является сопоставительный анализ вещественных существительных (ВС) в русском и французском языках. «Вещественные существительные называют вещества, недискретные объекты, не обладающие обособленностью и целостностью». (Гак;64). Недискретные объекты, т.е. вещества, по мнению В.Г. Гака, не утрачивают своей сущности при нарушении их целостности, для них характерны отношения не между единицей и множеством, а между целым и частью. ВС в двух языках представляют лексико-грамматические разряды (ЛГР) в составе лексико-грамматического класса имен существительных. В нашем исследовании мы анализируем семантические, грамматические и функциональные свойства ВС в сопоставительном аспекте.

Одна из задач нашего исследования – сопоставление структурных особенностей ВС, т.е. выявление словообразовательных моделей, по которым образуются ВС в двух языках. В.Г. Гак относит ВС к ядру класса существительных наряду с одушевленными и конкретно-предметными существительными и указывает: «Слова, входящие в ядро, как правило, являются первообразными, т.е. в современном языке они не выводятся из других частей речи». (Гак;62). Здесь необходимо также ответить на вопрос, какие существительные считать производными. Так как наше сопоставительное исследование является синхронным, то мы, вслед за В.Н. Немченко, считаем, что «...к производным относятся такие слова, которые в данный момент развития языка воспринимаются как образованные в прошлом от других однокоренных слов, т.е. сохраняют известные формальные и семантические признаки производности» (Немченко;100). По данным нашего исследования мотивированные ВС составляют в русском языке примерно 18%, а во французском языке – около 12% от всех ВС.

Способы словообразования в двух языках практически одни и те же, однако, реализация тех или иных моделей в двух языках имеет существенные различия. Среди способов словооб-

разования, продуктивных в классе ВС в двух языках, мы анализируем следующие способы: суффиксация, префиксация, конверсия, словосложение, аббревиация. Предлагаем краткий обзор способов суффиксального и префиксального словообразования и словообразовательных моделей в классе ВС в двух языках.

Суффиксальный способ словообразования является самым продуктивным в сопоставляемых языках. При этом способе производное слово может оставаться в рамках своего лексико-грамматического класса, а может перейти в другой класс. «В отличие от собирательных, вещественные существительные, как правило, не имеют суффиксов для выражения вещественного значения. Это значение выражается только лексически». (Русская грамматика, 1980; 462). Мы классифицируем суффиксы не в зависимости от значений и оттенков значений, которые они могут сообщать мотивированным словам (в этом случае картина становится чрезвычайно пестрой и неприменимой для сопоставительного исследования), а в связи с востребованностью в той или иной тематической группе ВС.

1. ВС, образованные от других существительных. Суффикс *-ine* служит для образования существительных, называющих лекарства, пищевые продукты, ткани, различные составляющие живых организмов. В современном языке эти существительные зачастую не рассматриваются как производные, т.к. мотивирующее слово выявить не удастся (*margarine, résine, muosseline, insuline, aspirine* etc.) Однако, в ряде случаев, мотивирующее слово сохранилось в языке (*quinine, pénicilline, grenadine, ouatine*). В русском языке ВС на *-ин* являются заимствованными. Существительные относятся к тем же тематическим группам, что и во французском языке. Разница заключается еще и в том, что французские существительные на *-ine* относятся к женскому роду. А русские – к мужскому. Схожая картина у ВС. Образованных при помощи суффикса *-um*. Это, как правило, названия химических элементов (*uranium, aluminium, magnésium, calcium* etc.) и некоторых других веществ (*opium, laudanum*.) В этой подгруппе также весьма затруднительно обнаружить производящую основу у большинства слов. В русском языке названия химических элементов имеют чаще всего суффикс *-ий* (литий, кальций, алюминий). Среди прочих суф-

фиксов, продуктивных в классе ВС в двух языках, следует назвать –oïde, –ate, –ade и их русские аналоги –оид (ВС с таким суффиксом называет вещество, обладающее сходными свойствами с веществом, названным мотивирующим словом: *металлоид, métalloïde*), –ат (ВС называет химические соединения на основе вещества, названного мотивирующим словом: *борат, borate*), –ад (называет некоторые прохладительные напитки на основе фруктов: *лимонад, limonade*). Кроме того, в русском языке есть специальные суффиксы: а) –ит для образования ВС, называющих минералы, драгоценные и поделочные камни: *магнетит, селенит, фосфорит*; б) –як для ВС, называющих руды и горные породы: *известняк, железняк*; в) –ин-а и –атин-а, образующие от названий животных названия их мяса, реже – кожи и меха: *баранина, курятина, воловина*. В последней подгруппе зафиксировано несколько существительных, не имеющих мотивирующего слова в современном языке: ветчина, буженина, говядина.

2. ВС, образованные от глаголов. В русском языке такой способ значительно более продуктивен, чем во французском языке. Во французском языке есть суффикс –ure: *confiture peinture vomissure*; –tion –sion: *émanation infusion*; –age: *cirage*. Мотивирующими словами являются соответственно глаголы *confire, peindre, vomir, émaner, infuser, cirer*. В русском языке это, прежде всего, суффикс –к-а/и. С его помощью образовано большое количество ВС, называющих различные вещества, применяемые при различных технологических процессах: *завалка, намазка, пропитка, оцинковка и т.д.* Чаще всего в качестве мотивирующего слова выступают приставочные глаголы (кроме существительных *штукатурка и шпатлевка*). По этой же модели образовано несколько названий пищевых продуктов и блюд: *пohлебка, сгущенка*. Другая модель – образование от приставочных глаголов ВС, называющих остатки и отбросы веществ. Получившиеся существительные употребляются только во множественном числе: *высевки, вытопки, выжимки, очески* и т.д. следующий весьма продуктивный суффикс –ен-. С его помощью образуются названия веществ, являющихся результатом действия, названного мотивирующим словом: *варенье, соединение, удобрение, тканье*. Такие существительные можно также рас-

смагивать как названия самих действий. В этом случае вещество как результат этого действия получает то же самое название в результате метонимического переноса значения. Некоторые ВС, называющие вещество, оказывающее действие, названное мотивирующим глаголом, образованы при помощи суффикса –тель, служащего обычно для образования существительных-названий профессий: *окислитель, растворитель, смягчитель*. Во французском языке подобные существительные происходят в процессе субстантивации наречий: *dissolvant, acidifiant* etc. Названия некоторых веществ (как правило, заимствованные) имеют суффикс -атор: *стабилизатор, транквилизатор* и т.д. Суффикс –ев-о/-ив-о образует названия некоторых блюд, образованные от глаголов: *варево, месиво*.

3. ВС, образованные от прилагательных. В русском языке таких существительных немного. Как правило, они являются результатом переноса значения с абстрактных существительных: *кислота, нечистота, пряность* (суффиксы –ость, -от-а). Другая модель – название пищевых продуктов по признаку, названному мотивирующим прилагательным: холодец, варенец (суффикс -ец). По этой же модели образовано еще одно ВС, название горной породы – *сланец*. Во французском языке нами не обнаружено ВС, образованных от прилагательных при помощи суффиксов. Объяснить это можно тем, что французские прилагательные легко переходят в класс существительных, и, таким образом, мы имеем дело с одним из случаев конверсии. ВС, образовавшихся таким способом, во французском языке достаточно много. Это, во-первых, множество существительных на –ique: *tonique, narcotique, élastique, plastique* etc.; на –if: *laxatif, purgatif, sédatif*; на –ible: *combustible*, а также названия некоторых камней (*turquoise*), тканей (*écaussais*).

Префиксация как способ словообразования в классе ВС встречается значительно реже. Среди продуктивных префиксов следует перечислить anti-, анти-, против-, выражающие значение противопоставления (*antibiotique, antidote, antigel; антифриз, антибиотик* – заимствованные, *противоядие* – исконно русское); per-, пере-\пер-, выражающие избыточность (*péroxyde, перекись* – как правило, специальные термины); bi-, би-, дву- (*bicarbonate, bioxyde, биметалл, двуокись*).

Список литературы :

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1979.
 2. Калачева Л.Г. О семантической характеристике вещественных существительных // Грамматика и лексика русского языка // Л., 1971.
 3. Лопатникова Н.А., Мовшович Н.А. Лексикология французского языка. М., 2000.
 4. Лыкова Н.А. Континуальное и дискретное в языке // Филологические науки, 1999. № 6.
 5. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.
 6. Соболева П.А. Компонентный анализ значений на основе словообразовательного признака // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
 7. Русский язык. Грамматика. М., 1980.
 8. Essono J-M. Précis de linguistique générale. L'Harmattan, Paris, 1998.
 9. Grammaire du français contemporain. Larousse, Paris, 1995.
 10. Niklas-Salminen A. La lexicologie éd. Armand Collin, Paris, 1997.
 11. Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. Ed. Dunod, Paris, 1998.
- © Соколова О.Л., 2003

Раздел 4. Системная лингвистика

Быкова С.Е. Префиксация как способ словообразования (на примере юридической терминологии французского языка)

Префиксацией называется такой аффиксальный способ словообразования, при котором словообразовательное значение выражается с помощью префиксов. Несмотря на функциональную и, отчасти, семантическую близость к суффиксам, префиксы существенно от них отличаются. Во-первых, префиксы, находясь в начале слова, всегда безударны и поэтому менее связаны с производящей основой. Во-вторых, в отличие от суффиксов, словообразовательное значение префиксов менее разнообразно. Префиксы могут выражать пространственные (*en-, em-, trans-, extra-, sous-, sur-, super-*), отрицательно-привативные отношения (*non-, il-, in-, im-, in-, ir-, dé-, dis-, contre-, etc.*), отношения интенсивности (*super-, ultra-, sur-, sous-*), повторения (*re-*), предшествования (*pré-*). Тогда как словообразовательные значения суффиксов представлены значительно большим количеством вариантов. В-третьих, префиксы обладают способностью лексикализации, то есть самостоятельного употребления в качестве слов (*ultra (m)- сверхреакционер*). В-четвертых, семантическая близость префиксов к предлогам ввиду их относительной независимости от производящей основы, делает необходимым разграничение префиксальных образований и сложных слов (*quasi-délict (m) - квазиделикт (неумышленное правонарушение)*)

Особенности префиксации в юридической терминологии были изучены в ходе диссертационного исследования на примере «Краткого французско-русского словаря юридических терминов», составленного автором статьи. Ниже будут рассмотрены префиксы с отрицательно-привативным значением.

Префиксы этой группы выражают словообразовательное значение отсутствия качества или невыраженности явления, от-

рицания явления или действия или значение противопоставления.

Отрицательно-привативные префиксы можно подразделить на 3 подгруппы согласно их словообразовательным значениям:

1. Префиксы отрицания, к которым относятся префиксы *a-*, *non-*, *in-*(*im-*, *il-*, *ir-*). Префикс *a-* не получил широкого распространения в юридической терминологии французского языка. В «Кратком французско-русском словаре юридических терминов» есть четыре примера:

<i>'ameublir vt'</i>	<i>'превращать в движимость'</i>
<i>'ameublissement (m)'</i>	<i>'превращение в движимость'</i>
<i>'ajourner vt'</i>	<i>'давать отсрочку, откладывать'</i>

Префикс *non-* более распространен (9 примеров). Данный префикс чаще присоединяется к существительным (8 примеров), чем к прилагательным (1 примера) и означает отсутствие какого-либо явления или качества:

<i>'non-lieu (m)'</i>	<i>'отсутствие состава преступления'</i>
<i>'non-comparant, -e adj'</i>	<i>'не являющийся в суд'</i>

Наиболее частотными являются префиксы *in-* (32 примера), *im-* (11 примеров), *il-* (7 примеров), *ir-* (4 примера). Они могут присоединяться к именам существительным и прилагательным, а также к глаголам и наречиям. Частотность данным префиксов неодинакова. Наибольшее распространение имеет префикс *in-* (16 существительных, 16 прилагательных):

<i>'inaliénable adj'</i>	<i>'неотчуждаемый'</i>
<i>'inamovibilité (f)'</i>	<i>'несменяемость'</i>

В словаре представлено меньшее количество примеров с префиксами *im-*, *il-* *ir-* (соответственно 11, 7 и 4 примера): 6 существительных, 4 прилагательных, 1 глагол и 1 наречие с префиксом *im-*:

<i>'immobilisation (f)'</i>	<i>'превращение в недвижимость'</i>
<i>'impartial, -e adj'</i>	<i>'независимый'</i>
<i>'immobiliser vt'</i>	<i>'обращать в недвижимое имущество'</i>

	<i>'impartialement adv'</i>	<i>'беспристраст-</i>
но'		
	2 существительных, 3 прилагательных и 2 наречия с префиксом <i>il-</i> :	
	<i>'illégalité (f)'</i>	<i>'нелегаль-</i>
ность'		
	<i>'illicite adj'</i>	<i>'незакон-</i>
ный'		
	<i>'illégitimement adv'</i>	<i>'незаконно'</i>
	2 существительных и 2 прилагательных с префиксом <i>ir-</i> :	
	<i>'irrégularité (f)'</i>	<i>'незакон-</i>
ность'		
	<i>'irresponsable adj'</i>	<i>'не несущий ответственность'</i>
	2. Антонимические префиксы менее разнообразны, в словаре представлены образования с префиксами <i>dé-</i> (46 примеров) и <i>dis-</i> (3 примера). Как следует из названия этой группы префиксов, они образуют зачастую антонимические пары. Данные префиксы могут присоединяться к существительным, прилагательным и глаголам. Префикс <i>dé-</i> образует 23 существительных:	
	<i>'décharge (f)'</i>	<i>'показание в пользу обвиняемого'</i>
	<i>'deshéritement (m)'</i>	<i>'лишение наследства'</i>
	16 глаголов:	
	<i>'défaillir vi'</i>	<i>'не явиться в суд'</i>
	<i>'décharger vt'</i>	<i>'показывать в пользу обвиняемого'</i>
го'		
	и 1 прилагательное:	
	<i>'défaillant, -e adj'</i>	<i>'не явившийся, отсутствующий'</i>
	Префикс <i>dis-</i> значительно менее продуктивен: он образует 2 существительных:	
	<i>'disculpation (f)'</i>	<i>'снятие обвинения'</i>
	<i>'dissolution (f)'</i>	<i>'прекращение деятельности'</i>
	и один глагол:	
	<i>'disculper vt'</i>	<i>'снимать обвинение'</i>
ние'		

3. Префиксы противопоставления получили наименьшее распространение в «Кратком французско-русском словаре юри-

дических терминов»: представлено 3 примера с префиксом *contre-* : 2 глагола:

'contrevenir vi à qch' *'нарушать что-л.'*

'contrefaire vt' *'подделывать что-л.'*

1 существительное:

'contrefaçon (f)' *'подделка'*

Таким образом, можно сделать вывод, что во французской юридической терминологии из префиксов с отрицательно-привативным значением наибольшее распространение получили префиксы отрицания, а наибольшее количество производных образуют префиксы *in-*, *im-* в качестве эквивалентов в русском языке имеющие префиксы *не-* и *бес-/без-*.

© Быкова С.Е., 2003

Горелик П.Л. Изотопия имплицитного высказывания

Понятие изотопии ввел в лингвистику А. Ж. Греймас. Рассматривая структуры значения отдельных лексем и целостных высказываний, он открыл, что изотопия лежит в основе семантической однородности предложения.

Для того, чтобы определить понятие изотопии, необходимо схематически обозначить структурные элементы значения, иными словами, *passer du continu au discret* (J. Courtés: 46, 1976). Минимальными единицами значения являются семы. Несколько сем, объединяясь, образуют лексему (в системе языка). Греймас выделяет 2 вида сем:

1. Ядерные семы (необходимый семический минимум (А.Ж. Греймас: 55, 1966) – обязательно входят в состав лексем в языке и семем в речи. При потере хотя бы одной ядерной семы лексема (семема) изменяет смысл.

2. Классемы – это контекстуальные семы, не входят в постоянный состав лексем, но присоединяются к семеме в данном контексте. Как правило, рекуррентные классемы (несущие идентичное значение, повторяющиеся) присоединяются к не-

скольким семемам в предложении, и этим обеспечивают их связанность.

Таким образом, речевая последовательность будет обладать изотопией, если она содержит одну или более рекуррентных классов (J. Courtés: 50, 1976).

Для возникновения изотопии достаточно минимального контекста из двух семем. В их состав будет входить рекуррентная классема, которая обеспечит их связь и исключит не актуальные в данном контексте семы. В качестве примера J Courtés рассматривает 2 минимальных контекста:

1. une bonne bière

2. une bonne affaire

Ядерная сема лексемы bonne: /appreciation positive/

Классема 1: gustatif -> savoureux

Классема 2: économique -> rentable.

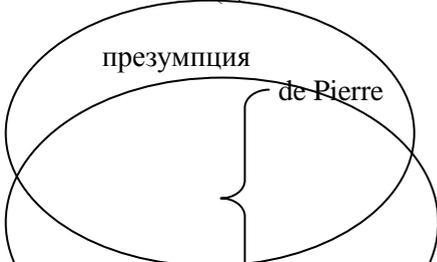
В первом минимальном контексте связь между семемами обеспечивает общая для них классема gustatif, во втором – économique. Каждая классема входит в состав обеих семем контекста, то есть является избыточной, но именно эта избыточность обеспечивает связь семем: “Le concept fondamental d’isotopie doit ainsi s’entendre comme un ensemble redondant de categories classématiques qui rend possible la lecture uniformed u récit, telle qu’elle résulte des lectures partielles des énoncés et de la resolution de leurs ambiguïties qui est guidéepar la recherche de la lecture unique » (A.J. Greimas : 188, 1976).

Теперь рассмотрим изотопию имплицитного высказывания, применительно к каждому из имплицитных смыслов.

Возьмем пример пресуппозиции, как наиболее близкой к эксплицитному полюсу:

La femme de Pierre est partie.

Это высказывание состоит из утверждения la femme est partie и презумпции Pierre est marié. Изотопия у т в е р ж д е н и я [la femme est partie] строится на общей классеме “possibilité de partir”, изотопия п р е з у м п ц и и [la femme de Pierre] - на классеме “marié(e):

la femme

est partie

утверждение

Из схемы вытекает, что пресуппозиция строится на основе семемы, общей и для презумпции, и для утверждения, в данном случае *femme*. Назовем эту семему ядром пресуппозиции. Изотопия утверждения в предложении является доминантной; имплицитный смысл, заложенный в предложении, проявляется при актуализации изотопии презумпции. Можно сделать вывод, что механизмом имплицитности в пресуппозиции является актуализация изотопии презумпции.

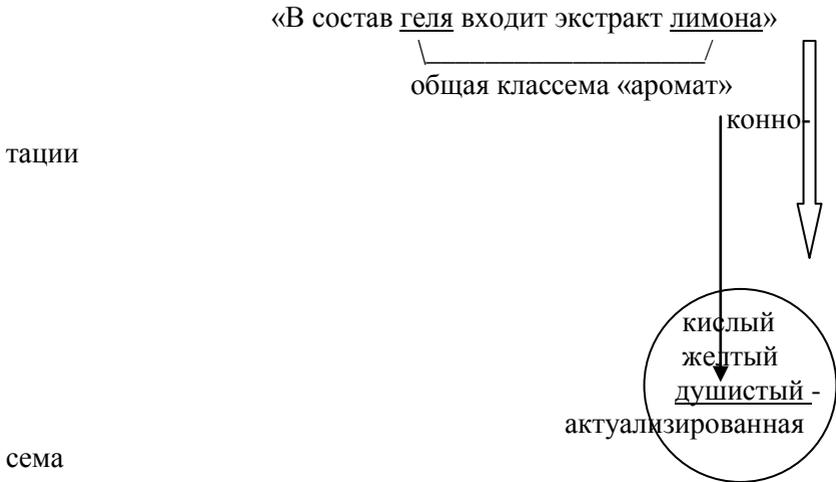
Имплицитный эффект подразумевания обязан своим существованием сходному механизму. Возьмем пример: *Il est 8 heures!* Эксплицитный смысл: «Сейчас 8 часов». Имплицитный смысл выводится из коммуникативной ситуации: если говорящий опаздывает, смысл будет один, если время еще есть – противоположный:

	<i>Il est 8 heures</i> (высказывание)	} <i>Il est temps de partir</i>
(вывод)	<i>Il est tard</i> (ситуация)	

Между вербальным высказыванием и ситуацией (либо предыдущим контекстом) устанавливается изотопия, диктуемая этой ситуацией - *il est tard*, и на основе этой изотопии адресатом выводится импликация – *il est temps de partir*. Таким образом, в подразумеваниях имплицитный смысл проявляется в результате актуализации изотопии между коммуникативной ситуацией и высказыванием.

Наконец, коннотации также функционируют за счет установления общей изотопии между денотативным значением и энциклопедической компетенцией адресата. Например, лексема

«лимон» имеет явные коннотации «кислый», «желтый», «душистый», вытекающие из наших знаний о предмете речи. Какая именно сема актуализируется – зависит от контекста или ситуации. Пример из рекламы:

Из схемы видно, что изотопия между источником коннотаций и контекстом помогает отобрать нужную сему из хранящихся в энциклопедической компетенции адресата.

Мы видим, что имплицитная информация функционирует на основе изотопии, которая устанавливается между эксплицитным высказыванием и контекстом, либо ситуацией. Именно изотопия обеспечивает связность имплицитного высказывания. Особенно это явление важно при изучении имплицитности в рекламе, где изотопия будет служить для объединения лингвистических и визуальных знаков в одно смысловое целое.

Список литературы:

1. А. Ж. Greimas, *Sémantique structurale*, Presses Universitaires de France, 1966.
2. J. Courtés, *Introduction à la sémiotique narrative et discursive*, Hachette, 1976.
3. K. Kerbrat-Orecchioni, *L'Implicite*, Armand Colin, 1986.

Жавкина Е.Б.
научном тексте

Проблема субституции терминов в

Терминология – неотъемлемая часть каждой области знаний и требует к себе повышенного внимания со стороны не только содержательной и логической, но и лингвистической. Для того чтобы обратиться к рассмотрению явления «субституции», следует проанализировать явление вариативности в терминологии, так как вариантность – это фундаментальное и всепроникающее свойство языка, на котором собственно и основано явление субституции.

Исследуя явления вариативности термина, мы избираем функциональный подход, так как термин – понятие функциональное, то есть, в структурно-субстанциальном плане являясь лексемой, термин отличается от других лексических единиц тем, что исполняет функции знака профессионального понятия. Таким образом, вариантность термина функционально задана и структурно обусловлена. Будучи знаком профессионального понятия, термин является инвариантом для ряда вариантов термина, различающихся исключительно в плане выражения, но имеющие один план содержания [Комарова, 1990:13].

Явление терминологической вариативности имеет ряд специфических черт, лежащих в основе самой специфики термина. Так как функция термина – обозначение специального понятия в рамках определенной терминосистемы, то для термина возможности варьирования плана выражения ограничены лишь способностью выражать то же самое понятие, что отличает его от общеязыкового слова, где варьирование знаковой формы возможно в пределах тождества этой формы самой себе (*лиса – ли-сица, ноль – нуль*).

В соответствии с парадигматическими и синтагматическими отношениями в языке, терминологическая вариантность вне сферы функционирования терминов рассматривается как парадигматическая вариантность, а в плане действительного взаимодействия терминов с другими единицами определяется как синтагматическая вариантность.

При этом можно сказать, что в функциональном плане особой разницы между парадигматическими и синтагматическими вариантами в целом нет, а есть лишь отличия между условиями и сферами их нахождения. Действительно, независимо от рода отношений, функции выполняемые вариантами идентичны. Независимо от того, где используется термин – в сфере фиксации или он функционирует в одном из специальных текстов, ему присуща функция выражения определенного профессионального понятия. Процесс подстановки на место термина его вариантов одинаков в обеих сферах и отличается лишь более богатым выбором функционирования в синтагматическом плане. В пределах связанных текстов варьирование способов обозначения рассматривается как проблема субституции, замещение термина различными другими языковыми единицами.

В целом термин «субституция» многозначен и используется в лингвистике во многих смыслах: метод постановки одной лингвистической формы на место другой; замещение элемента структуры предложения или словосочетания; замещение любого слова определенного лексико-грамматического класса. В общем явление субституции с разных позиций рассматривали такие ученые как Л.Ельмслев, Л.Блумфилд и др. В советском языкознании впервые понятие субституции было введено в 40-ые годы Б.А.Ильишом в книге «Современный английский язык. Теоретический курс» и в дальнейшем изучалось А.Г.Басмановой, Л.А.Куксом, М.П.Лаам и другими.

Такой тип субституции, как субституция терминов, не подвергался специальному теоретическому исследованию, хотя практически эта проблема решалась в переводоведении, редактировании научных текстов. Лишь в 80-ых годах проблема субституции терминов нашла отражение в статье В.Г.Гака и В.М.Лейчика «Субституция терминов в синтагматическом аспекте». В данной статье авторы не только затронули эту тему, но и постарались ответить на некоторые вопросы.

Необходимо установить причины, приводящие к субституции терминов. В.Г. Гак и В.М. Лейчик делят их на три группы: логические причины (необходимость определения понятия, выражаемого термином; необходимость выделения какого-либо аспекта в понятии); собственно терминологические причины

(наличие упорядоченной терминосистемы резко уменьшает возможность замещения и наоборот); общелингвистические причины (для устранения монотонности термин может замещаться иными общеязыковыми средствами).

К факторам, влияющим на субституцию те же авторы причисляют, во-первых, стиль текста, во-вторых, структуру текста, в-третьих, его языковую специфику. Термины, как правило, используются в собственно научном, научно-популярном и публицистическом стилях. В следствие определенных стилистических законов, замещение терминов в рамках научного стиля в одном тексте не рекомендуется и, поэтому, можно прибегнуть в данном случае к аббревиатурам (*колхоз, магнетогидродинамический генератор – МГД-генератор*) или эллиптическим конструкциям (*грампластинка – пластинка*). Менее жесткие стилистические требования предъявляются к субституции терминов в научно-популярном и публицистическом стилях. Структура текста может или препятствовать (начало текста) или способствовать (середина и конец текста) субституции. Третий фактор, влияющий на субституцию терминов в синтагматическом аспекте, это особенности языка на котором создается текст.

Что касается языковой формы, то В.М. Лейчик и В.Г. Как выделяют морфологическую и семантическую субституцию. Морфологическая субституция относится к внешней форме термина и выражается в изменении функционального класса обозначения, сокращении и компрессии. Семантическая субституция основывается на отношениях между понятиями, обозначаемыми основным термином и его субститутом. Сюда входят отношение равнозначности, при котором используются дублиеты и эквиваленты терминов (*языкознание – лингвистика*); отношение включения – основанные на родо-видовых отношениях, что позволяет использовать термин более широкого объема для обозначения объекта, для наименования которого существует и используется термин более узкого объема (*кошка – животное*).

Ученые выделяют в сфере функционирования любой терминосистемы использование формальной и семантической субституции. Формальная субституция относится к внешней форме термина и выражается в ее изменении. Она представлена следующими языковыми формами: морфологические субститу-

ты, аббревиатуры, эллипсисы и невербальные субституты [Комарова, 1990:18-19]. Морфологическая субституция состоит в изменении функционального класса языковой единицы (*возка угля – угольная возка, скелет почвы – скелет почвенный*). Аббревиация – это один из способов количественного варьирования семантики (*УЗТМ – Уральский завод тяжелых металлов*). Эллипсисы имеют менее расчлененную форму, чем сам термин (*доменный работник – доменный*). При невербальной субституции происходит замена терминов какими-либо условными знаками (*H₂SO₄ – серная кислота, ∞ – бесконечность*).

Семантическая субституция базируется на отношениях между понятиями, обозначаемыми основным термином и его субститутом. Сюда относится универбация, или семантическое стяжение (*белозерная пшевица – белозерка, белянка капустаная – капустаница*). Следующий тип – это субституты, имеющие равные понятия, то есть термины имеют один сигнификат и в данном случае в текстах используются все типы формального парадигматического варьирования. Третий тип – это субституты основанные на родо-видовых отношениях между термином и понятием и в тексте вместо видового термина используется родовой (*кошка – домашнее животное, анальгин – медикамент*).

Следует отметить, что первые два типа субститутов имеют в основе парадигматическое варьирование, а третий тип действует только на уровне синтагматики, так как в парадигматике замена вида родом и наоборот невозможна.

Процесс субституции термина в тексте – это функция таких переменных, как комплекс логических, терминологических и лингвистических причин и влияние стиля или подстиля, к которому относится текст. Выбор субститута термина зависит именно от этих факторов.

Список литературы:

1. Комарова З.И. Русская отраслевая терминология и терминография (рекомендации по спецкурсу для студентов филол. факультетов вузов). Каменец-Подольский.: Изд-во Каменец-Подольского педагогического ун-та, 1990. 36 с.

2. Гак В.Г., Лейчик В.М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте // Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981. С.81–89.

© Жавкина Е.Б., 2003

Лукина О.И. Проблема соотношения фонемы и варианта в лингвистике

Проблема соотношения фонемы и варианта является одной из центральных в фонологии. Разрешение же этой проблемы зависит от определенного понимания фонемы. Существует большое разнообразие терминов («вариант», «вариация», «аллофон», «оттенок», «дополнительный член», «микрофонема», «модификация» и др.) для обозначения конкретной реализации фонемы, что свидетельствует о сложности проблемы, а также о том, что фонемные реализации играют большую роль в функционировании языка. Рассмотрим лишь некоторые существующие точки зрения на данный вопрос.

В литературе отмечается, что в отличие от проблемы фонемы, получившей широкое освещение, проблема аллофона рассматривалась как побочный вопрос (2; 43). Условно можно выделить три наметившиеся тенденции в трактовке аллофона.

Прежде всего, аллофон считается реализацией фонемы, её физическим коррелятом в речи, т.е. единицей синтагматического уровня и материально-субстантной реальностью. Некоторые лингвисты считают, что аллофон это лингвистическая, языковая единица. В соответствии с третьей точкой зрения, аллофон – это «недистинктивная реализация фонемы, которой противопоставлена дистинктивная материальная реальность – фонема» (там же). Данная точка зрения была высказана американскими структуралистами, для которых аллофон не функциональная единица, а лишь репрезентант фонемы в речи.

Например, Глисон Г. в ходе своих рассуждений дает несколько определений фонемы: «Фонема – это класс звуков, которые: 1) фонетически сходны и 2) характеризуются определенными моделями дистрибуции в изучаемом языке или диалекте» (1; 229). И далее: «Фонема – один из элементов звуковой системы языка, находящийся в определенных взаимосвязях с каждым из

других элементов этой системы» (там же, с.237). Ключевым понятием для данного направления структурализма является, как известно, понятие дистрибуции (свободной или дополнительной), а также понятие аллофона, под которым понимается «любой звук или подкласс звуков, который находится в отношении дополнительной дистрибуции с другим звуком или подклассом звуков так, что вместе они составляют одну фонему» (там же, с.232). Фонема, по мнению дескриптивистов, явление чисто лингвистическое, лишённое каких-либо психологических и акустических моментов, это класс явлений. Глисон Г. отмечает также, что аллофоны имеют большее значение в практическом, чем в теоретическом плане, а для лингвиста они «располагаются где-то на краю области его исследования и в известной мере являются чем-то внешним по отношению к языку» (1; 233).

Для представителей копенгагенской школы структурализма аллофоны вообще не существуют. Ельмслев, например, устраняет аллофон из фонетико-фонологической системы, т.к. считает, что область лингвистики – анализ формы, а физическое и физиологическое описание звуков – это область физики и физиологии.

Для Щербы Л.В. понятия фонемы и её реализации также были одними из центральных. В своем капитальном труде «Фонетика французского языка» он дает определение фонемы как звукового типа, способного дифференцировать слова и их формы. Он называет оттенками фонем реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (т.е. фонема) (7; 16-17).

Зиндер Л.Р. употребляет как синонимы термины «аллофон» и «оттенок». Говоря о лингвистическом значении аллофонов, автор указывает, что они являются единицами языка, «зародышами будущих фонематических различий, будущих самостоятельных фонем» (3; 51). В фонологическом отношении, считает Зиндер Л.Р., все аллофоны равны, поскольку каждый из них является представителем какой-либо фонемы. Языковая значимость аллофонов проявляется ещё и в том, что благодаря им в потоке речи сохраняется общий облик слов, который зависит от всех фонетических особенностей тех аллофонов, которые в них представлены. Аллофоны имеют большое значение при овладе-

нии иностранным языком: при неправильном их употреблении обнаруживается иностранный акцент, что затрудняет понимание речи.

Маслов Ю.С. также различает понятия «фонема» и «вариант фонемы». Фонема по Маслову Ю.С. - «...кратчайшая звуковая единица данного языка, способная быть в нем единственным внешним различителем экспонентов морфем и слов». Что касается конкретных реализаций фонемы, то они могут очень разными по артикуляции и по звучанию, т.е. физически разными звуками. Однако, несмотря на свои физические различия, они представляют одну фонему. Разновидности фонемы Маслов Ю.С. называет вариантами (оттенками), или аллофонемами. Он считает, что термин «аллофон», несмотря на его широкое употребление, является менее удачным, т.к. низводит варианты фонемы на уровень речи. А поскольку этот автор относит варианты фонем к языку, считает, что было бы правильней называть их «аллофонемами» (аллофонема – от др.-греч. *allos* ‘иной’ – ‘иной вид той же фонемы’). Что касается лингвистической значимости вариантов, то, по мнению Маслова Ю.С., они представляют собой факт языка, а не только факт речи, при этом объединение физически разнородных звуков в варианты «не определяется чисто фонетическим сходством». Напротив, основой такого объединения являются имеющиеся в том или ином языке фонематические различия (5; 52-54).

Трубецкой Н.С., определив фонему как «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию», указывает, что фонема реализуется в ряде различных звуков, которые он и назвал вариантами (или фонетическими вариантами) одной фонемы (6; 43-44). Кроме того, Трубецкой формулирует правила, позволяющие отличить фонему от фонетических вариантов. Говоря о функциональной значимости аллофонов, он отмечает, что, например, комбинаторные варианты могут сигнализировать о непосредственном соседстве другого языкового элемента (определённой фонемы, границы слова или морфемы, того и другого одновременно) (там же, с. 56).

Касевич В.Б. также уделял внимание проблеме статуса аллофона в фонологической теории. Автор рассматривает алло-

фон с точки зрения порождения и восприятия речи. Он считает, что с точки зрения порождения речи аллофон – это не что иное, как конкретная реализация фонемы, и что, распределяясь по разным контекстам, фонемы «становятся» аллофонами. Таким образом, аллофонов у фонемы столько, сколько позиций она может занимать. В плане же восприятия речи сведения об аллофонах – это информация о том, что в данном контексте могут встречаться данные фонемы, а «качество фонемы (её индивидуальность) определяется набором её дифференциальных признаков, а этот набор остается постоянным для всех контекстов, следовательно, для всех аллофонов данной фонемы». При таком подходе, как отмечает автор, «разница между фонемой и аллофоном – это различие между фонемой как элементом парадигматической системы и фонемой как элементом синтагматической (линейной) структуры» (4; 57-58).

Воронкова Г.В. в своих исследованиях также затрагивала проблему фонемы и варианта, который она называет аллофоном: «аллофон является ... как бы результатом дискретизации, полученным на базе бинарных оппозиций значимых элементов языка, минимально различающихся между собой, и имеет однозначную материальную выраженность, тогда как фонема является результатом окончательной дискретизации, полученным на базе множественных противопоставлений значимых элементов языка, и имеет множественную материальную выраженность, в частности, в виде аллофонов, каждый из которых противопоставлен другому аллофону другой фонемы этой же системы» (2; 51). Автор считает, что рассмотрение плана выражения языка в двух плоскостях – парадигматической и синтагматической – является недостаточным для покрытия всех сложных связей между линейным и нелинейным характером функционирования фонем, и вводит ещё одну плоскость, которую условно называет «интеруровнем» (там же, с.20). В парадигматической плоскости находятся фонемы, которые множественно противопоставлены друг другу. Интеруровень - это плоскость аллофонов. Аллофоны, как единицы первого уровня сегментации, представлены в бинарных противопоставлениях, встречаясь в бинарно противопоставленных значимых единицах языка. В синтагматической плоскости фонемы и аллофоны, как дискретные единицы разной степе-

ни дискретизации предыдущих плоскостей, представляют последовательности, составляющие значимые единицы языка в линейном высказывании. Аллофон, таким образом, имеет однозначную материальную выраженность в интеруровне, т.к. является позиционно зависимым от смежных аллофонов в синтагматике. Таким образом, аллофон не может играть роль конструктивного элемента значащих единиц языка (т.е. выполнять конститутивную функцию). Фонема же имеет множественную материально-субстантную выраженность в парадигматике, что обеспечивает ей независимость от смежных фонем и различительность от других фонем в парадигматике. Эта независимость от окружения и позволяет только фонеме выполнять конститутивную и различительную функции значимых единиц в синтагматической цепи (там же, с. 51-52).

Таково далеко неполное представление существующей проблемы. В данной статье, среди прочих, осталась незатронутой концепция МФШ, т.к. мы считаем, что ей должна быть посвящена отдельная работа. В целом изучение вариантов фонем в том или ином языке имеет большое теоретическое и практическое значение, т.к. позволяет прогнозировать дальнейшее развитие фонологической системы языка, а при усвоении иностранного языка – прогнозировать возможные типичные ошибки в произношении и методы их предупреждения.

Список литературы:

1. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. Литературы, 1959. – 286с.
2. Воронкова Г.В. Проблемы фонологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 136с.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Высшая школа, 1979. – 312с.
4. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 295с.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. Вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. Шк.. 1987. – 272с.

5. Трубецкой Н.С. Основы фонологии/Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352с.

6. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским/ Пос. для студентов фак-тов ин. языков. – 2-е изд., испр. и расш. – Л., 1939. – 279с.

© Лукина О.И., 2003

Нахимова Е.А. Дискретная и диффузная многозначность

В современной лингвистике активно продолжается изучение системных связей лексических единиц, в том числе изучение системности лексико-семантических вариантов в составе многозначного слова. Одно из перспективных направлений такого исследования – анализ семантической структуры слова с точки зрения количества значений и характера их взаимосвязи (П.Н.Денисов, А.А.Кретов, А.М.Кузнецов, С.Н.Муране, С.В.Плотникова, А.А.Поликарпов, Е.А.Чудинова и др.). Число значений и их тип – это не просто количественный показатель, своего рода статистическое зеркало труда лексикографов, но и качественный показатель специфичности семантики слова, опосредованное отражение истории слова, особенностей его семного состава, стилистических свойств, частотности употребления и целого ряда других характеристик.

В настоящем исследовании на материале словарных статей четырехтомного «Словаря русского языка» (1981 – 1984) рассматриваются виды многозначности, характерные для наиболее полисемантических русских слов, к числу которых отнесены лексемы, у которых в словарях зафиксировано не менее семи значений (с учетом оттенков значений и прочих лексикографических обособлений). Как показывают специальные подсчеты к зоне широко развитой многозначности относится 1128 полноточных слов, в том числе 619 глаголов, 254 имени существительных и 234 имени прилагательных. При статистических подсчетах разграничивались следующие подзоны: приграничная (к ней были отнесены слова, имеющие 7 – 10 значений или оттенков; центральная (в нее входят слова, насчитывающие от 11 до

15 значений или оттенков) и уникальная, включающая слова, у которых зафиксировано более 15 значений или оттенков.

При изучении типов полисемии в соответствии с концепцией П.Н.Денисова (1984) целесообразно различать дискретную и диффузную многозначность. В первом случае все значения в словаре представлены как «номерные» (имеющие особый номер в словарной статье), причем эти значения не имеют оттенков как особых лексикографических обособлений. Такая структура словарной статьи предполагает значительную самостоятельность лексико-семантических вариантов, наличие отчетливых границ между ними. Типичный пример дискретной многозначности – семантическая структура глагола *катать*, у которого в рассматриваемом словаре зафиксировано девять номерных значений и ни одного какого-либо иного лексикографического обособления.

Диффузную многозначность отличает большое количество представленных в словарной статье оттенков и «оттенков оттенков» (их число равно количеству номерных значений или даже превышает его). Такая полисемантичность предполагает более тесную связь между лексико-семантическими вариантами, менее отчетливые границы между ними, наличие «не вполне самостоятельных» значений, которые можно рассматривать как варианты других значений. Видимо, в некоторых случаях представление того или иного словоупотребления в виде оттенка отражает сомнения лексикографов в целесообразности полноценного отражения соответствующего типа словоупотребления в словаре. Вместе с тем хорошо известно, что выделение оттенков – это не специфическая черта рассматриваемого словаря, а характерный признак многих других толковых словарей как отечественных, так и зарубежных, что позволяет сделать вывод о том, что указанный тип отношений между значениями – это объективная реальность.

П.Н.Денисов не предложил специального термина для промежуточного типа полисемантичности, при котором в соответствующей словарной статье оттенки представлены, но их количество меньше, чем количество номерных значений. Поскольку подобные словарные статьи составляют в рассматриваемом «Словаре русского языка» большинство и, следовательно, их надо как-то обозначать, то необходим особый термин. В настоя-

шей публикации указанный тип многозначности будет называться дискретно-диффузным.

В зоне широко развитой многозначности количество слов с дискретной многозначностью относительно невелико. В рассматриваемом словаре к числу таких слов относятся два прилагательных (*исторический* и *третий*), девять существительных (*гребень, крыло, пирамида, розетка, сетка, станок, статья, требование, эволюция*) и пять глаголов (*катать, морить, наколотить, подумать, стлаться*). Перечисленные лексемы составляют менее полутора процентов от общего состава зоны широко развитой многозначности. Все рассмотренные слова с дискретной многозначностью относятся к приграничной подзоне и абсолютное большинство из них имеет всего семь значений. Это показывает, что дискретная полисемантичность – это нетипичное для рассматриваемой зоны явление.

К числу слов с наиболее ярко выраженной диффузной многозначностью относятся глаголы *впиться, встретиться, опуститься, навалиться, прокатиться, прорваться* и др.; существительные *борьба, класс, команда, кольцо, позиция, тур, система* и др.; прилагательные *добрый, первый, свободный, свежий, холодный* и др. Всего в рассматриваемом словаре обнаружено 347 слов с диффузной многозначностью. Доля слов с диффузной многозначностью особенно велика в подзоне уникально развитой полисемии.

Типичный пример диффузной многозначности – семантическая структура глагола *теснить*, у которого в рассматриваемом словаре выделено пять номерных значения, пять оттенков и два «оттенка оттенка». Среди номерных значений этого глагола не имеет оттенков только третье («*угнетать, притеснять*»), причем очень показательно, что это значение представлено в словаре с пометами «устаревшее» и «просторечное». Хотя зависимость между стилистической окраской значения и наличием у него оттенков не вполне жесткая, но можно заметить, что устаревшие, просторечные, профессиональные значения реже, чем стилистически нейтральные, имеют дополнительные оттенки. Два представленных в анализируемой словарной статье оттенка имеют помету «переносное», причем их отношения с номерными значениями однотипны: номерное значение относится

к конкретному действию, а оттенок обозначает абстрактное действие. Еще два представленных в словарной статье на рассматриваемый глагол оттенка отличаются от соответствующего номерного значения тем, что имеют помету «в безличном употреблении».

Что касается пяти номерных значений рассматриваемого глагола, то все они противопоставлены друг другу иначе, чем значения и оттенки: здесь дифференциальную роль играет способ каузации и каузируемое действие или субъект и объект каузации.

Специальный анализ показывает, что абсолютное большинство лексем в зоне широко развитой многозначности относится к дискретно-диффузному типу (741 слово). Типичный пример дискретно-диффузной многозначности – семантическая структура глагола *крыть*. В рассматриваемом словаре у него зафиксировано девять лексико-семантических вариантов, в том числе семь номерных. Номерные значения противопоставлены друг другу по отчетливым дифференциальным признакам. Первое и второе значения различаются по объекту воздействия: в первом случае это «верх, крыша», а во втором случае объект воздействия – любая поверхность (мебели, шкуры и др.). Третье значение противопоставлено другим по средству воздействия (краска). Далее идут значения со специальными пометами: устаревшее значение «гаить, не обнаруживая, пряча (мысли, чувства и т.п.)», картежный термин «бить карту партнера старшей картой», просторечный интенсификатор, формулируемый как «употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п.» и просторечное значение «ругать, бранить» (возможно, его следовало бы отразить как вариант интенсификатора).

Оттенки имеет только третье значение глагола *крыть*, сформулированное в словаре как «окрашивать поверхность чего-либо, накладывать слой чего-либо». Первый оттенок представлен следующим образом: «устилать, покрывая собой, запорашивать, засыпать» и проиллюстрирован цитатой «И листья кроет пыль и дольная роса» (А.К.Толстой). Второй оттенок представлен толкованием «заволакивать, застилать что-либо» и проиллюстрирован цитатой «Буря мглою небо кроет» (А.С.Пушкин).

Можно предположить, что лексикографы не выделили названные оттенки в качестве номерных значений в связи с тем, что такое употребление глагола в целом не противоречит толкованию третьего по номеру значения («накладывать слой чего-либо»), но решили все-таки отразить в словаре специфику данных словоупотреблений: речь идет о природных явлениях, а не о действиях человека.

Представленный анализ семантической структуры глаголов *теснить*, *катать* и *крыть* показывает, что дискретная, диффузно-дискретная и диффузная разновидности – это действительно различные типы многозначности. Квалификация многозначности в виде номерного значения или оттенка отражает вполне обоснованные взгляды лексикографов на специфику семантической структуры соответствующего слова. Тип многозначности представляет собой один из ярких признаков специфической организации семантической структуры слова: он тесно связан с такими свойствами слова, как количество значений, принадлежность к части речи и лексико-грамматическим разрядам, наличие стилистических помет и т.п.

Список литературы:

1. Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматической системе языка. М., 1984.
2. Кретов А.А. О взаимной обусловленности синонимии и полисемии и задачах русской лексикографии // Глагол и имя в русской лексикографии. Вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1996.
3. Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987.
4. Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1981 – 1984.
5. Чудинова Е.А. Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии). Автореф. дис... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

© Нахимова Е.А., 2003

Основная комплексная единица словообразовательной системы языка – словообразовательное гнездо (СГ). В специальной литературе СГ определяется как «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [1]. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н.Тихонова (СС) [2] были упорядочены все слова, зафиксированные в толковых словарях общего типа, выпущенных до 1974 г. Таким образом, словообразовательная система, описанная в СС, достаточно стабильна во времени [3]. Однако состав гнёзд непрерывно изменяется, что обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Эти изменения касаются не только количества лексических единиц в СГ, но и их семантического наполнения. В связи с этим в данной статье делается попытка уточнить и расширить представление о границах СГ с исходными глаголами, принадлежащими одной лексико-семантической группе «*Положение в пространстве*»: **висеть, лежать, сидеть, стоять.**

Прежде всего при анализе СГ, зафиксированных в СС, возникают некоторые вопросы, связанные с составом этих гнёзд. Например, возникает вопрос о распределении по гнёздам слов, имеющих семантику, которую можно интерпретировать по-разному. Так, существительное *ложе* в СС дано в гнезде глагола *лежать* со значениями «*Постель*» и «*Русло*» и как омоним даётся вершиной самостоятельного СГ со значением «*Часть ружья*». Оправдано ли это с точки зрения синхронического словообразования? В БАС (1957 г.) и в МАС (1958 г.) существительное *ложе* приведено в виде двух омонимов: «*Ложе I – 1. Устар. Поэт. Постель. 2. Углубление в почве, по которому течёт водный поток; русло.*» «*Ложе II – Деревянная часть ружья или автомата, к которой прикреплен ствол.*» Однако уже в новом издании МАС (1983 г.) эти лексемы объединены в одну, многозначную, т.е. это три семемы одной лексемы. К тому же здесь уточняется значение третьей семемы: «*Ложе - ...3. Деревянная часть ружья или автомата, в которую вкладывается и к которой прикреплен ствол.*» Это уточнение крайне важно, так как оно при-

ближает лексическое значение к словообразовательному, таким образом определяя эту семему как производную от глагола **лежать**: *Ложье* – деревянная часть ружья или автомата, в которую вкладывается (и, следовательно, там *л е ж и т*) и к которой прикреплен ствол. Если учесть положение Г.О.Винокура о том, что значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующего производящего [4] (в таком же плане рассматривается мотивация производного слова и в РГ-80), то семему «*ложье* как *часть ружья*» с синхронической точки зрения следует поместить в СГ глагола **лежать** как производную. Такое же отношение к пониманию этого факта находим и в БТС (2000 г.), где слово *ложье* определяется также как многозначное, с тремя семемами.

Другой подобный случай наблюдаем с глаголом **настоять I**, который в СС выделен в отдельное гнездо, и не входит в СГ глагола **стоять**. Возможно, это обусловлено тем, что толкование этого глагола в словарях не содержит ссылки на глагол **стоять**: «*Настоять I* – 1. Приготовить настой чего-л. (*Настой* – жидкость, содержащая экстракт помещённого в неё растительного или животного вещества). 2. Придать спиртному напитку особый вкус, аромат, поместив его в какое-л. растительное вещество» (МАС). Как известно, определение значения слова в толковых словарях не всегда содержит ссылку на производящее, поэтому не всегда можно опираться на данные толковых словарей при определении родственных связей слов. По справедливому замечанию Е.А.Земской, «толкования..., заимствованные из наиболее авторитетных наших словарей, содержат элементы энциклопедизма, но не отражают те живые семантические связи между словами, которые как бы освещают внутренним светом структуру определяемого слова, соотнося их с однокоренными словами... Устанавливая отношения производности между словами и используя критерий Г.О.Винокура, далеко не всегда можно опираться на те определения значения слов, которые дают толковые словари» [5]. С нашей точки зрения, можно определить значение глагола **настоять** через глагол **стоять**: *Настоять* – 1. Приготовить жидкость, содержащую экстракт помещённого в неё растительного или животного вещества, которая должна с т о я т ь какое-то время до готовности. 2. Придать спиртному напитку

особый вкус, аромат, поместив его в какое-л. растительное вещество, для чего ему необходимо *с т о я т ь* некоторое время. При таком толковании глагол *настоять* может быть определён как производный от глагола *стоять* и включён в состав СГ глагола *стоять* вместе со всеми своими производными словами: *настаивание II, настояться (настаиваться) I, настойка, настоячка, настоечный, настой, настойный*. Этот факт подтверждается ещё и тем, что в БТС впервые зафиксирован глагол *отстоять (отстаивать) IV* (не включённый в СС в состав СГ глагола *стоять*) со значением, определённым через синхронически родственное глаголу *стоять* слово: «Дать *отстояться*. (*Отстояться* – постояв некоторое время, дать отстой, осадок (о жидкости)». А глагол *отстояться* в СС включён в состав СГ *стоять*, и оба глагола (*отстоять* и *отстояться*) очень близки по семантике глаголу *настоять*.

Безусловно, такие случаи установления семантических отношений между словами, когда смысловые расхождения между членами корреляции не дошли до полного разрыва, связаны с определёнными трудностями, так как «исследователь может относить их к словообразовательным парам или считать, что они не находятся в словообразовательных отношениях. Каждая пара требует, так сказать, индивидуального подхода. Возможность двойственного решения в подобных случаях не имеет ничего общего с произволом, ибо она обусловлена действительным положением вещей. Очевидно, к словообразовательным парам всё же могут относиться только такие образования, которые имеют общие элементы в своих значениях» [2]. По нашему мнению, опираясь на свой языковой опыт, мы установили, что общие семантические элементы в паре *стоять – настоять* имеются. В таком случае границы гнезда видоизменяются по сравнению с гнездом, данным в СС, за счёт включения семантически связанных с ним единиц.

Несмотря на такие спорные случаи, в СС многие слова совершенно справедливо с синхронической точки зрения отнесены в самостоятельные гнезда, т.к. семантические связи с СГ глаголов *лежать* и *стоять* стёрлись; например: *прилежный, принадлежать, подлежащее, состоять, расстояние, постоянный* и др.

Естественным образом состав СГ пополняется и за счёт новых слов, постоянно возникающих в речи по действующим образцам или по аналогии к конкретному слову. Неологизмы, стремящиеся закрепиться в языке, и окказионализмы, удовлетворяющие разовую потребность в них в речевой деятельности, активно используют словообразовательный потенциал анализируемых исходных глаголов СГ и тем самым потенциально расширяют границы этих СГ, определённые в СС. Как известно, фиксация этих новообразований происходит в различных словарях новых слов и значений, регулярно выходящих с 1971 г., а также в новых толковых словарях (например, БТС). Методом сплошной выборки нами были извлечены из новых лексикографических источников все однокоренные с указанными исходными глаголами слова, не зафиксированные в СС. Таких новообразований выявлено большое количество – 118. Все неологизмы (в том числе и окказиональные слова) можно разделить на 6 тематических групп.

1. В связи с техническим прогрессом общества и развитием науки появилось много слов, называющих свойства различных медицинских, биологических, химических, физических и др. материалов, сплавов и т.п. Это наиболее представленная группа - 32 слова, все они из СГ глагола **стоять** и образованы способом сложения основ различных слов со словами **стойкий (стойкость)** и **устойчивый (устойчивость)**. Например: **сверхжаростойкий** – чрезвычайно жаростойкий, обладающий очень высокой стойкостью по отношению к коррозии при высоких температурах. **Сверхжаростойкие материалы**; **сдвигоустойчивость** – свойство дорожных покрытий, характеризующееся устойчивостью к сдвигам. *Взять такое свойство покрытия, как сдвигоустойчивость. Многие, наверно, замечали, что асфальт у троллейбусных, автобусных остановок неровный – вроде стиральной доски* [«Известия»]; **взрывоустойчивый** – устойчивый против взрыва; способный противостоять взрыву. *В институте создан комплекс с генератором инертного газа для дистанционного возведения взрывоустойчивых перемычек* [«Правда»]. Сюда же можно отнести слова *чудостойкий, бензостойкий, термобаростойкий, трещиностойкость, огнеустой-*

чивый, пылеустойчивый, сверхзасухоустойчивый, антибиотикоустойчивость и др.

2. Группа слов, обозначающих технические устройства различного рода, новые орудия, механизмы, приспособления, а также их технические характеристики (18 слов), например: **многостоечный** - имеющий большое количество стоек. **Многостоечное шасси** позволяет «Руслану» садиться на грунтовых аэродромах [Известия]; **робот-сиделка** – много-функциональный робот для ухода за больным в домашних условиях. Фирма «Мицубиси» приступила к конструированию многофункционального робота-нянечки для больниц и **робота-сиделки** попроще, для индивидуального пользования [Неделя]; **лежнёвка** - железная дорога без насыпи, на бревнах, лежащих на земле (в разг. проф. речи). Проверить прочность **лежнёвки**. Сюда же можно отнести слова **гидростойка**, **стойка-плоскорез**, **накопитель-отстойник**, **глубокоосидающий**, **провис** и др.

3. Большое значение в нашей жизни всё больше приобретает автомобиль и другие транспортные средства, с которыми связана эта группа из 9 новообразований, входящих в состав СГ глагола **стоять**. Например: **автостоянка** – стоянка автомобилей. Для тех, кто приедет в кинотеатр на автомобиле, предусмотрена подземная **автостоянка** [Щербина]; **мини-автостоянка** – автостоянка для небольшого количества машин. В Паланге берегут землю. Создаются даже **мини-автостоянки** (это инициатива лесничества) на 10-12 машин, чтобы как можно меньше беспокоить землю [«Правда»]; **стояночник** – тот, кто пользуется или владеет автостоянкой (в разг. речи). **Стояночники** готовы выделить специальные помещения под камеру хранения для велосипедов и мопедов [«Известия»]. К этой же группе относятся слова **антистояночник**, **киностоянка**, **базастоянка**, **гараж-стоянка**, **местостояние**, **машинно-застойный**.

4. Группа, которая состоит из 15 слов, относящихся к экономической жизни общества, например: **вышестоящие**, **вышесидящие** – о тех, кто занимает более высокое служебное положение (в разг. речи, ирон.). Я привык к тому, что мое мнение ничего не значит для **вышестоящих** и **вышесидящих** [«Правда»]; **кафе-стоячка** – кафе, в котором едят стоя. Чуть в глубине располагалось замечательное в своём роде **кафе-стоячка** [«Не-

деля»]; **нелёжкий** – об овощах, фруктах: непригодный для продолжительного хранения, длительной лёжки; нелёжкоспособный (в проф. речи). *Партии нелёжкого картофеля необходимо перебрать и реализовать* [«Советская торговля»]. Сюда же можно отнести слова *прилавок-стойка, отсиживатель, пересидка, подлежавший, нефтезалежи* и др.

5. Как известно, в политической жизни России в середине 80-х гг. произошла перестройка, в связи с чем появилось название того периода, в котором находилось общество в 70-е – начале 80-х гг. Это новое значение известного слова *застой*, от которого образовалось ещё 13 новых слов. Например: **застойка** – то же, что застой; последствия застоя (в разг. речи). *Нет выбора у перестройки. Только правда в глаза, только честный, бескомпромиссный бой с «застойкой»* [«Крокодил»]; **застойщик** – представитель застоя (в разг. речи). *Сначала были «перестройщики» и «застойщики», потом «сталинисты» и «демосоциалисты», «реформаторы» и «консерваторы»* [«Мегаполис-Экспресс»]; **послезастойный** – наступивший после застоя в экономической и общественно-политической жизни страны. *Фильм явился творением раннего послезастойного периода* [«Литературная газета»]; а также: *застойчик, застойщина, застойлетье, застойщица, застойно-застойный, незастойный* и др. К этой же группе, связанной с политической сферой общественной жизни, относятся слова *стойковилеющий, отсидент*.

6. Остальные выявленные неологизмы можно отнести к области различных социальных явлений, происходящих в обществе. Это достаточно ёмкая по численности группа, включающая 28 новообразований, что объясняется большой актуальностью этой сферы нашей жизни. Например: **сверхнастойчивость** – высшая степень настойчивости, чрезмерная настойчивость. *Сверхнастойчивость в попытках «загнать голландцев в общий строй» проявляют правые на Рейне* [«Литературная газета»]; **неустоявшийся** – такой, который не устоялся, не стал определённым, постоянным. *Неустоявшийся коллектив. Неустоявшаяся погода; расслаживаться – Неодобр.* То же, что *расслаживаться*. *Нет времени расслаживаться за столом; вислопечий* – имеющий отвислые плечи. *Подошёл сосед, Семён Рябов, высокий, вислопечий, руки длинные, чуть ли не до колен* [Москов-

ский]; а также: *исстоявшийся, нетамстояние, сухостоина, настойчиво-ласковый, вольностоящий, посиделки-беседы, долгосидение, сидушка, полувозлежать, лежебокование, лежаком, вислоусый* и др.

В словарях новых слов и значений фиксируются не только неологизмы, но и неосемемы – новые значения уже известных слов. Неосемемы также стали объектом нашего внимания, так как они увеличивают содержательное наполнение анализируемых СГ, а учёт их важен для составления Толкового словообразовательного словаря, работа над которым уже ведётся. В этом словаре предполагается отразить семантические связи между производящим и производным словом не только на уровне лексем, но и семемы. Выявлено 35 новых значений лексем, зафиксированных в СС, которые также соотносятся с различными тематическими группами, представленными выше. Это такие новообразования, как, например, **стойло** - о месте стоянки транспортного средства (*переносно, жарг.*) *В цеховом депо своими силами уложили рельсовый путь, оборудовав «стойло» для еще одного тепловоза, чтобы он в любой момент мог быстро включиться в работу* [«Правда»]; **стоячок** - небольшая легкая постройка, в которой помещается кафе, где едят стоя; кафе-стоячка (в разг. речи). *Я свернул влево, где раньше стояла пивная палатка, а сейчас соорудили крытый стоячок типа кафе, намного культурнее* [Леонович]; **высидка** - пребывание в установленное время на рабочем месте (в разг. речи, ирон.). *Сейчас ведь как бывает: «запорол» токарь станок и бежит к ремонтникам: дайте запасную часть, план горит. А у тех и голова не болит: им платят не за выданные детали, а за «высидку»* [«Правда»]; **лежащий** – пришедший в упадок, нерентабельный (*перен.*). *Не раз слышали на Ставрополье: поднимать «лежачее» хозяйство Шумский, дескать, начинал с людей* [«Известия»]; **пролежень** – о залежавшихся, неходовых товарах. *Цены снижались на товары с «пролежнями»* [«Неделя»]; **отстойник** - *Перен. Разг.* О месте сосредоточения деградировавших элементов, преступных группировок. *Бесперспективность региона превратила некогда цветущий курорт в никому не нужный криминальный отстойник* [Завтра]; **застойность** – наличие застоя. *Надо переходить к конкретному анализу явлений застойности* [Коммунист]; и др.

В последние два десятилетия активно развивалась компьютерная индустрия, в связи с чем исходный глагол СГ **висеть** получил новое значение: *Висеть - Жарг.* Не реагировать на запросы извне, не выдавать результаты (о компьютере). *Если компьютер висит, необходима перезагрузка.* Соответственно некоторые производные слова получили отражение этого значения: *виснуть, зависнуть, зависать, зависание.*

Можно отметить, что из 153 выявленных новообразований (неологизмов и неосемем) 101 входят в состав СГ глагола **стоять**, что объясняется прежде всего высокой частотностью исходного глагола (922), а меньше всего – 16 новообразований – из СГ глагола **висеть**, соответственно, из-за низкой частотности исходного глагола (94). Таким образом, исходные глаголы, принадлежащие к лексико-семантической группе «*Положение в пространстве*», показали высокий деривационный потенциал (особенно глагол **стоять**), а СГ этих глаголов являются открытыми для дальнейшего пополнения их состава и расширения не только количественных, но и семантических границ словообразовательных гнёзд.

Список литературы:

1. Русская грамматика. М., Наука, 1980. Т. I. С. 133-134.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М, Русский язык, 1985. С. 44.
3. Беркович Т.Л. Новые гнёзда для «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н.Тихонова // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1991. С.37.
4. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.
5. Земская Е.А. Членимость и производность слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С.114.

© Плотникова Ю.И., 2003

Шарафутдинов Д.Р. О специфике системных семантических соотношений синтаксических дериватов

Синтаксическая деривация, по Ежи Куриловичу, представляет собой специфический тип структурно-семантических отношений между словообразовательно связанными единицами, при котором преобразуется не лексическое значение, а лишь синтаксическая функция производящего слова вследствие изменения его частеречной принадлежности (*читать* → *чтение*, *бежать* → *бег*, *искать* → *поиск*; *белый* → *белизна*, *известный* → *известность*, *свежий* → *свежесть*; *громкий* → *громко*, *веселый* → *весело*, *дружеский* → *по-дружески* и т.п.). В соответствии с этим синтаксическая деривация всегда основана на так называемой межкатегориальной (функциональной) транспозиции, в отличие от деривации лексической, соотносительной со сферами как межкатегориальной, так и внутрикатегориальной (при модификационных словообразовательных отношениях) транспозиции.

В случае так понимаемой синтаксической деривации члены словообразовательной пары представляют **одну лексико-семантическую единицу** (лексический компонент значения производного тождествен лексическому компоненту значения производящего), но, вместе с тем, являются **разными лексемами**, а не словоформами одной и той же лексемы, именно в силумены **категориального** (категориально-грамматического) компонента значения производящего. Например, отглагольный или отадективный субстантивный синтаксический дериват является отдельной, самостоятельной лексемой, поскольку имеет отличный от глагольного (процессуального) или от адективного (признакового) категориально-грамматический компонент значения — “предметность” — и, следовательно, обладает всеми морфологическими и синтаксическими свойствами принципиально иной части речи — имени существительного: изменяется по падежам и (реже) числам, но не изменяется по родам, лицам, временам, наклонениям, залогам; выполняет соответствующие синтаксические функции в предложении. Формальные средства синтаксической деривации в соответствии с этим являются словообразовательными структурными аффиксами, и грамматическая специализация этих дериваторов “сводится как раз к изменению категориальной принадлежности исходного слова” (Куб-

рякова, 1974, 145). (Известно, что сам Е.Курилович рассматривал формальные показатели синтаксической деривации как чисто синтаксические морфемы — типа флексий, манифестирующих грамматические формы слов (Курилович, 1962, 61-62).)

Синтаксический дериват в системе языка противопоставлен не только грамматической форме, но и лексико-семантическому варианту (ЛСВ) исходного слова. Будучи двусторонними языковыми единицами, синтаксический дериват и лексико-семантический вариант принципиально различаются как, соответственно, единица грамматической (словообразовательной) парадигмы и единица лексической парадигмы слова. В традиционном понимании лексема (слово как носитель одновременно и лексических, и грамматических значений; слово как парадигма — совокупность словоформ и конкретных смысловых вариантов) и минимальная лексическая единица (слово как носитель отдельного, частного лексического значения; слово-значение; лексико-семантический вариант) — сущности неоднородные, неравноположенные; они соотносятся между собой как целое и частное, обобщенное и конкретное соответственно, как парадигматический ряд единиц и отдельная единица, являющаяся конкретным извлечением из этого ряда. “Формальное единство лексем обеспечивается единством словоизменительной основы ее словоформ, принадлежностью к определенной части речи (единством так наз. категориального значения), принадлежностью к определенному словоизменительному типу, а смысловое единство — семантической связью между отдельными лексико-семантическими вариантами одной лексем (т.е. минимальными лексическими единицами. — *Д.Ш.*)” (Булыгина, Крылов, 1990, 257).

Отношения синтаксической деривации в определенном смысле “обратны” отношениям полисемии. Многочисленная лексема содержит парадигматический ряд частных, элементарных лексических значений и характеризуется единством категориально-грамматической семантики, тогда как синтаксическая деривация, наоборот, представляет парадигматический ряд категориальных значений и характеризуется единством лексической семантики. Иными словами, в первом случае представлены разные лексические значения в комбинации с одним категориально-

грамматическим значением (т.е. разные лексико-семантические единицы, но одна грамматическая единица), а во втором — одно лексическое значение в комбинациях с разными категориально-грамматическими значениями (т.е. одна лексико-семантическая единица, но разные грамматические единицы):

Полисемия	Лексич. знач. 1	Лексич. знач. 2
Лексемы	Категор. знач. 1	Категор. знач. 1
Синтаксическая	Лексич. знач. 1	Лексич. знач. 1
Деривация	Категор. знач. 1	Категор. знач. 2

Тем самым, синтаксический дериват представляет собой как бы “перевернутый” лексико-семантический вариант многозначной лексемы.

Если же понимать под лексемой абстрактную комплексную языковую сущность, обладающую и лексическим (лексико-семантическим), и грамматическим единством, а под **лексической** единицей как таковой — актуализованную языковую сущность, характеризующуюся только лексическим единством, то в рассматриваемом случае лексическая единица, по определению, существует безотносительно к границам отдельной лексемы: одна лексическая единица оказывается представленной разными лексемами (синтаксический дериват и его производящее). Можно даже утверждать, что данная лексическая (номинативная) единица выступает в различных частеречных ипостасях (= в сочетаниях с различными грамматическими единицами). Таким образом, в рамках отглагольной синтаксической деривации определение производного и производящего как отдельных, различных лексем осуществляется не по лексическому, а исключительно по грамматическому основанию.

В отличие от лексем, представляющих собой лексико-грамматические общности языковых единиц, так понимаемые минимальные лексические единицы — это только лексически (лексико-семантически) охарактеризованные языковые единицы, в общем не регламентированные со стороны грамматики (подобно тому как грамматические, например, синтаксические, единицы в принципе допускают весьма разнообразное, широко варьи-

рующееся лексическое наполнение). Категориальная, частеречная характеристика таких единиц является величиной переменной. В этом случае минимальная лексическая единица представляет собой не только отдельный лексико-семантический вариант слова, но и целый класс языковых единиц — совокупность лексико-семантических вариантов различных слов, объединенных общим, тождественным компонентом плана содержания — одним лексическим значением.

Минимальными собственно лексическими единицами языка являются лишь носители частных, элементарных лексических значений. Именно эти слова-значения выступают в качестве основных операциональных единиц в словообразовании, в том числе и в синтаксической транспозиции. В последнем случае семантическое расстояние между ними, как правило, равно нулю, поскольку речь идет, по словам И.А.Мельчука, только о формальном вложении одной знаковой единицы в другую при тождестве их значений (Мельчук, 1968, 431, 432).

Таким образом, отношения синтаксической деривации охватывают две лексемы, различающиеся частеречной принадлежностью, но при этом не выходят за пределы одной лексической единицы.

Принципиальное сходство планов содержания производного и производящего лексико-семантических вариантов при синтаксической деривации дает основания И.Г.Милославскому для уподобления обсуждаемого словообразовательного феномена отношениям синонимии. “Можно даже утверждать, — пишет И.Г.Милославский, — что члены пары ... являются синонимами, различающимися своими сочетаемостными свойствами, как, например, слова *карий* (только в сочетании с *глаз!*) и *коричневый*, *потупить* (тоже только *глаза* или *взор*) и *опустить*” (Милославский, 1993, 61). Признание синтаксического деривата и его производящего синонимами представляется весьма проблематичным ввиду несовпадающей частеречной принадлежности этих единиц, их значительной формальной близости и наличия отношений непосредственной словообразовательной мотивации между ними. Вместе с тем, существование между членами рассматриваемой словообразовательной пары “отношений семантического тождества при различии лишь в синтаксических ролях”

(там же) обеспечивает возможность того, что во многих случаях соотносительные синтаксические конструкции с синтаксическим дериватом, с одной стороны, и с его мотиватором, с другой, действительно находятся в синонимических отношениях. “Понятно, почему этот тип словообразования семантически сближается с синонимией, — пишет по этому поводу Ю.Д.Апресян, — главным свойством синонимов является именно то, что они не различаются своим лексическим значением” (Апресян, 1995, 164). Синтаксическая деривация является одним из основных механизмов формирования парадигмы предложения (в широком понимании), прежде всего в части межсхемных и межуровневых синонимических соотношений синтаксических единиц; эффективным инструментом трансформации (свертывания) полипредикативных синтаксических структур в монопредикативные с предикатными актантами. Синтаксическая деривация — совершенно особое лингвистическое явление, имеющее не только общеграмматическую, но и общезыковую значимость; это феномен, ярко и убедительно демонстрирующий связь между лексикой, словообразованием, морфологией и синтаксисом.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М., 1995.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Лексема // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
3. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая (1936) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // ИАН ОЛЯ. 1968, № 5.
6. Милославский И.Г. Как разобрать и собрать слово. М., 1993.

© Шарафутдинов Д.Р., 2003

Сведения об авторах опубликованных статей

Бадрызлова Юлия Геннадьевна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

Быкова Светлана Евгеньевна – ассистент, соискатель кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Гашева Ольга Викторовна – ассистент кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Горелик Полина Леонидовна – аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Жавкина Евгения Борисовна – аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Каслова Анастасия Александровна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

Кондакова Мария Федоровна – ассистент, аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Кравченко Людмила Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Челябинского государственного университета.

Лукина Ольга Ивановна – ассистент кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Макеева Светлана Олеговна кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка УрГПУ.

Михайлова Людмила Юрьевна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

Нахимова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уралльского юридического института МВД РФ.

Павлова Наталья Сергеевна – ассистент, соискатель кафедры иностранных языков УрГУ им. А.М. Горького.

Плотникова Юлия Ивановна – преподаватель кафедры русского языка как иностранного УрГУ им. А.М. Горького.

Поваляева Юлия Владимировна – аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Слезкина Марина Геннадьевна – аспирант кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета г. Челябинска.

Соколова Ольга Леонидовна – ассистент кафедры французского языка, аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков УрГПУ.

Сорокина Мария Вячеславовна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и культуры речи УрГПУ, заслуженный деятель науки РФ.

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка УрГУ им. А.М. Горького г. Екатеринбург.

Шинкаренкова Мария Борисовна – ассистент, аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.
